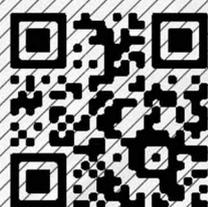
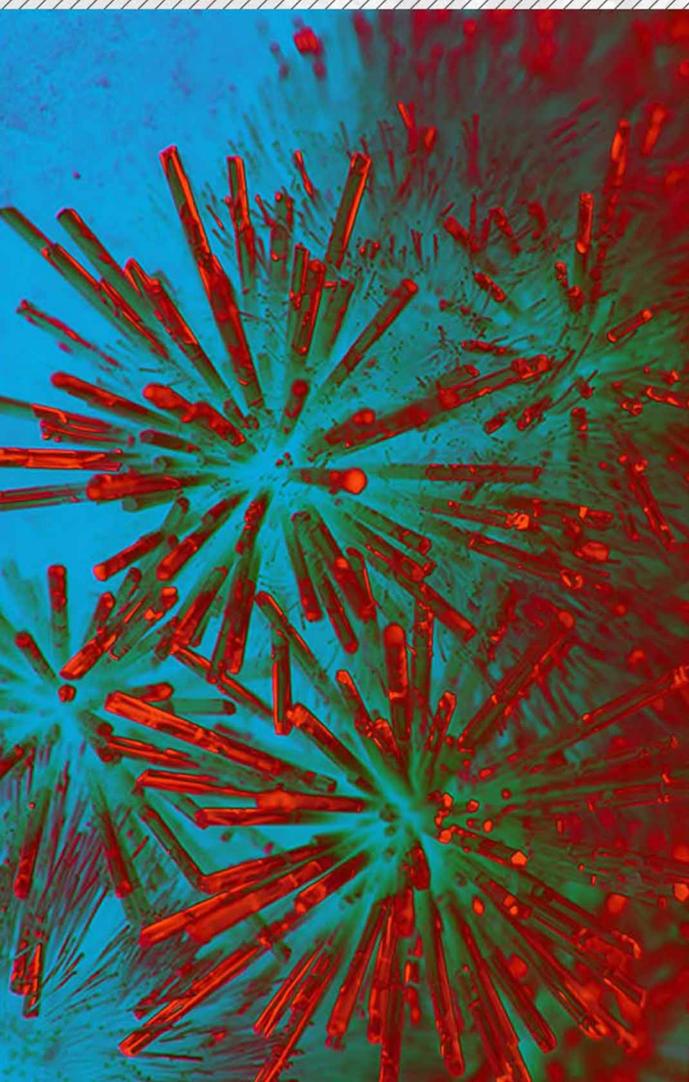

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 СЕНТЯБРЯ 2016 Г.

2016 № 9-5
ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 9-5

Периодический научный сборник

*по материалам
XVIII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 сентября 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 9-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XVIII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 сентября 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Sharapova J.V.</i> SILENCE IN IRISH SHORT PROSE.....	5
<i>Белова Л.В.</i> РАЗРУШЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА	7
<i>Веденяпина Э.А.</i> «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С. ПУШКИНА: РОМАН О СМЕРТИ.....	11
<i>Волошина Г.В.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	15
<i>Волошина Т.Г., Гурьева И.А.</i> К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЕ ДИАЛОГА	18
<i>Волошина Т.Г., Гурьева И.А.</i> СЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЧИНЕНИЕМ И ПОДЧИНЕНИЕМ В СОСТАВЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА	20
<i>Долженков В.Н.</i> ТЕКСТ С ДИСКУРСИВНОЙ НОМИНАЦИЕЙ В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ	22
<i>Егорова И.Д.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАСНИ Д.В. ДАВЫДОВА «ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ».....	24
<i>Козлова Я.Ю.</i> ФУНКЦИИ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАПАХА НА ГЕРОЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	27
<i>Крапивина М.С., Матюшенко Е.Е., Чижова В.А.</i> ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ РИТМ.....	30
<i>Кульсарина Г.Г.</i> «КУНАКСЫЛЛЫК» (ГОСТЕПРИИМСТВО) КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И КУЛЬТУРЫ БАШКИР (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА).....	35
<i>Латыпова Э.М.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, ОТРАЖАЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МИРА РУССКИМ НАРОДОМ).....	38
<i>Лебедева Е.В.</i> КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО» В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР».....	42
<i>Нетребко Е.Э.</i> АНГЛИЙСКИЙ АРТИКЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	45
<i>Нелькенбаум В.М.</i> СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	50
<i>Озерова А.К.</i> ПОЖЕЛАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ	52
<i>Савельев Ю.Н.</i> ЕЩЕ ОДИН «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК».....	56
<i>Савина Е.М.</i> ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДИАЛОГОВ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	58
<i>Стрункова А.И.</i> ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНОНИМОВ ПОНЯТИЯ «МОДНЫЙ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	62
<i>Чиронов С.В.</i> НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДЕЛЬНО ДОПУСТИМОЙ ВЕЛИЧИНЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ	64
<i>Шадрина Ю.Е.</i> ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	75
<i>Шульжеская А.А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ПОДТЕКСТА В РОМАНЕ КЭНДЗАБУРО ОЭ «ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ»	79

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	83
<i>Бубличенко В.Н.</i> МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДЫ КАЛАЧ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)	83
<i>Дарендорф М.В.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (В ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ, ИЗУЧАЮЩИМ АРХЕОЛОГИЮ И ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ)	85
<i>Дарендорф М.В.</i> О СТАРИННЫХ КАМЕННЫХ БАШНЯХ В ВЕРХОВЬЯХ КУБАНИ И ПРАВЫХ ПРИТОКОВ ТЕРЕКА	88
<i>Денисов М.Е.</i> К БИОГРАФИИ ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРА (ТОРОПОВА) (1861-1937 гг.)	92
<i>Денисов М.Е.</i> К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЯЧЕСЛАВА ЗАНКОВА (1892-1937 гг.)	95
<i>Егорова В.П.</i> КУСТАРНЫЕ РЕМЁСЛА ДАГЕСТАНА В СТАТИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ Е.И. КОЗУБСКОГО 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА.....	100
<i>Зеленский Ю.В.</i> ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ – КНЯЗЬ НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ	109
<i>Прищепина А.И.</i> ПЕРВЫЕ СУРГУТСКИЕ МОСТЫ	111
<i>Прищепина А.И.</i> СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СУРГУТСКОЙ АВИАЦИИ	114
<i>Сафронов А.С., Симонова Е.А.</i> РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ У ПИЛИГРИМОВ.....	117
<i>Торопицын И.В.</i> УЧАСТИЕ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР В ОТРАЖЕНИИ ШВЕДСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1615 ГОДУ	119
<i>Фоменко В.А.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПАМЯТНИКИ АБАЗИН XVI – НАЧАЛА XX в.).....	123
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	130
<i>Зайцева О.А.</i> ПАРАДИГМА НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ЭЛЕМЕНТ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.....	130
<i>Петров П.Ю.</i> СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ТЕХНОЛОГИЙ	132
<i>Хотеева М.С.</i> ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.....	137
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	141
<i>Душина Е.С.</i> ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ.....	141

SILENCE IN IRISH SHORT PROSE

Sharapova J.V.

Ph.D, Associate Professor of English Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, Saint Petersburg

Arguably, silence is the most ephemeral and striking thing in the world, where its effect, depending on one's perception, can be recognised as positive or negative or in-between. At times, silence may seem unavoidable, desirable, scary, sought-after, threatening, contradictory, unbearable, obligatory, relaxing, mystifying. It can make one happy or miserable or both. This paper focuses on the role that silence plays in the lives of some characters dwelling in the works by 4 famous Irish writers.

Key words: silence, Irish writers, short story, style, literature.

In the modern world where all sorts of sounds often aggressively surround those who want to enjoy them as well as those who would rather refrain from the pleasure, silence seems to be, on the one hand, an object of a strange desire, while, on the other, – a tool of a refined torture. But the word or the concept of `silence` does not always mean `the lack of any sound` [10] or `stillness` [9]; it can refer to a situation, state, or period of time in which people do not communicate [8]; it can also denote any `absence of mention` or imply some `secrecy` [8]. Silence can be deep and strained, total and perfect, dead and eerie, awkward and prolonged. According to some, silence is the loudest scream, while others suggest that silence is the unspeakable beauty of a purely divine nature. Silence may not necessarily be the object of description attracting literary giants; surprisingly though, in many their works it plays a crucial role influencing significantly the perception of the narrative, which can be seen, for instance, in 4 short stories by Oscar Wilde, James Joyce, John Banville and Maeve Binchy.

The first man on the list is an unconventional advocate of `Art for Art's Sake` who had a phenomenal ability to combine fantasy with realism and who believed that `in artistic matters style outweighed sincerity or substance` [6]. Oscar Wilde's short story `The Model Millionaire` is a wonderful proof of the aforesaid. The protagonist of the story, Hughie Erskine, is in love and wants to marry, but the girl's father will not allow it, since Erskine has not enough money to support the family. The situation changes completely when Hughie unawares meets a wealthy Baron Hausberg disguised as a wretched beggar to have a portrait of himself done for fun in this attire. That's where the factor of silence comes in: asked not to speak by his painter friend who later leaves the studio for a while, Erskine out of compassion slips his only coin into the beggar's hand and quietly quits. What goes around comes around: being so impressed by Hughie's generosity Baron Hausberg arranges for his wedding.

Another master of style who revolutionized the 20th century fiction, a poet who wrote in prose, a composer who used words instead of notes, James Joyce, as

one critic famously wrote, 'was and remains almost unique among novelists in that he published nothing but masterpieces' [7]. To the latter belongs a short story 'The Boarding House', which together with fourteen other tales offers a hardly flattering picture of a city in decline. A self-made woman and proprietor of a Dublin's boarding house, Mrs Mooney learns that her daughter, Polly, is having an affair with Mr Doran, one of her boarders. She chooses persistent silence as a form of action for a while intending then to push the young man into marrying her daughter by threatening him with full disclosure. Meanwhile, Mr Doran himself contemplates all possible outcomes of this affair still mildly hoping to somehow escape till a couple of minutes before the unavoidable talk with the Madam, on the way to seeing whom he accidentally meets her son. Jack, having a reputation of a hard case, with a cold salute and a silent look single-handedly forces Mr Doran to make the solemnly sad decision.

Having confessed that as a boy he imitated James Joyce and later placed 'himself in the Beckett camp' [3], John Banville deems that most highly he has been influenced by Henry James and Heinrich von Kleist, whereas critics consider him to be 'the heir to Proust, via Nabokov' [11]. His style of writing is often described as hypnotic, glittering, seductive, ravishing, allusive, meditative, hallucinatory, mesmerising, unfussy, lucid, gripping, beautiful, dazzling, dangerous, lyrical, fastidious, hilarious. One can agree that nearly all these epithets can apply to his short story 'Nightwind'. Silence here no longer is a form of action but a form of existence. It is a narrative about lonely souls who are lost and tired, about a failed writer who hosts a party where a murderer lurks on the premises, about a friend who makes a pass at the writer's wife, about all those who have everything and nothing at the same time. This oblique emptiness is omnipresent: in blind white doors, in unattainable secret worlds, in blowing wild winds, in rare absent touches, in waning sounds, in fading objects, in miscommunication that is ubiquitous and the technical complete disuse of emotionality signs like exclamation or question marks only highlights the obvious problem.

One of Ireland's best-loved and most recognisable writers, whose books have outsold many of her Irish peers, Maeve Binchy, the author of 'funny yet poignant' and 'heart-warming tales of friendship and romance' [1] was 'witty and wonderful company' [2], they say. Asserting that she neither wrote poetry nor explored a new form of literature [5], Maeve Binchy joked that she could write as fast as she could talk [4]. She had her own 'unique style – a rapid-flow delivery of stories, anecdotes and observations on life' [1]. Her piece of short prose 'Shepherd's Bush' is of this kind. The concept of silence in it is an imposed approach to dealing with complications as well as the matter itself. A young underpaid hotel manager, May, gets pregnant by her married boss, Andy, and flies from Dublin to London for a clandestine abortion being nearly sure that her lover will never learn about the real cause of her trip. The story is about very moral people in their own way who silently opt for pretence in order not to hurt somebody else or themselves or the falsely crafted image of the whole country that was cultivated for decades despite the atmosphere of hopelessness and despair that found its place in the souls of some common people.

Silence is not an intrinsically Irish phenomenon, rather the opposite. It is present and treated accordingly, circumstance-wise, in very many cultures. Unique though are the shades that silence gets on the Irish scene, be it natural or human or cinematographic or literary.

References

1. Dudgeon P. Maeve Binchy: `It Was as if I'd Had a Vision. From Then Onwards, I Was Never Afraid`. The Telegraph, 4 Aug 2013. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/10220432/Maeve-Binchy-It-was-as-if-Id-had-a-vision.-From-then-onwards-I-was-never-afraid.html> (05.03.2014).
2. Greenslade R. Maeve Binchy, a Journalist Whose Head Was Full of Stories. The Guardian, Tuesday 31 July 2012. URL: <http://www.theguardian.com/media/greenslade/2012/jul/31/maevebinchy-irish-times> (05.03.2014).
3. John Banville. The Guardian, Tuesday 22 July 2008. URL: <http://www.theguardian.com/books/2008/jun/10/johnbanville> (05.03.2014).
4. Maeve Binchy. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Maeve_Binchy (05.03.2014).
5. Maeve Binchy. URL: <http://www.celticcafe.com/archive/Books/binchy> (05.03.2014).
6. Oscar Wilde`s Writing Style. URL: <https://sites.google.com/site/snbrummett/home4> (01.03.2014).
7. Ruch A.B. James Joyce. URL: http://www.themodernword.com/joyce/joyce_biography.html (01.03.2014).
8. Silence. Merriam-Webster. An Encyclopaedia Britannica Company. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/silence> (14.02.2014).
9. Silence. The Free Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/silence> (14.02.2014).
10. Silence. Wiktionary. URL: <http://en.wiktionary.org/wiki/silence> (14.02.2014).
11. So J. This Week`s Hot Reads, October 1, 2012. Ancient Light by John Banville. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2012/10/02/this-week-s-hot-reads-oct-1-2012.html> (05.03.2014).

РАЗРУШЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Белова Л.В.

студентка Института межкультурной
коммуникации и международных отношений,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Россия, г. Белгород

Настоящая статья посвящена вопросу бытования и изменения мультикультурной модели современного британского сообщества. Автор анализирует лингвистические концепты, свидетельствующие о неприятии мигрантов коренным населением Великобритании и, как следствие, разрушении описываемой мультикультурной модели.

Ключевые слова: концепт, мультикультурная модель, мультикультурализм, диалог культур.

Формирование мультикультурного общества связано с общим развитием демократических процессов в мире, более тесным межкультурным взаи-

модействием, усиливающейся международной интеграцией, возникновением новых ценностей как результата диалога культур. Основопологающим признаком современного британского общества представляется симбиоз общечеловеческих и национальных ценностей, расширение межкультурной коммуникации, а также возникновение новых компонентов национальной культуры.

При этом указанные социальные процессы неизбежно связаны с нарастанием расовых конфликтов и политических противоречий в Великобритании. С лета 2011 года, когда наблюдался всплеск массовых беспорядков сразу в нескольких английских мегаполисах, не исчезает напряженность между коренным населением государства и мигрантами [4, с. 77]. С учетом подобной обстановки во главу угла современных научных исканий помещается вопрос об интеграции некоренного населения. Таким образом, проблема диалога культур является, по определению, междисциплинарной, так как становление и формирование мультикультурной модели привлекает внимание психологов, антропологов, политологов, культурологов, лингвистов.

Для обозначения состояния этнокультурного, расового, религиозного разнообразия населения страны был введен термин «мультикультурализм», определяемый как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» [1, с. 9]. Модель мультикультурализма предполагает легитимацию различных форм культурной инаковости, которая лаконично выражена в формуле «интеграция без ассимиляции».

Мультикультурная модель представляет собой концепцию совместного проживания на территории одного государства или сообщества государств групп людей, сохраняющих свои национальные культуры. [2, с. 26] Функциональность модели и самого процесса моделирования определяется степенью получения новой информации об изучаемом объекте. С этой точки зрения мультикультурная модель – это своеобразная реконструкция оптимальной для своего времени модели культурного развития, которая высвечивает доминирующие аспекты внутри определенной культурной формы и обладает уникальной конфигурацией внутрикультурных элементов, что определяет ее специфику [6, с. 12].

Как модель культуры мультикультурализм предполагает, прежде всего, снятие центрального вектора развития, деиерархизацию и легитимацию форм культурной инаковости. Одним из ведущих признаков существования в том или ином обществе мультикультурной модели является формирование норм и традиций, а также однородной культурной среды, характеризующейся смешением религиозных праздников, смягчением кулинарных устоев и табу, уходом от традиционной схемы социального поведения [5, с. 15].

Таким образом, апеллируя к понятию «мультикультурная модель», важно подчеркнуть, что, наряду с глобальным понимаем мультикультуры как специфической среды человеческого бытия, возможно и такое ее истолкование, которое указывает на систему сложившихся в данном обществе концептов, задающих определенный тип осмысления мира. В мировоззрении народа

большую роль играет оценка и отношение к фактам и событиям реальной действительности; именно совокупность концептов аксиологического модуса позволяет говорить о наличии языковой картины мира народа [3, с. 106].

Языковые концепты, характеризующие британскую национальную культуру в ее взаимосвязи с культурой привнесенной, имеют большое значение для постижения бытования мультикультурной модели современного британского общества. Обращение к центральному понятию когнитивизма, концепту, в настоящей статье обусловлено сложностью объекта исследования, включающего лексемы современного английского языка, репрезентирующие оценочные суждения. Упомянутые концепты представляют собой этнические ярлыки – устойчивые именованья, преимущественно негативного характера, которые даются отдельному представителю этнической группы или всей группе в целом и отражают вымышленные или реальные свойства и качества носителей данного ярлыка [2, с. 5].

Наиболее релевантным, общим, эквивалентным англоязычным этническим ярлыком, репрезентирующим негативную оценочную характеристику коренными британцами мигрантов, является концепт *refugee*. Рассматриваемое существительное, согласно дефинициям англоязычных толковых словарей, имеет значение «человек, ищущий убежища» [7; 11]. Данное существительное происходит от французского *refugier* – «искать убежища, защиты» [9]. Помимо заявленного значения, этимологические словари свидетельствуют о референции существительного *refugee* и значения «вытесненный, перемещенный» и датируют эту референцию 1608 годом [9]. Современное же толкование рассматриваемого существительного, наряду с первоначальным значением «бегущий из дома», допускает и участие данного существительного в сленговых выражениях для описания мигрантов: *Refugee implies that we have an obligation to people* [12], *It's madness to help one group of refugees to integrate and find work* [10]. Иными словами, представленная словарная дефиниция указывает на такие характеристики мигранта как отсутствие собственного жилья, необходимость искать убежища, что следует рассматривать как оценочные характеристики негативного характера.

В контексте современных высказываний британских граждан негативное значение способны приобретать и семантически нейтральные лексемы. Так, прилагательное *black* – «черный, темный» [7; 11] – переходит в другой семантической дискурс и приобретает характер крайне негативной оценки в словосочетании *black people: After Brexit more black people would qualify to come in* [8], что иллюстрирует неприятие мигрантов коренным населением Великобритании.

Кроме того, фактический материал изобилует примерами использования словосочетания *illegal migrant* – «нелегальный мигрант» [7; 11], в разговорной речи сокращаемого до существительного *illegal* – «нелегал» [7; 11]. Например, в предложении: *If you are coming into a country without permission and you do it outside the law, you are illegal* [12]. При этом, данная оценочная характеристика применяется в том числе и в отношении мигрантов, уже имеющих вид на жительство, соответственно не являющихся нелегальными

мигрантами [8], что указывает, на наш взгляд, на высшую степень отрицательной оценки говорящим предмета высказывания, то есть на существование в коллективном языковом сознании британского общества достаточно низкой оценки лиц другой национальности.

Упомянутое существительное коррелирует в своем значении с существительным *clandestine* – «нелегал», реферирующим к одноименному прилагательному со значением «тайный, скрытый, подпольный» [7; 11] и также являющимся носителем отрицательной аксиологической коннотации: *Very often when we talk about British people who clandestine, we tend to talk of them as expats or expatriates. They are not immigrants* [12]. На наш взгляд, негативная реакция коренных британцев в большей степени вызвана радикализацией мусульманского сообщества и переходу экстремистов к активным действиям против государства, наделившего их гражданскими правами. Таким образом, детальное рассмотрение накопленного исследовательского тезауруса явно показывает тематическую однородность рассматриваемой лексики.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что мультикультурная модель – сложнейшее многомерное явление, обладающее чертами национального сознания, реализуемыми в языке Обзор семантических репрезентаций лексем, номинирующих основной тип сформировавшейся в британском обществе оценки мигрантов, показывает, что система таких оценок характеризуется преобладанием лексем с отрицательной семантической коннотацией, что свидетельствует о протекании процесса разрушения мультикультурной модели британского общества.

Список литературы

1. Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия/ Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. М.: Изд-во Аспект-пресс, 2003. 289 с.
2. Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 110 с.
3. Куприева И.А. Лингвокультурологические аспекты языковой репрезентации ментальных культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4(11). С. 105-108.
4. Погребинский М.Б. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. М: Весь Мир, 2013. 400 с.
5. Тонкова Е.Г. Понятие мультикультурализма: основные концепции. М.,СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. 256 с.
6. Хлыщёва Е.В. Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире: дис. канд. филос. наук. Астрахань, 2011. 407 с.
7. Cambridge Dictionary. –Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. – Cambridge University Press, 2016. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.09.2016).
8. Dathan Matt. More black people will be allowed into Britain if we leave the EU and immigration will become a 'non-issue'. Daily Mail. 2016. Vol. 8 (6). [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3630847/More-black-people-allowed-Britain-leave-EU-immigration-non-issue-says-Nigel-Farage.html> (дата обращения: 18.09.2016).

9. Douglas, Harper. An Etymological Dictionary of Modern English. – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://etymonline.com> (дата обращения: 12.09.2016).

10. Hale Stephen. New Funding For English Language Learning. The Huffington Post. 2016. Vol. 7(9). [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.refugeeaction.org.uk/about/blog/3203_new_funding_for_english_language_learning (дата обращения: 15.09.2016).

11. Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – Oxford University Press, 2016. – Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 21.09.2016).

12. Ruz Camila. The battle over the words used to describe migrants. BBC News Magazine. 2015. Vol. 28(8). [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/magazine-34061097> (дата обращения: 18.09.2016).

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С. ПУШКИНА: РОМАН О СМЕРТИ

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

«Капитанская дочка» А.С. Пушкина – не повесть и не исторический роман, как это принято считать до сих пор, а роман-мемуары, воспоминания человека, попавшего в бурю гражданской войны. Смерть грозила ему на каждом шагу, начиная с метели по дороге в крепость, куда он едет на службу, и сопровождала его до конца романа.

Ключевые слова: Пугачев, бунт, смерть, любовь.

*«Капитанская дочка» – так называется
Всероссийская литературная премия,
учрежденная Правительством Оренбургской
области и Союзом писателей России.*

«Капитанская дочка» – первый и единственный роман А.С. Пушкина в прозе. (*«Дубровский» – повесть, так как рассказано, в сущности, об одном, хотя большом и важном, эпизоде в жизни героев: встрече Владимира Дубровского и Маши Троекуровой в доме ее отца*). В «Капитанской дочке» – вся жизнь Петра Гринева от рождения, повествование осложнено описанием исторических событий – крестьянского восстания.

О романе «Евгений Онегин» автор писал, что между романом в стихах и романом в прозе – «дьявольская разница». Чем же отличается роман в прозе? На самый первый взгляд – тем, что в нем нет так называемых авторских отступлений, нет лиризма, события описаны бесстрастно, более того – они часто только названы, не развернуты в картины. Так, из всей гражданской войны, развязанной Пугачевым, показан лишь эпизод в Белогорской крепости. Более глубокий взгляд обнаружит в «Евгении Онегине» единство темы: любовь. И еще более – в этих авторских отступлениях ясно прослеживается соотнесенность жизни героя с жизнью автора, начиная с первых строк о том, где жил Онегин, – и тут же: «Там некогда гулял и я...» Да, герой там жил, а поэт гулял – они объединены этим местом: «там». И так – до конца, до описания Черного моря. Любовь во всех ее разновидностях и вариантах – и тема,

и основной нерв романа в стихах. В прозаическом романе основной темой стала смерть во всех ее видах: и та, что на миру, когда «и смерть красна»: во время штурма крепости, и позорная (Пугачева), и от ранения, и от отчаяния и болезни. Авторская позиция, кроме сюжета, проявляется только как издательское примечание в конце романа.

О теме смерти в поэзии Пушкина пишет Г. Волков в книге «Мир Пушкина». В «Капитанской дочке» о смерти читаем с первой страницы до последней.

В первой главе: «Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве». Мог умереть и сам повествователь, если не физически, то как военный служащий. Дело в том, что его еще до рождения записали в полк сержантом, а если бы родилась дочь, то «батюшка объявил бы куда следовало о смерти не явившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось». Во второй главе – сон Гринева о мертвых телах и кровавых лужах. Вот этот сон. Он крайне важен.

«Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным слушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. "Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься". Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: "Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его". Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: "Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благословения у мужика?" – "Все равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит..." Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: "Не бойсь, подойди под мое благословение..." Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли..."» В третьей главе – рассказ о дуэли Швабрина, бывшей в Петербурге: «Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях!»

Четвертая глава «Поединок» – о дуэли между Швабриным и Гриневым, спровоцированная Швабриным, старавшимся оскорбить и Машу, и ее мать, и всё семейство, и да и всё офицерство Белогорской крепости, состоявшее из коменданта, поручика и двух молодых офицеров: Швабрина и Гринева. За-

вершилась дуэль тяжелым ранением Гринева, которого опять-таки добился обманым приемом Швабрин.

Пятая глава начинается описанием тяжелого состояния Гринева: «без памяти, вот уже пятые сутки», а оканчивается сообщением о некоем неожиданном происшествии. Об этом – шестая глава: «Пугачевщина». Начинается она с сообщения о «смертных убийствах» Пугачева, продолжается описанием башкирца, у которого отсечены нос, уши и язык, а затем – рассказ о Нижнеозерной крепости, где «комендант и все офицеры перевешаны».

В главе седьмой описаны штурм крепости и казнь коменданта, поручика, Василисы Егоровны и близость смерти Гринева: «Мне накинули на шею веревку. Я стал читать по себя молитву, принося Богу искреннее во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу».

В восьмой главе башкирцы стаскивали сапоги с повешенных. Дважды описывается виселица: «Начинало смеркаться... Виселица с своими жертвами страшно чернела». «Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу».

В главе девятой вначале упоминается о не погребенном теле комендантши: «Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожей». Затем Пугачев произносит слова угрозы оренбуржцам, а Гринев, уезжая, поклонился виселице. Маша была на краю гибели. В десятой главе описана осада Оренбурга, «гибельная для жителей». Правда, Гринев «умирал со скуки», в тоске по любимой. В одиннадцатой главе ему угрожает смерть: караульные Пугачева схватили Савельича, спасая которого Гринев попал в плен. Решение караульных было такое: «А наш батюшка волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дождаться свету Божьего». Один из советников потребовал для Гринева пытки и повешения. По дороге в Белогорскую крепость Гринев рассказывает Пугачеву о смерти Гришки Отрепьева: «Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!» На это Пугачев отвечает сказкой о вороне и орле, питавшемся живой кровью.

В двенадцатой главе – о спасении Маши – упоминаются могилы ее родителей за церковью. В тринадцатой главе «Арест» Марья Ивановна клянется Гриневу быть верной ему «до могилы», заканчивается война с Пугачевым, а Гриневу отравляет радость мысль о Пугачеве, «о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей». Самого его ожидает арест.

В четырнадцатой главе «Суд» сообщается о том, что Гринева должна была постигнуть смертная казнь, но он помилован за заслуги его отца. Известие это чуть не убило старого Гринева.

Оканчивается повесть кратким послесловием, извещающим о казни Пугачева, свидетелем которой стал Гринев, увидевший его отрубленную голову. Так заканчивается книга: последний яркий «кадр» в ней: палач перед народом держит за волосы мертвую окровавленную голову.

«Евгений Онегин» был в основном закончен перед женитьбой. «Капитанская дочка» была закончена 19 октября 1836 года, в последнюю для Пушкина

кина годовщину празднования лицейской дружбы. Роман стал последним опубликованным произведением: вышел в четвертом номере журнала «Современник» в 1836 году, в декабре. В феврале 1837 года Пушкина не стало. Роман был закончен перед смертью. Несмотря на это, он не производит мрачного впечатления. Почему? Не только благодаря счастливой развязке истории Петра Гринева. Основополагающее значение имеет модель мира этого произведения, которая заключается в патриархальности мировоззрения героев и общества России того времени. Бог – царь – отец (помещик) – вот триада, на которой для русского человека зиждился мир. Первое слово романа: «Отец...». Более того – слово «отец» встречается уже в эпиграфе: «Да кто его отец?» – цитата из Княжнина. Ответ – в первых словах романа: «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17 году».

С позиции этой патриархальности для защитников Белогорской крепости смерть – цена их службы, для капитана Миронова и даже его жены, поручика и Гринева смерть – подтверждение верности присяге, проверка чести, понятие, входящее в обиход их военной службы. В их отношении к смерти проявляется не равнодушие к жизни, а понимание чувства долга, состоящего в защите государства – веры, царя и отечества.

Пушкин жил в эпоху катастроф: революция во Франции, казнь короля, порождение этой революции – монстр Наполеон пришел на Русь, восстание декабристов, пятерых – близко ему знакомых – казнили, 121 сослали на каторгу в подземные рудники. А творчество Пушкина не катастрофическое – не то, что у Лермонтова («Настанет день, России черный день...»), Тютчева («Последний катаклизм»), Блока, Маяковского.

Чаадаев, властитель дум молодого Пушкина, в 1831 году писал ему: «Заметили ли Вы, что в недрах мира нравственного происходит нечто необыкновенное, нечто подобное тому, что происходит, как говорят, в недрах мира физического. Скажите мне, пожалуйста, как это на Вас действует? С моей точки зрения, этот великий переворот вещей в высшей степени поэтичен, вряд ли Вы можете оставаться к нему равнодушным... У меня слезы выступают на глазах, когда я всматриваюсь в великий распад моего старого общества. Это мировое страдание» (18 сентября) [Письма к Пушкину. 1836].

В творчестве Пушкина это не отразилось. Чаадаев был мыслителем вселенского масштаба. Пушкин был «эхо русского народа» [«К Н.Я. Плюсковой». 1818]. Характер у Пушкина буйный, задиристый, мстительный: сколько дуэлей состоявшихся и несостоявшихся, вплоть до последней, роковой, – а поэзия умиротворенная, гармоничная. Загадка. Она кроется в модели мира поэта, уверенного, что мир устойчив и вечен: природа будет «красою вечною сиять», как будто не читал Апокалипсиса – о новой земле. Его творчество оптимистично, в том числе и роман в прозе. Как это достигается?

Модель мира, присутствующая в любом романе, свидетельствует о структуре общества, отраженной в системе образов героев. В романе Пушкина основа общества – это семья, традиционная, патриархальная, в сущности крестьянская, как у Мироновых, да и Гриневых тоже. Господских детей вос-

питывали крестьяне, быт дворянских семей немногим отличался от крестьянского, только достатком. (У Лермонтова, Гоголя семьи нет и в помине что в жизни, что в творчестве. Печорин панически боится женитьбы. Герой пьесы Гоголя «Жених» в решающий момент прыгает в окно). Глава семьи (в прозе Пушкина) – отец. Его авторитет непререкаем. В романе ошибку родного отца Гринева (в отношении Маши) исправляет отец посаженный – Пугачев, как о том свидетельствует мать Гринева в его пророческом сне. Возглавлять народ с таким мировоззрением может только царь-батюшка. И Пугачев идет не насадить демократию, а только заменить самую верховную власть: нужен справедливый, народный царь, только за таким может пойти народ, веривший в святость верховного правителя. В «Капитанской дочке» сделан эксперимент: изображен милостивый государь – Пугачев в отношении Гринева. Народность – в дневнике дворянина – пронизывает все повествование, начиная с поговорок Савельича, заканчивая песней и сказкой Пугачева. Она же – и в эпиграфах, а главное – в сказочной счастливости всего, что случилось с молодым офицером, начиная с метельной ночи. Народность и есть основа оптимистического звучания романа. Народ вечен, как и природа.

Образ Пугачева в повести «Капитанская дочка» – высшее достижение гения Пушкина. Но не столь же бесспорное. Об этом – позже.

Список литературы

1. А.С. Пушкин: путь к Православию. «Отчий Дом», 1997.
2. Волков Г. Мир Пушкина. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 242-243.
3. Соколов А.Н. История русской литературы XIX века. МГУ, 1960. С. 563.

ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Волошина Г.В.

преподаватель кафедры русского и иностранных языков,
Краснодарский университет МВД России, Россия, г. Краснодар

Содержание статьи посвящено анализу основных теоретико-методологических подходов к преподаванию английского языка. В статье показывается, что при традиционном обучении английскому языку акцент делается на зазубривание слов и конструкций, на повторении до автоматизма, тогда как современные нетрадиционные методики направлены на непосредственное получение знаний.

Ключевые слова: английский язык, методы изучения, традиционные методы, нетрадиционные методы, преподавание.

В наше время имеется множество разработанных методик быстрого изучения языка, которые в целом можно разделить на два основных типа – традиционные и нетрадиционные [1, 3]. Традиционным методом изучения иностранных языков называют грамматико-переводной метод. Этот метод состоит из последовательного изучения грамматики, лексики, фонетики, син-

таксиса языка. Обучение строится по принципу "от простого к сложному", и, по мере углубления своих знаний, обучающиеся получают все более и более сложные задания, которые призваны выработать навык и закрепить полученную информацию. При традиционном обучении английскому языку акцент делается на зазубривание слов и конструкций, на повторении до автоматизма [2]. Учащиеся заучивают слова, составляют фразы, диалоги, пересказывают тексты и выполняют грамматические упражнения. Учебные заведения нашей страны повсеместно применяют традиционный метод изучения иностранных языков, как зарекомендовавший себя и дающий неплохие результаты в рамках любой общеобразовательной программы, как для школьников, так и для студентов высших учебных заведений.

Необходимость использования нетрадиционных методик продиктована динамикой естественного развития общества [6, 7], ориентируясь на которую, меняется и логикопонятийный аспект. В частности, специальные сферы исследования на данный момент предполагают изучение, в том числе вульгаризированной лексики частных областей изучения [8]. Другим основанием появления нетрадиционных методик стала необходимость легкости восприятия материала.

Так называемые «нетрадиционные» методы появились еще в советскую эпоху, но развивались исключительно за счет энтузиазма методистов, так как места в государственной системе образования им не находилось [9]. Новейшие методики и их разработчики утверждают, что можно выучить любой иностранный язык, используя скрытые интеллектуальные способности человека. Есть даже методики, которые базируются на психологической подготовке, самовнушении. Нетрадиционные – значит, отличающиеся от тех, которые предлагает программа. Это не означает, что они «абсолютно» новые, поскольку все мы так или иначе выросли из традиционной школы. Просто авторы этих новых методик, не соглашаясь с традиционными приемами, предлагают иной путь познания. Среди известных нетрадиционных методов изучения иностранных языков можно выделить метод Г. Китайгородской [4] и метод И.Шехтер. Главной особенностью метода Китайгородской является обучение через общение. Учащиеся занимаются небольшими группами, на занятиях могут проводиться ролевые игры.

Метод Шехтер – это метод эмоционально-смыслового изучения языка. Их системы довольно похожи, так как в основе своей имеют идеи болгарского ученого и методиста Г. Лозанова. Используется эффект сверхзапоминания – человек воспринимает и усваивает информацию без критического её осмысления [5]. Существует еще метод "погружения", он включает себя полный отказ от речи на родном языке и создание условий максимально близких к иноязычной среде. Также существует мало распространенный метод, прозванный методом "Двадцать пятого кадра". Обучающимся включают специальные аудиофильмы и учащиеся слушают их между делом, особенно не напрягаясь – считается, что подсознание само "считает" нужную информацию.

Ещё один метод, хотя его нельзя назвать самостоятельным, это изучение иностранного языка, а, вернее, его практика через мейлы. Сейчас очень

много сайтов, где можно найти друзей по переписке. Всех этих людей роднит одна цель – практика языка. Будет хорошо, если человек, с которым вы будете общаться, – носитель языка. Если бы вы общались с ним вживую, то не думали бы о сделанных ошибках. Как правило, когда вы пишете письмо, вы всё равно его затем проверяете. Происходит некое осмысление: вы вспоминаете грамматические правила, используете в письме клише. Кроме того, общение такого рода – это прекрасная возможность накопить страноведческие знания. Ваш собеседник может вам сообщить некоторые неизвестные вам подробности о каком-либо празднике и т.д.

Во время обучения не стоит делать основной упор на заучивании грамматики и текстов, а больше внимания следует уделять навыкам общения и аудирования, что позволит сделать изучение иностранного более эффективным и лёгким в усвоении. Достаточное количество времени должно уделяться разговорному направлению и общению. Люди, которые обладают хорошей зрительной памятью и слухом, развитым аналитическим мышлением и способностью чётко представлять зрительные и слуховые образы, имеют большие шансы на успешное изучение языка [10].

Все нетрадиционные методы основаны на идее обучения говорению за максимально короткий срок, они являются методами интенсивного обучения, предполагают довольно серьёзную нагрузку для обучающихся.

Тем, кто в школьные годы не придавал должного значения изучению иностранного языка, наиболее подойдёт традиционный классический метод обучения. Он основывается на снятии языкового барьера при помощи живого общения в группах, работе с аудиоматериалами, участии в играх. Недостатком такого метода обучению английскому языку считается получаемый не слишком обширный лексический запас.

Нет такого метода, который смог бы гарантировать знания иностранного языка навечно. Нужно постоянно их практиковать свои языковые навыки, иначе они будут утеряны. Любой метод, как традиционный, так и нетрадиционный имеет как достоинства, так и недостатки. Достоинством традиционных методов является то, что все аспекты речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование) получают в них равное развитие. Все аспекты изучаются во взаимосвязи друг с другом. Из минусов можно выделить длительные сроки обучения, так, например, эти методы не подойдут, если человеку нужно срочно заговорить на иностранном языке перед приближающейся поездкой в дальние страны.

Как было доказано многими исследователями, если вы изучали язык нетрадиционным способом, и в последствии не активно использовали иностранный язык, то он у вас забудется быстрее, нежели если бы вы изучали язык традиционным способом.

Неравнодушный преподаватель, применяя собственные умения и навыки общения с детьми, сам того не осознавая, может использовать оригинальные приемы преподавания иностранных языков. Именно в среде преподавателей, в живой работе с детьми зарождаются передовые методики. Только в каждодневной работе можно увидеть плюсы и минусы традиционного

обучения, а затем привнести собственные нововведения и проверить их эффективность во время занятий.

Какой бы из методов обучения вы не выбрали, вам в любом случае необходимо запастись терпением, ведь обучение английскому дело достаточно сложное, требующее внимания. Но в конечном итоге вы получите массу положительных эмоций и возможность понимать иностранную английскую речь. К тому же знание английского может помочь вам, если вы ищете работу, ведь в последнее десятилетие иностранный язык является немаловажным фактором при выборе работника.

Список литературы

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: Русский язык, 1977.
2. Вестник высшей школы Alma Mater №2, 2005. С. 43-47.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: М.: Глосса, 2000.
4. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1986.
5. Колесникова И., Долгина О. «Англо-русский справочник по методике преподавания иностранных языков». СПб., 2001.
6. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития № 16. 2014. С. 226-229.
7. Плотников В.В. Понятия информации и культуры в системе детерминант социологии трансформирующегося общества. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 5 (52). С. 15-22.
8. Самойлов С.Ф. Плотников В.В., Концептуализация понятий социального и политического радикализма и экстремизма. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 258-260.
9. Nunan D., Lamb C. "The Self-directed Teacher", Cambridge University Press, 1996.
10. Richards J., Rogers Th. "Approaches and Methods in Language Teaching", Cambridge University Press, 1998.

К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЕ ДИАЛОГА

Волошина Т.Г.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Гурьева И.А.

ст. преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье приводится анализ терминологического ряда минимальной коммуникативной единицы диалогической коммуникации на современном этапе развития лингвистики. Авторы являются последователями школы Михайлова и выделяют основные характеристики минимальной единицы диалога в тексте киносценария.

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, минимальная единица, текст кино-сценария, инициация, реакция.

В русле исследования диалогической коммуникации сложилось несколько направлений, основными из которых являются *системно-структурное, коммуникативное, когнитивное и деятельностное* [1, с. 26].

В качестве составляющих диалогического общения отечественные исследователи предлагают следующие термины: *фраза, предложение, предложение-высказывание, оккурсема, диалогическое единство, шаг, ход, реплика*.

Многие исследователи, изучающие диалогические единицы, исходят из предложенной системы единиц, разработанной Л.М. Михайловым, где основными компонентами диалогического единства являются *коммуникативный шаг* и *коммуникативный ход*.

В нашей работе анализу подвергается коммуникативный шаг, который является минимальной единицей речевой деятельности в диалогической коммуникации и принадлежит одному коммуниканту, а также восходит к одной синтаксической модели [1, с. 67].

Традиционно коммуникативные шаги делят на иницирующие, или открывающие высказывания, и реагирующие, раскрывающие точку зрения адресата. Состав как иницирующего, так и реагирующего коммуникативного шага может быть представлен высказыванием любого типа – побудительного, вопросительного, эмоционального, восклицательного. Между коммуникативным шагом – инициацией и соотнесённым с ней реагирующим шагом возникают самые разнообразные логико-семантические диалогические отношения, что возможно благодаря двум особенностям шага как минимальной единицы диалогической коммуникации: 1) открытой форме повествовательного шага, 2) свойственной ему самой общей интенции – «сообщению» [1, с. 45].

Изучая анализ взаимодействия коммуникативных ходов в инициации и реакции, А.А. Родичева приходит к выводу, что существует ряд типичных ситуаций, в которых диалогическая коммуникация построена по схеме симметричного и асимметричного общения. Рассуждая о причинах асимметричного диалогического общения, автор выделяет его основные причины: «несовпадение пресуппозиций собеседников, различное отношение коммуникантов к теме общения, необходимость расширения, изменения информации» [2, с. 15].

Рассматривая реакцию на *интеррогативы* разноименной природы, следует отметить, что реагирующий коммуникант в качестве основной интенции может воспринимать первый, второй элемент коммуникативного хода или интенции обоих элементов как равные. Для реагирующих ходов, представленных сочленением одноименных интеррогативов, наблюдается следующая последовательность высказываний: первый компонент хода заполняет информационную лакуну местоименного вопроса, второй – даёт оттеночную информацию, тем самым расширяет знания иницирующего коммуниканта [2, с. 28].

Равная активность партнёров коммуникации, по мнению исследователей, характерна не только для вопросно-ответных диалогов: не вопросно-

ответные диалоги так же имеют возможность симметричного речевого общения (Ю.Г. Белкина, Л.М. Колоева, А.А. Родичева, Т.А. Зайцева).

Диалогическое общение, по мнению автора, может стимулироваться не только сочленением *интеррогативов, декларативов, но и побудительными высказываниями.*

Таким образом, в нашем исследовании мы исходим из иерархии коммуникативных единиц, в соответствии с которой нижнюю ступень занимает минимальная единица речевой деятельности диалогической коммуникации – «коммуникативный шаг», который реализуется одним из коммуникантов и восходит к одной синтаксической модели.

Список литературы

1. Михайлов Л. М. Немецкий язык: Грамматика устной речи: Учеб. пособие для вузов. М. : Астрель : АСТ, 2003. – 348 с.
2. Родичева А. А. Речевое общение на основе коммуникативных ходов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Череповец, 2002. – 181 с.

СЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЧИНЕНИЕМ И ПОДЧИНЕНИЕМ В СОСТАВЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Волошина Т.Г.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Гурьева И.А.

ст. преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования сложных предложений с сочинением и подчинением в составе диалогического единства на материале диалогических сценарных текстов. Авторы анализируют ключевые свойства анализируемых конструкций, которые вероятно проследить только в сценарных текстах.

Ключевые слова: сложное предложение, сочинение, подчинение, диалогическое единство, диалог, сценарий.

Структурное разнообразие диалогического единства как единицы диалогической коммуникации традиционно представляют в определённом наборе его типов (Л.М. Михайлов, Л.М. Колоева, А.Н. Родичева, Т.А. Зайцева) [2, с. 36].

В результате исследования сценарных текстов англоязычных фильмов было выявлено, что теоретически-возможные типы не совпадают с практически-реализованными разновидностями диалогических единств, в которых функционирует исследуемое сложное предложение. Из вышперечисленного набора диалогических единств лишь в трёх типах создаются определённые условия, способствующие актуализации столь объёмной конструкции, как полипредикативное предложение с паратаксом и гипотаксом: инициа-

ция: коммуникативный шаг, реакция: коммуникативный ход;) инициация: коммуникативный ход, реакция: коммуникативный шаг; инициация: коммуникативный ход, реакция: коммуникативный ход [1, с. 102].

Наиболее продуктивной коммуникативной средой, в которой функционирует сложное предложение с сочинением и подчинением, является сочетание коммуникативного шага в инициации и коммуникативного хода в реакции (Шаг – Ход); такие примеры насчитывают 65% от всех диалогических единств. В данном типе диалогического единства полипредикативное предложение всегда занимает позицию второго или третьего шага реагирующего хода, сочетаясь с междометиями или неполными предложениями, например: JESSICA: *What happened?*

ANTONY: *Oh, honey! You are such a bore if you are still unable to cope with difficulties without emotions but I love you too much, that I simply don't want to hurt you again with all that stuff* [The Piano Lessons].

Сложное предложение с паратаксисом и гипотаксисом занимает положение второго шага реагирующего хода. Главной функцией сложного предложения в составе диалогического единства является воздействие на чувства собеседника и развитие эмоциональной линии диалога, что передано в реализации различных оттенков чувств героев и подтверждается употреблением коллоквиализмов. Фактически, иллокуция реализуется исключительно благодаря информации, представленной во втором шаге реагирующего хода, то есть анализируемого полипредикативного предложения (запрос информации – предоставление информации).

В сценарных текстах функционируют примеры, которые по количеству и числу шагов в инициации относятся к диалогическому единству со структурой Шаг – Ход, а по объёму передаваемой информации напоминают диалогическое единство, включающее шаг в инициации и ход – монолог в реакции (Шаг – Ход – монолог). В ходе исследования сценарных текстов англоязычных фильмов были выявлены диалогические единства, которые представляют собой одно полипредикативное предложение с паратаксисом и гипотаксисом, начальная часть которого занимает позицию иницирующего шага, а вторая часть из-за прерывания речи одного собеседника другим занимает положение реагирующего шага. Такие примеры насчитывают единичные случаи употребления, их частотность достигает 0,8% от всех сложных предложений в составе диалогических единств, например:

CARROL: *You see, I'm so tired, and all clients in the café want me to be kind with them every minute, and I run home every evening cause I'm afraid my son is waiting for me coughing, but ...*

SIMON: *...but the worst thing is, you never know when all that stuff will come to an end, when the limit is!* [As Good As It Gets].

Данный пример представляет собой интересный случай, демонстрирующий специфическую конструктивную особенность сложного предложения, которая позволяет сформировать не только шаг или ход, но и диалогическое единство. В рассматриваемом предложении происходит прерывание паратактической цепи, поскольку данная конструкция функционирует в диалогиче-

ской среде, где задействованы два коммуниканта, актуализирующие это высказывание.

Таким образом, полипредикативное предложение с паратакиссом и гипотакиссом в составе *диалогического единства* представлено в его трёх типах, наиболее продуктивными являются сочетания Шаг – Ход и Ход – Ход, которые составляют 90% от всех типов диалогических единств. Функцией сложного предложения в структуре диалогического единства является осуществление связи внутри диалогического единства и между диалогическими единствами в сценарном тексте.

Список литературы

1. Мартьянова И. А. Текст киносценария и киносценарий текста. –СПб. : Наука, 2003. – 207 с.
2. Михайлов Л. М. Немецкий язык: Грамматика устной речи: Учеб. пособие для вузов. М. : Астрель : АСТ, 2003. – 348 с.

ТЕКСТ С ДИСКУРСИВНОЙ НОМИНАЦИЕЙ В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Долженков В.Н.

доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы функционирования текста, как полноценной подсистемы речевой коммуникации и, в частности, текста с дискурсивной номинацией в коммуникативной среде. Обосновывается деятельностная определенность текста, как полноценной подсистемы всей целостности коммуникативного акта, то есть в необходимой связи с деятельностью отправителя и деятельностью адресата (реципиента).

Ключевые слова: текст, речевая коммуникация, дискурсивная номинация, адресат, отправитель, коммуникативные деятельности.

В акте речевой коммуникации словесная номинация оценки речевого поведения партнера по речевому взаимодействию выступает как текст в коммуникативной среде.

Например:

- Really? **You don't know what you're talking about.**

- But I'm curious, and I wouldn't mind finding out [5, p. 71].

(На самом деле ты не понимаешь, о чем говоришь.

А я любопытен и не прочь выяснить, что к чему).

Текст с дискурсивной номинацией, в частности, словесной оценкой речевого поведения партнера (**You don't know what you're talking about**), наряду с коммуникативными деятельностями по его производству и пониманию, можно считать полноценной подсистемой речевой коммуникации. Текст с дискурсивной номинацией следует с необходимостью осознавать в закономерной связи с деятельностью. Основополагающие черты организации

текста, – писал Г.В. Колшанский, – не могут быть раскрыты без обращения к деятельности как родовой категории [3, с. 123]. При этом на первом этапе уже достаточно содержательно рассматривать текст в свете его зависимости от деятельности говорящего, когда текст (высказывание) рассматривается в качестве продукта, в котором воплощено все психологическое содержание деятельности – ее предмет, средства, способ, а также психологические особенности говорящего как субъекта этой деятельности – его ценностные ориентации, мотивация, цели деятельности, условия общения, отношения к партнеру и характер воздействия на него [2, с. 174]. Текст с дискурсивной номинацией оценки речевого поведения партнера по диалогу (например, «**You don't know what you're talking about**») является продуктом коммуникативной деятельности говорящего и программой развертывания коммуникативной деятельности реципиента. Тем самым семантико-прагматические характеристики словесной оценки речевого поведения партнера по диалогу являются продуктом коммуникативной деятельности говорящего, ориентированной на речевую деятельность адресата как потенциального реципиента.

Однако на последующем этапе представления деятельностной определенности текста он рассматривается как полноценная подсистема всей целостности коммуникативного акта, то есть в необходимой связи с деятельностью отправителя и деятельностью адресата (реципиента) [4, с. 35]. Вместо того, чтобы метить участников акта коммуникации как отправителя и получателя, при порождении коммуникации они упоминаются как коммуниканты [1, с.122]. Для этого имеется достаточно оснований. Во-первых, текст совершенно необходим коммуникации, так как без него координация коммуникативных деятельностей невозможна. Во-вторых, в речевой коммуникации ему присущ статус относительной самостоятельности, и он, будучи произведен в коммуникативной деятельности говорящего с учетом свойств коммуникативной деятельности потенциального реципиента как адресата, может существовать далее отдельно от указанных деятельностей. В-третьих, по субстанции текст отличен от деятельностей, так как его субстанцией являются предметные (акустические или графические) знаки, а субстанцией коммуникативной деятельности являются речепсихические действия и операции.

Вместе с тем, в качестве подсистемы речевой коммуникации, текст определяется, прежде всего, через коммуникацию, как необходимый и особый компонент речевой коммуникации, необходимое функциональное ее звено. Вычленение текста на фоне речевой коммуникации представляет собой существенную и одну из первых процедур в построении деятельностно и коммуникативно-ориентированных лексикологии, грамматики, стилистики и лингводидактики, в целом теории языка и лингводидактики.

Если коммуникативные деятельности в компонентном плане состоят из речепсихических действий и операций, проходящих через различные фазы деятельности, то текст в этом плане характеризуется как некоторое единство предметных (графических или фонетических) знаков, «знаковых тел».

Очевидно, что в каждом тексте реализуются возможности, заложенные в системе языка. Однако сводить сущность текста к реализации возможно-

стей, заложенных в системе языка, в его единицах, категориях и правилах, недостаточно. Недостаточно определять текст только как осуществление возможностей, имеющихся в системе языка, по ряду причин. Среди них укажем на то, что к тексту непосредственное функциональное отношение имеет не система языка, а коммуникативные деятельности. Система языка реализуется в текстах только через коммуникативные деятельности. Иное понимание роли системы языка придавало бы ей статус объекта, содержащего в себе имманентную субъектную активность, возводило бы язык в некоторый самостоятельный субъект.

Список литературы

1. Долженков В.Н. Характеристика актуальной транзакционной модели коммуникации. – Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57). Ч. 1. С. 120-123.
2. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.; Воронеж: Модэк, 2002. – 432 с.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
4. Сидоров Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 234 с.
5. Cooper M. A. Forgive and forget. – New York: Pioneer Communications Network, Inc. 1994. – 188 p.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАСНИ Д.В. ДАВЫДОВА «ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ»

Егорова И.Д.

доцент кафедры теории методики начального образования,
канд. филол. наук, доцент, Смоленский государственный университет,
Россия, г. Смоленск

В статье анализируется язык басни Д. Давыдова. Рассматриваются изобразительно-выразительные средства на разных языковых уровнях. Прослеживается соотношение содержания стихотворения и экспрессивных способов выражения этого содержания.

Ключевые слова: эмоциональная лексика, метафора, гипербола, градация, антитеза, повтор, период, риторические фигуры.

Денис Давыдов, о котором П.А. Вяземский писал: «Анакреон под дуломаном, / Поэт, рубака, весельчак!», за которым закрепилась «привычная для нас формула «поэт и партизан» – характеристика не профессиональная, а образно-поэтическая» [1, с. 629], начинал не анакреонтических стихов, а с басен.

В басне «Орлица, Турухтан и Тетерев» (1804) Давыдов дает сатирическую характеристику правлению двух императоров: Павла I («Турухтан») и Александра I («Тетерев»). В ней прославляется правление Екатерины II («Орлица»), которая «любила истину, щедроты изливала, неправду, клевету с престола презирала», за что ее любили подданные «птицы». После ее кончи-

ны «птичий род» охватила скорбь, что выражается высокой концентрацией слов с соответствующей экспрессивной окраской: *тоска, горести, отчаянье, унылый, слезы, стон, горестно*. Это чувство усиливается повтором однокоренных слов *горесть – горестно* (на 46 слов – 3 повтора), превосходной степенью прилагательного *горчайши* (слезы), градацией синонимов: *тоска – горесть – отчаяние*.

Но «Слеза – души отрада / И доброй памяти награда». Поэтому «пернатые» избирают нового царя Турухтана (турухтан – болотная птица отряда куликов, отличается особой драчливостью), так как «без царя нельзя никак на свете жить». Павел I, отличавшийся грубостью и самодурством, охарактеризован в басне как «тиран» и «кровопийца», при этом *тиран – тиранство* повторяются три раза. Главным в образе Турухтана является жестокость, что подчеркивается определениями *крутой, злой, лихой, гнусный*; оценкой его дел: *тиранские дела, злодейства*; действиями: «Кого велит до смерти заклевать, / Кого в леса дальнейшие сослать, / Кого велит терзать сорокопугу». Окружение царя: сычи, сороки и вороны, которых поэт называет «хищной тварью» и «сволочью», – также добавляет его образу негативной окраски. В строках, повествующих о Турухтане и его окружении, дважды встречается глагол «нарядить»: «злого петуха в корону нарядили» и «сычей, сорок, ворон – в павлины нарядил». В данных контекстах в глаголе *нарядить* на первый план выходит сема «украсить», что хорошо заметно во втором примере, ведь павлин – птица с нарядным опереньем. Корону же, являющуюся символом власти монарха, возлагают на голову при коронации, а не наряжают в нее. Поэт использует «нарядить» в обоих случаях для того, чтобы подчеркнуть несоответствие красивого внешнего вида внутренним качествам. Не зря позже образ вороны в павлиньих перьях встретится в басне И.А. Крылова «Ворона» (1825) и даст нам устойчивое выражение *ворона в павлиньих перьях*.

«Хищным тварям» противопоставлена «добрая дичь», страдания которой рисуются словами *томиться, страдать, стонать, стенать, горесть, несчастье, смертельная тоска, ужасный страх*. Сочетания *смертельная тоска* и *ужасный страх* выражают максимальную степень признака. Если сначала птицы «потакали» избранному царю, для чего используются гиперболы «тысячу похвал везде ему трубили» и «до небес ту птицу возносили», то теперь они «не гимны... свищут»: «Коль необуздан ты – твоя несносна власть!». И по решению птиц-подданных Турухтан лишается «жизни и царствия». Его кончину Давыдов рисует сатирически, используя стилистический контраст книжной и бытовой лексики: «Свершили мечь – убили петуха!». Царем избирается Тетерев в надежде, что он «пойдет стезей Орлицы». Александр I, взошедший на престол после убийства Павла I, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В особенно невыгодном положении оказалась гвардейская молодежь, привлеченная к устранению неугодного монарха. Гвардейцы надеялись на возвращение дворянских «вольностей», славных суворовских традиций, но вновь избранный монарх провозглашал одно, делал другое, военная бюрократия опять встала у власти.

Тетерев противопоставлен Турухтану: последний был активен, совершал «тиранские дела», он царствовал. Тетерев «не царствует», доверив это своим

любимцам. Турухтан «велит до смерти заклевать», «велит терзать», а Тетерев «не бьет, не клюет», он «корпит над скопленной добычей», «крохи бережет». Его пассивность противопоставлена активности его любимцев: «Не бьет он, не клюет, / Лишь крохи бережет. / Любимцы ж царство разоряют, / Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...». Сатирическую картину усиливает противопоставление масштаба *крохи* (бережет) и *царство* (разоряют).

Давыдов рисует образ нового правителя словами с негативной окраской, создавая из них словосочетания для усиления насмешки: *глухая тварь*, *разиня бестолковый*, *глухарь безумный*, *скупяга из скупых* – и метафорой «каждому стрелку подарок он готовый». Повтор однокоренных слов *глухарь* – *глухой*, с одной стороны, служит намеком на глухоту Александра I, с другой стороны, подчеркивает порицание, так как *глухарь* имеет еще и переносное значение «глухой человек» с просторечной бранной окраской. Также двойко можно понимать слово *тварь* – 1) (книжн. устар.) живое существо, первоначально то, что создано богом; 2) (разг.-сниж.) подлый, отвратительный, презираемый человек [2]. Скупость Тетерева подчеркивается семантическими повторами слов *скупой*, *скопить* и гиперболой *скупяга из скупых*. Для характеристики царских любимцев использована лексика с неодобрительной экспрессивной окраской: *срамец*, *гнусный*, *разврат*, *гнуть в дугу*, *разорять*. Участь «птичьего рода» поэт рисует словами *карать*, *стон*, *горесть*, *слезы*.

Созданию образных характеристик царствовавших особ в басне автору помогают используемые им стилистические фигуры. Так, ряды однородных членов часто подбираются по принципу градации, с нарастающим усилением семантики: Орлица «неправду, клевету с престола презирала»; при Турухтане «томился птичий род, стенал», а «когда народ стенёт, всяк час беда, напасть», зато после избавления от Турухтана «в восторге, в радости, все птицы вне себя» и говорят: «Теперь в спокойствии и неге заживем...». При характеристике выбора и правления Турухтана автор использует два периода: первый рассказывает о недальновидности сделанного выбора, а второй – о его последствиях, например: «Кого велит до смерти заклевать, / Кого в леса дальнейшие сослать, / Кого велит терзать сорокопугу – И всякую минуту / Несчастья каждый ждал...».

Характеристика вновь избранного царя – Тетерева – также дается в виде периода, представляющего ту же недальновидность «птичьего народа» с той же уступительной семантикой: хоть знали...но надеялись: «Хоть он глухая тварь, / Хоть он разиня бестолковый, / Хоть всякому стрелку подарок он готовый, – / Но все в надежде той, / Что Тетерев глухой / Пойдет стезей Орлицы...». Во всех периодах автор использует многосоюзие *что, хоть*, местоимение *кого*, которые усиливают градационные характеристики персонажей.

Выразительность образов в притче подчеркивается и антитезой: о Турухтане – «Им нужен добрый царь, – ты ж гнусен на престоле!», о Тетерева – «Не царствует – корпит над скопленной добычей...»; о любимцах Тетерева – «...Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...». Акцентированные чувства и эмоции автора и персонажей передаются риторическими вопросами и

восклицаниями: *Что сердцу горестно, легко ли то забыть?* (об ушедшей из жизни любимой Орлице); *И что царю у них, конечно, должно быть!* (о непреложности царского правления) и другие.

Басня написана астрофическим стихом с той композиционной особенностью, что знаковые, важные в смысловом отношении слова, словосочетания и короткие предложения поэт выносит в отдельную строку по центру. Именно в этих вынесенных единицах – краткий сюжет (схема) всей басни. Моралью басни служит вывод, к которому пришел Денис Давыдов: «Ведь выбор без ума урок вам дал таков: / Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов».

Нужно отметить соединение в басне слов разных стилистических пластов: книжная лексика (*изливать, рок, хвала, нега, горесть, возмездие, терзать, карать, злодейство* и др.) и устаревшие слова, а также их формы и конструкции (*скончатъ жизнь, горчайши слезы, срамец, пернаты, вселенныя Творец, класть надежду, избавились тирана, проникнуть причину судеб, бедны птицы* и др.) сочетаются с разговорной и сниженной лексикой (*потакать, сволочь, кровопийца, лесок, размыкать, сумятица, скупяга, гнуть в дугу, разиня*). Таким образом, Давыдов вводит в свои басни элементы живого народного языка, что служит дополнительным средством выразительности.

«Литературные достоинства басен и сатиры Давыдова также невелики, но эти стихотворения занимают видное место в подпольной политической поэзии начала XIX века, которая выражала настроения и чаяния оппозиционной военно-дворянской среды 1800-х годов, протестовавшей против «самовластия» Павла I», – пишет В.Н. Орлов [3, с. 375]. Басни создали Давыдову репутацию вольнодумца и человека политически неблагонадежного, за них он переведен из поручиков Кавалергардского полка в армию, в Белорусский гусарский полк, стоявший в Киевской губернии.

Список литературы

1. Вацура В.Э. Денис Давыдов – поэт // Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. 857 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т.3. М.: АСТ, Астрель, 2006. 1160 с.
3. Орлов В.Н. Денис Давыдов // История русской литературы: в 10 т. Т. VI: Литература 1820–1830-х годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 374-389.

ФУНКЦИИ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАПАХА НА ГЕРОЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Козлова Я.Ю.

преподаватель кафедры иностранных и русского языков,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются значимость и влияние вербально выраженных ольфакторных элементов в произведениях русской литературы. Исследование примеров из различных источников позволяет выделить основные функции использования описания запаха

хов и определить объект и предмет восприятия запаха. Запахи, как и другие элементы коммуникации обладают определенным воздействием на адресата, которое приобретает особое значение в рамках литературного повествования.

Ключевые слова: ольфакция, запах, функция перцептивной ситуации, информативная функция, знаковая функция.

Трудно переоценить значимость чувства обоняния, которое является одним из важнейших способов получения информации об окружающем мире. Благодаря восприятию запахов мы можем оценить свойства вдыхаемого воздуха, качество еды, что напрямую связано с общим благополучием и здоровьем человека. Невербальные элементы, важные для мировосприятия и мироощущения людей часто приобретают материальную оболочку, т.е. подвергаются вербализации. Роль запахов в коммуникации, и смыслы, передаваемые ими, изучает ольфакция.

Для установления значения ольфакторных элементов в повествовании необходимо знать функции использования запахов, понимать, для чего они используются и что выражают. Как было сказано выше, обоняние является способом получения информации и, поэтому, одной из основных функций запахов можно назвать **информативную** функцию.

В случае использования ольфакторной лексики для придания яркости и реалистичности повествованию осуществляется **эстетическая** функция.

Также для лексики любого типа восприятия (визуальной, слуховой, вкусовой, обонятельной, осязательной) не менее важна функция **перцептивной ситуации**, то есть ситуации восприятия человеком при помощи его органов чувств основных эмпирических свойств предметов и явлений внешнего мира.

Еще одной важной функцией запахов в языке является **знаковая**, которая заключается в сообщении культурно-фоновой информации. Перцептивная память, с одной стороны, и способность к ассоциативному мышлению, с другой, позволяют человеку связывать в сознании запахи лекарств с болезнью, запахи разложения – со смертью, запахи трав и цветов – с летом, а также определять «новые» запахи посредством сопоставления с уже знакомыми.

Субъектом восприятия запаха в языковой картине мира может являться только живое существо. Даже в тех случаях, когда формально позиция субъекта не замещена, в высказывании представлены базовые характеристики запаха, сформировавшиеся в сознании воспринимающего. Непосредственным объектом ольфакторного восприятия является запах предметов внешнего мира. Смысловую законченность предложениям с пропозицией такого типа восприятия придают квалификаторы объекта: источник запаха, каузатор запаха, представленные, как правило, конструкцией «запах чего-либо».

Запахи по своей природе сложны, и не всегда можно определить их только со стороны интенсивности и оценки. Зачастую запах имеет определенные качества, которые сложно описать только с помощью существительных, обозначающих запах, или оценочных прилагательных таких, как сильный, приторный, отвратительный, неприятный и т.д. В этом случае авторы

предпочитают указывать на источник запаха, тем самым позволяя читателю самому определить оценку или интенсивность запаха, исходя из его жизненного опыта. При этом авторы чаще всего используют качественные прилагательные в роли определения, или существительные в роли дополнения: «Из Туретчины привел он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть» [4, с. 9]. Здесь автор с помощью качественных прилагательных показывает, что запахи являлись необычными, поэтому их сложно отнести к какой-либо категории, они просто характеризуют их носителя как чужака из далеких и неведомых стран.

«Григорий пришел с игрищ после первых кочетов. Из сенцев пахло на него запахом перекиших хмелин и пряной сухменью богородицыной травки» [4, с. 21]. «Перекишие хмелины» являются индикатором неприятного запаха, но для каждого отдельного человека он неприятен в разной степени, поэтому автор просто указывает на характер запаха, пытаясь передать атмосферу ситуации.

В следующем предложении автор рисует атмосферу жизни казаков того времени, но, вместе с тем, читатель, благодаря описанию запаха, понимает, что в сарае, по-видимому, живет лошадь, а, значит, владелец сарая – не бедный человек (несостоятельные казаки не могли позволить себе иметь лошадей), соответственно, описание запаха в данном случае несет не только эстетическое значение, но и обладает информационной функцией: «В сарае – сухая прохлада, запах ременной упряжи и слежалой соломы» [4, с. 190]. «Как пахнут волосы у этих детишек! Солнцем, травой, теплой подушкой и еще чем-то бесконечно родным» [5, с. 430] – в данном случае ярко представлены перцептивная и знаковая функции, так как, во-первых, мы имеем здесь описание восприятия героем происходящего, а, во-вторых, происходит процесс сообщения культурно-фоновой информации.

Одно из основных значений запахов в литературе – это значение воздействия на человека. Запахи могут определенным образом влиять как на героя, так и на читателя. На героя они действуют либо физически: одурманивают, вызывают тошноту, головокружение, либо психологически: вызывают воспоминания, волнуют чувства, провоцируют на те или иные поступки и т.д.

На читателя описываемые запахи влияют скорее психологически. Здесь стоит рассмотреть некоторые примеры: «Подрагивая от холода, Григорий прилег рядом. От мокрых Аксиных волос тек нежный, волнующий запах. Она лежала, запрокинув голову, мерно дыша полуоткрытым ртом» [4, с. 32]. Здесь запах становится причиной волнительного чувства героя к его возлюбленной, оно будоражит чувства и эмоции Григория, читателю же подобное описание показывает отношение героя к Аксины.

«Дробно зацокотали по полу крохотные копытца козлят, и свежо и радостно запахло сеном, парным овечьим молоком, морозом, запахом скотиньего база...» [5, с. 218]. В данном контексте запах помогает создать более яр-

кую картину в разуме читателя, рисует атмосферу уюта, спокойствия и безопасности при помощи запаха, который автор называет свежим и радостным.

Итак, мы выделили четыре основные функции использования ольфакторных элементов в повествовании: информативная, перцептивной ситуации, эстетическая и знаковая. Общей чертой всех указанных функций является то, что каждая из них сообщает адресату тот или иной тип информации, добавляет повествованию реалистичности и детализирует его. Запахи описываются различным образом и с помощью разных частей речи – конструкции «запах чего-либо» и «пахнет чем-либо».

Ольфакторная лексика также представлена широким кругом элементов, каждый из которых имеет свои оттенки значения и эмоциональную окраску (напр.: запах (нейтральный), аромат (приятный), вонь (неприятный), которые оказывают совершенно различное воздействие как на героя произведения, так и читателя.

Список литературы

1. Галлерт Д.Н. Способы выражения категории «запах» в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27с.
2. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбовский государственный университет, Тамбов, 2009. 24 с.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 584 с.
4. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. Кн. 1 и 2. М.: Панорама, 1991. 712 с.
5. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. Кн. 3 и 4. М.: Панорама, 1991. 815 с.

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ РИТМ

Крапивина М.С.

доцент кафедры русского языка как иностранного, канд. филол. наук,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград

Матюшенко Е.Е.

доцент кафедры русского языка как иностранного, канд. филол. наук,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград

Чижова В.А.

доцент кафедры русского языка как иностранного, канд. филол. наук,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград

В статье рассматривается проблема понимания текста в иноязычной аудитории. Представлены результаты экспериментов, проведенных с китайскими студентами, изучающими русский язык.

Ключевые слова: психолингвистика, речевой ритм, методика преподавания иностранного языка, восприятие текста, речевая деятельность.

Разработанные в психолингвистике модели восприятия текста нуждаются в некоторых уточнениях в аспекте преподавания иностранного языка. Это касается, в частности, принципов отбора ключевых или опорных слов.

В существующей методике обучения такие слова выбираются скорее по наитию, чем осознанно. К сознательным принципам отбора можно отнести опору на активный словарь, противопоставление темы и ремы, доминирование предметных наименований, а также на данные некоторых психолингвистических экспериментов. Однако, четкие критерии, удобные для использования в практике преподавания, отсутствуют.

В современной психолингвистической литературе принято различать восприятие и понимание текста. Вполне допустимы необходимость такого разделения в процессе исследования, если трактовать указанные понятия как две стороны или два аспекта одного явления. С практической или прикладной точки зрения естественным образом возникает вопрос: зачем нужно восприятие без понимания?

Определенные вопросы вызывают и некоторые эксперименты, ориентированные на «чистое» восприятие. Так, например, А.А. Залевская описывает один из таких экспериментов, в ходе которого изучалась фиксация глаза на словах того или иного типа. Была замечена в частности более длительная фиксация на менее знакомых словах по сравнению с частотными [1, с. 245]. В связи с этим фактом возникает вопрос, является ли такое внимание к мало знакомым словам естественным свойством восприятия, или же это результат всего стиля обучения, ориентированного преимущественно на контроль знаний. Такой результат можно охарактеризовать как условный рефлекс или рефлекс «страха» из-за возможного отсутствия требуемых учителем знаний.

В методике преподавания иностранного языка до сих пор используется так называемый переводной метод, который нередко выражается заданием выписать из текста незнакомые слова и с помощью словаря найти соответствие в родном языке. Нецелесообразность такого приема легко доказывается известным свойством мышления, а именно, его ассоциативностью. Фиксация внимания на незнакомом слове вызывает, конечно, некоторые ассоциации, но какие? Вероятнее всего – ложных, а «перевод» такого слова на родной язык включает его в систему связей родного языка. Предполагаем также, что незнакомое слово на некоторое время как бы «повисает в воздухе» из-за отсутствия опоры в виде уже сформированной системы знаний – языковых, бытовых и прочих.

В связи с этим полагаем, что опорными словами для понимания текста на иностранном языке должны быть хорошо знакомые слова, предварительно заученные с помощью прямого метода введения лексики, а также ситуативно.

Примерная схема такого движения от знакомого к незнакомому была использована при проведении ряда экспериментов среди китайских студентов, изучающих русский язык.

Так, например, китайским студентам второго года обучения русскому языку было предложено чтение статьи (1 страница газеты) под названием «Скоро 1 сентября». Первая реакция на объем текста и мелкий шрифт была

резко отрицательной: «Мы не пойдем!». Хотя суть задания заключалась в следующем:

- 1) понять только заголовок;
- 2) очень быстро, в течение 3-5 минут «пробежать» текст глазами и выбрать три хорошо знакомых слова, а затем записать их «столбиком».

Сравнение записей показало, что наиболее частотными оказались следующие слова: *родители, проблемы, деньги*.

Опора на этих слова и заголовок позволила студентам пересказать содержание всего текста. Кроме указанной вербальной опоры существенную, а может, и первоочередную роль для понимания текст сыграл уже имеющийся у студентов жизненный опыт. Некоторые затруднения при пересказе вызывал тот факт, что о материальных проблемах родителей задумывались не все дети. Следует заметить также, что далеко не в каждой иноязычной аудитории заголовок «Скоро 1 сентября» ассоциируется с началом учебного года.

Таким образом, как при выборе учебного текста, так и при выборе устной речевой ситуации, целесообразно опираться на жизненный опыт учащихся, что в совокупности с вербальными компонентами можно назвать лингвокультурологической составляющей.

Значимость данной составляющей подтверждает эксперимент, проведенный в группах китайских студентов, в ходе которого предлагались различные устные ситуации. Целью эксперимента была проверка активности речевых реакций. Наибольшую активность показала следующая ситуация: «Вы хотите попросить у кого-нибудь из родителей деньги на новый дорогой телефон. Как вы будете это делать и какова будет реакция родителей?». Полагаем, что данную ситуацию можно отнести к числу универсальных.

Другая ситуация в группах со значительным преобладанием девушек вызвала непонимание и, возможно, неприятие, выраженное полным отсутствием не только собственно речевых, но и эмоциональных реакций. Суть данной ситуации заключалась в следующем: «Вы вернулись домой очень поздно, например, в полночь. Что скажет на это мама?». Оказалось, что данная ситуация отсутствует в опыте китайских студенток, живущих, как правило, в общежитиях со строгими правилами проживания. Высказанное не означает, однако, отказа от ситуаций, отсутствующих в опыте учащихся. Все зависит от уровня владения языком и дальнейшего развития ситуации, например, в плане сравнения, поскольку в процессе изучения языка предполагается и увеличение жизненного опыта.

В связи с этим возникает вопрос о правомерности самого понятия «изучения языка», которое выдвигает на передний план овладение языковой формой. Доминирование языковой формы в процессе обучения второму языку нередко приводит к формализации данного процесса и отождествлению знаний о языке со знанием самого языка. Причиной этого является отсутствие достаточного аргументированных исследований о закономерностях овладения формой родного языка. Существующие теории повторения и подкрепления были признаны несостоятельными [4, с. 232]. Прогрессивная идея о кодировании языковой формы не подкрепляется, однако, аргументирован-

ным описанием механизма такого кодирования. Несомненной является связь языкового, а точнее речевого, кодирования с функционированием нервной системы в целом, что подводит исследователей к решению целого ряда общих и частных проблем: взаимосвязи сознания и подсознания в ходе овладения языком или, другими словами, соотношению понятийно-логического, эмоционально-образного и чувственного уровней познания. В плане преподавания иностранного языка к наиболее важным частным проблемам относится проблема перехода от симпрактического контекста к синсематическому [3, с. 32]. В методике эту проблему можно сформулировать как изучение закономерностей перехода от прямого метода, ориентированного на формирование иноязычного лексикона, к методу ситуативному, целью которого являются речевые реакции в виде слов, словосочетаний и предложений.

На начальном этапе изучения языка первоочередной проблемой является проблема овладения звуковой формой. В этом процессе можно выделить три взаимосвязанных этапа:

- 1) привыкание к иноязычному звучанию,
- 2) адекватное и комфортное восприятие иноязычных звуков,
- 3) их адекватное воспроизведение.

Рефлекторность речевого звукоизвлечения уже не вызывает сомнений. Однако механизм формирования вторичных речевых рефлексов в целом остается далеко не изученным.

Трактовка речевой деятельности как одного из видов человеческой деятельности в целом и изучение «говорящего человека» (термин – А.А. Леонтьева) означала для лингвистов необходимость обращения к данным других наук – не только психологии, но и физиологии. В связи с этим при изучении речевого звукоизвлечения невозможно игнорировать особенности речевого дыхания и сопряженной с ним телесной моторики. Универсальным явлением для всех языков является наличие гласных и согласных, что не означает, однако, полного сходства конкретных звуков. Различия между ними можно объяснить особенностями разноязычной артикуляции, но возникает вопрос: чем обусловлены эти различия? Чтобы не впасть в метафизические рассуждения, целесообразно искать ответ на поставленный вопрос, опираясь на те физиологические особенности речевого звукоизвлечения, которые еще не изучены, но вполне доступны для непосредственного наблюдения, т.е. на ритм речевой телесной моторики в целом.

Еще одной универсалией на уровне фонетики является наличие сильного и слабых гласных – не всегда в системе языка, но всегда в системе речи. Известно, что в число системных (языковых) признаков речевых звуков в свое время были включены признаки, выполняющие смыслоразличительную функцию, что касается, например, различения русских слов *за́мок* и *замо́к*. Во французском языке аналогичную функцию выполняют передние и задние гласные, а в чешском – долгие и краткие.

Однако перегруппировка слогов, наблюдаемая в устной речи, позволяет выделить еще одну функцию, характерную для сильных и слабых гласных – функцию различения слов в потоке речи или их узнавания. Упомянутая пе-

регруппировка слогов подчиняется речевому ритму, носителем которого являются гласные звуки. Следует заметить, что чувство речевого ритма может быть слабо развито у некоторых носителей языка. Отсюда употребление так называемых «мусорных слов» – *это, блин* и т.п. Временная речевая аритмия может быть обусловлена определенным физическим или эмоциональным состоянием говорящего, что иллюстрирует, например, явление хезитации.

В практике изучения иностранного языка данная проблема имеет свои особенности, которые выражаются прежде всего довольно регулярным несовпадением границ письменного и устного слова, что негативно влияет на узнавание слов в потоке устной речи, если обучение начиналось с чтения и письма.

Овладение родным языком начинается с устной речи, но остается неясным, каким образом дети после обучения чтению и письму преодолевают затруднения, вызванные указанным несовпадением.

В нескольких группах китайских студентов разного уровня обучения был проведен следующий эксперимент: студентам предлагалось прослушать в трехкратном вокальном и речевом исполнении строчку из песни «*Вновь о том, что день уходит с земли, ты негромко спой мне*». Прослушивание предварялось заданием услышать знакомые слова. Во всех группах реакция была почти однозначной. В редких случаях узнаваемыми оказались слова *земля, ты* и *негромко*. Письменный вариант показал знание всех слов, кроме *вновь*, что, впрочем, не помешало пониманию всего предложения. Само собой разумеется, что узнаванию слов в данном случае препятствуют речевая ассимиляция и так называемое слитное чтение, которое мы трактуем как ритмическую регруппировку слогов, включая образование новых. Так, например, в устном варианте сочетания *день уходит* конечный полугласный [н'] отделяется от «родного» слова, образуя новый слог с начальным гласным последующего слова [н'у]. «Виновницей» такого явления является микропауза, которая, наряду с сильным и слабым слогом, образует элементарную ритмическую фигуру. Такая трактовка речевого ритма вполне коррелирует с функционированием нервной клетки, которое элементарно выражается триадой «напряжение – торможение – разрядка». Отсюда следует вывод о ритмической организации ассоциативного мышления на уровне подсознания или сенсорики.

Таким образом, возвращаясь к проблеме понимания текста, к уже указанным вербальным и невербальным опорам можно прибавить еще одну, вероятно, системообразующую опору в виде ритмической организации мышления, речи и речевой памяти. В этом смысле примечательно высказывание китайской студентки, сделанное после девятимесячной стажировки в России: «Я выучила много русских слов, но не понимаю, когда и как. Я эти слова специально не учила».

Список литературы

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1999. 382 с.
2. Жинкин Н.И. Восприятие ударения в словах русского языка. Известия АПН РСФСР, 1954, вып. 54. С. 7-22.

3. Лурия А.Р. Язык и сознание; Под редакцией Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1979. 320 с.
4. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М.: Издательство «Прогресс», 1976. 350 с.

«КУНАКСЫЛЛЫК» (ГОСТЕПРИИМСТВО) КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И КУЛЬТУРЫ БАШКИР (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА)

Кульсарина Г.Г.

канд. филол. наук, Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

Статья посвящена изучению способов языковой концептуализации одного из важнейших социальных факторов жизнедеятельности человека – сферы гостеприимства на примере народного творчества. В работе анализируются тексты башкирского фольклора, в языке которых отражается этнический характер и культура народа. Концепт "кунаксыллык" ("гостеприимство") является одним из базовых концептов культуры башкирского народного творчества.

Ключевые слова: фольклорная картина мира, башкирское народное творчество, гостеприимство, гость.

В башкирском языке "кунаксыллык" (гостеприимство) связано с лексемами *кунак* – гость, *кәзерле кунак* – уважаемый, почетный гость, *кунаклау* – гостить, *кунак итеу* – оказать гостеприимство [2, с. 381]. Концепт "кунаксыллык" (гостеприимство) является одним из базовых концептов культуры для языка башкирского фольклора. У башкир издавна существовал высокоразвитый институт гостеприимства, что доказывает анализ текстов народного творчества. Правилами гостеприимства предписывалось угостить любого человека, пришедшего в дом, будь это приглашенный человек или случайный путник: *Күңел етһә, аш етә* (Хватило бы гостеприимства, угощения хватит) [1, с. 260]; *Кунаксыл кешенең табыны буш булмай* (Скатерть гостеприимного хозяина пуста не бывает) [1, с. 317]; *Кунак кайза – кот шунда* (Где гость, там душа) [1, с. 318] – гласят башкирские пословицы.

О гостеприимстве башкирского народа существует легенда "Башкорт байрамы" ("Праздник башкир"): Когда-то Бог распределял праздники. Каждому народу, в том числе и башкирам, досталось по пять праздников. По пути к дому у башкира сломалась телега, и он раздал праздники попутчикам. А сам вернулся к сородичам. Другие народы начали справлять праздники. Только у башкир было тихо, так как у них не было праздников. И тогда они отправили гонца к Богу, чтобы тот объяснил ему, что с ним приключилось. Бог на это сказал: «У меня праздники кончились. Хотите устроить праздник, приглашайте гостей. Они принесут с собой праздник» [7, с. 58]. С тех пор, по преданию, у башкир пошел такой обычай – приглашать гостей. Гость – это и есть праздник для башкир.

Гостеприимство башкир исследователи объясняют и особенностями их психологии. Д.Ж. Валеев, например, отмечал, что в психологии башкир важное место занимает понятие искренности, выражающее состояние открытости внутреннего мира человека, его доступности. О таком человеке говорят: «*ихлас*» (искренний) [4, с. 240]. Такие черты проявлялись прежде всего в отношении к незнакомым: *Икмәк-тоз – якты йөз* (Хлеб, соль и приветливость) [1, с. 208]; *Асык йөз – һый өстөнә һый* (Приветливость – есть само угощение) [1, с. 19]; *Якты йөзәм, тәмле сәйем – шул инде минең һыйым* (Улыбка да чай – благо для гостя) [1, с. 628]; *Һүзе татлының – ашы татлы* (У кого доброе слово, у того и пища вкусна) [1, с. 553]. Особое отношение к гостю отразилось в башкирской сказке «Акъял батыр», где водой горожан завладел аждаха (дракон). Только гость беспрепятственно мог набирать воду, потому что он – гость. В диалогах сказки можно увидеть отражение башкирского народного этикета гостеприимства и культуры принятия гостей [5].

"Кунак" – исконно тюркское слово, происходит от глагола *кун / кон* – садиться, останавливаться, ночевать. Оно, кроме своего значения, содержит и большой объем этнокультурной информации" [8, с. 102]. Такие атрибуты, как отдельная изба, юрты для гостей, гостевые половины в доме и коновязь также подчеркивают гостеприимный характер башкир. В современном башкирском языке активно употребляются слова: *кунак булыу* (жить у кого-либо в качестве гостя), *кунак йорто* (гостевой дом), *кунак бүлмәһе* (комната для приема гостей, гостиная), *кунакхана* (гостиница).

Приход гостя считается радостным событием: *Бәхетленең кунагы бергә* (У счастливого все гости вместе приходят) [1, с. 81]; *Кунак килһә һый килә* (Когда приходит гость – приходит угощение) [1, с. 587]; *Кунак төшһә йортка йәм* (Хороший гость – дому радость) [1, с. 238]; *Кунак күп өйзә бәрәкәт бар* (В доме где много гостей есть благополучие) [1, с. 83]. По народным представлениям, Бог ходит в образе гостя и проверяет людей. "В тюркских языках понятие незваный гость не содержит отрицательной коннотации, наоборот, незваный гость – это гость Аллаха. Ему оказывается особый почет и уважение" [8, с. 102]. К незванным (случайным) гостям башкиры относились особо уважительно, хотя существует пословица: *Сақырылмаған кунак – юнмаған таяк* (Не приглашенный гость – необтесанная палка). Если кто-то приходит в дом во время трапезы, его принято сажать за стол и угощать, а в случае отказа, напомнить правило этикета: *Аштан оло булмайзар* (Нельзя быть выше пищи). В обязанности хозяев входила также необходимость предоставить гостям защиту, оказать достойный прием, уделяя им максимум внимания. Ухаживали не только за гостем, но и за его имуществом, в том числе за лошадей, помня о том, что гостю еще предстоит отправиться в путь [6, с. 389]: *Кунактың аты ла кунак* (У гостя, конь тоже гость) [1, с. 30]; *Атлы кунак һыйлаһаң, атын да кара* (Угощая конного гостя, накорми и его коня) [1, с. 31]; *Кунак этенә хөрмәт хужаһы хақына* (Почет собаке гостя благодаря хозяину) [1, с. 596]. По правилам, гостя необходимо было накормить с дороги, при этом выставлялись лучшие яства, какие были в доме: *Үткер бысак, һимез ит табын кәзерен килтерер*

(Краса застолья – острый нож да жирное мясо) [1, с. 208]. Угощение зависело от достатка семьи: *Тау билгеһе таиш булыр, бай билгеһе аиш булыр* (Признак горы – камень, признак достатка – угощение) [1, с. 447]. Неожиданно прибывших угощали прежде всего теми кушаньями, которые были приготовлены для семьи. Если гости задерживались на какое-то время, следующая трапеза организовывалась более тщательно. По возможности старались приготовить мясное блюдо, для чего резали скот, обычно барана, причем для гостей выбирали более жирного (һимез ит), считалось, что "*һимеззең аяғы һигез*", то есть он равнозначен двум худосочным; сохранилась и такая пословица: *Һигез һарык һуйғансы, һимез һарык һуй* (Чем резать восемь худых баранов, режь одного жирного) [1, с. 555]. В текстах народного творчества много примеров, где показаны правила приема и угощения гостей. Например, в башкирском эпосе «Кара-юрга»:

*Кушлак батыр күзен асыр,
Кушлак батыр тороп баһыр,
Кушлак батыр сәләм бирер,
Кунагына урын бирер,
Алдына һый-хөрмәт куйыр,
Табак-табак курзак куйыр,
Күнәк-күнәк айран бирер,
Кунак итер, хөрмәт итер,*

Кунактың йомошон кәтәр... (букв. Кушлак-батыр гостя приветствует, гостю своему место предлагает. Ставит перед ним угощение: ставит мисками жареное мясо, ведрами дает ему айран. Оказывает ему почтение, угощает его, ждет какую просьбу выскажет гость) [3, с. 85].

В башкирском обществе высмеивалась жадность: *Һаран байга төшкәнсе, йомарт ярлыга төш* (Чем входить в дом скупого бая, лучше войти в дом щедрого бедняка) [1, с.631]; но вместе с тем порицалось и расточительство. Во всем была необходима мера: *Кунак башына куй һуйһаң, кураңда куйың калмаһ* (Каждому гостю барана резать будешь – скотины не останется) [1, с. 95]; *Сәй кәлдәрөр, кесәне бәлдәрөр* (Пирьы веселят, да карман опустошають) [1, с. 436].

Со всяческими почестями гостей принимали в течение трех дней: *Кунак кәзере өс көн, дүртенсәһе – үз башына* (Почет гостю три дня, остальное на свою голову) [1, с. 317]; *Кунак өс көн кунак, дүртенсәһенә – муйнак* (Гость – три дня гость, на четвертый – пес) [1, с. 318]. По прошествии трех дней (иногда недели) гостей провожали домой. Гости благодарили хозяев и приглашали их к себе с ответным визитом *Бөгөн һеззә кунак булдык, иртәгә безгә килегез* (Сегодня мы гостили у вас, завтра милости просим к нам) [1, с. 96]. Поэтому поводу в народе говорили: *Кунак ашы – кара каршы* (В ответ на угощение – угощение) [1, с. 351]. Совместное угощение выполняло важные нравственно ориентированные функции: отведав пищу во время общей трапезы, люди приобретали обязанности друг перед другом, между ними укреплялись дружеские отношения. В народе говорили: *Бер көн тағам итһәң, кырк көн сәләм бир* (Один раз угостившись, сорок дней приветствуй) [1, с. 90].

Таким образом, "кунаксыллык" (гостеприимство) у башкир включает в себя ряд компонентов, главным из которых является *кунак* (гость). В текстах башкирского фольклора – это также процесс, куда входят прием, угощение и развлечение гостей. Следовательно, основой "кунаксыллык" башкирского народа является "кунак итеу" (оказать гостеприимство).

Список литературы

1. Ахтямов М. Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа: Издательство «Китап» им. Зайнаб Бишевой, 2008. 776 с.
2. Башкирско-русский словарь. Академия наук Республики Башкортостан; под редакцией З. Г. Ураксина М.: Дигора, 1996. 884 с.
3. Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа: "Китап", 1987. 248 с.
4. Валеев Д. Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989. 356 с.
5. Кульсарина Г. Г. Отражение народного этикета в диалогах сказки «Акъял-батыр». Журнал "Учитель Башкортостана": 1999. – №5. – С. 56-57.
6. Кульсарина Г. Г. Семантическое поле концепта «кунаксыллык» («гостеприимство») в башкирской фольклорной картине мира. // Идель – Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 387-392.
7. Надршина Ф. А. Башкирские народные предания и легенды. Уфа: Башкирское издательство "Китап", 2001. 527 с.
8. Ураксин З. Г. Этнокультурологическое содержание слова "кунак" (гость) в башкирском языке. // Межкультурная коммуникация: К проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Уфа: БашГУ, 2001. С. 102-104.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, ОТРАЖАЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МИРА РУССКИМ НАРОДОМ)

Латыпова Э.М.

ассистент кафедры иностранных языков, соискатель,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются и классифицируются основные лингвокультурологические концепты, определяющие национальный менталитет русского народа, которые отражены в пословицах и поговорках. Автором доказывается, что концепт является значимым для той или иной культуры понятием, формирующим языковую картину мира всей нации. Особое внимание уделяется наиболее распространенным словам, важность которых для формирования концептуальной картины мира определенной народности определяется частотой их употребления.

Ключевые слова: концепт, пословицы и поговорки, язык и культура, когнитивный анализ, лингвокультурологический подход.

Изучение понятия «концепт» занимает ведущее место в лингвокультурологических и когнитивных исследованиях. Проблема соотношения языка и

культуры волнует многих известных ученых – лингвистов. Взаимодействие культуры и языка привело к возникновению так называемых концептов, которые передают опыт коллективной общности людей. Большой вклад в изучение концептов внесли А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, Э.М. Медникова, И.А. Стернин, Н.Д. Арутюнова, Г.Г. Слышкин. Данной проблемой с когнитивной точки зрения занимаются также С.З. Анохина [1, 2], Е.А. Казанцева [3], Э.К. Валиахметова [4, 5], с лингвокультурологической точки зрения Ф.Г. Фаткуллина, Т.И. Кобякова [8, 9], З.М. Раемгужина [10].

Концепт рассматривается как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, отражающий специфические культурнообусловленные представления человека о действительности» [16, с. 239]. Концепты рождаются в процессе восприятия мира, создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт [14, с. 61-62]. В лингвокультурологическом смысле концепт определяется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [12]. По мнению В. Гумбольдта, материальная и духовная культура воплощаются в языке; всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением "народного духа", его культуры; язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Американский специалист в области социологии культуры Н. Смелзер полагает, что "все элементы культуры... могут быть выражены в языке" [12, с. 52]. Все, что окружает личность, фиксируется языковыми средствами. Язык – хранитель и проводник культурной информации и в то же время продукт культуры, так как он не может существовать вне культуры как основы социума, вне человека как производителя и культуры, и языка [7].

Несмотря на разнообразие толкования концепта, существует единое мнение, что концепт – это условная ментальная структура [15, с. 127]. Он имеет чисто когнитивный статус и не существует вне мышления. С позиций когнитивной лингвистики доказано, что использование термина «понятие» в традиционном понимании не отвечает требованиям современного этапа в науке о языке. Именно концепт соответствует представлению о тех значениях, образах, этноспецифике, на которые человек опирается и которыми оперирует в процессе мышления [6, с. 39]. Большинство исследователей рассматривают концепт как сгусток культуры в сознании человека, внешней оболочкой которого является слово, которое человек использует в повседневном общении. Польский исследователь А. Вежбицкая в качестве основных для русского ментального мира называет концепты «душа», «тоска» и «судьба», отдельные исследователи дополняют этот перечень концептами «совесть», «свобода», «воля», «справедливость» [7].

Русский язык богат различными идиоматическими выражениями, пословицами, поговорками. Пословицы и поговорки – неотъемлемая часть культуры народов, в которых отражается жизненный уклад, образ мыслей и характер народа. Особенностью пословиц любого народа является их исконно национальное происхождение. Проанализировав их в лингвистическом

аспекте, можно установить некоторые ценностные приоритеты русской культуры. В рамках этих исследований пословица определяется как лингвокультурный текст, который в концентрированном виде выражает сведения о культуре того или иного народа, характеризует важные моменты истории, традиции, нравы и обычаи людей, говорящих на соответствующем языке (И.Р. Гальперин, А.В. Кунин, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун).

Посредством пословиц и поговорок в человеческом сознании формируются ценностные ориентации, на которые в огромной степени влияет история народа, география расселения, образ жизни и хозяйствование. Поэтому к основным факторам, формирующим национальный менталитет, многие авторы относят: географический ареал расселения народа, климатические условия, исторические этапы становления народа, торговые отношения, уклад жизни бытовые особенности. Всё это, в свою очередь, влияет на национальные особенности психологии, мировоззрения, отношение к себе, к другим, к жизни и смерти, к материально-духовным ценностям, природе и миру в целом [14; 17].

Н.А.Тарасова и О.Г. Минина в своей работе рассмотрели основные концепты, являющиеся базисными для формирования национального менталитета русского народа, которые отражены в пословицах и поговорках. К ним относятся такие концепты, как:

- дом и семья – чужбина: *Дома и стены помогают; В гостях хорошо, а дома лучше; Дом – полная чаша; В тесноте да не в обиде; Вся семья вместе, так и душа на месте; Своя рубашка ближе к телу; Хозяин в дому, что медведь в бору; Дом хорош, да хозяин не гош; Без хозяина дом сирота; В семье любовь да совет, так и нужды нет; В дружной семье и в холод тепло; Дерево держится корнями, а человек семьей.*

- земля (Родина): *В родном краю сокол, в чужом – ворона; Лучшие того дела нет, чем родную землю от врагов защищать; Кто за родину дерется, тому сила двойная дается; В русском сердце прямая честь да любовь к Руси – матушке; Где кто родился, там и пригодился; Человек без родины – соловей без песни; Нет ничего на свете краше, чем родина наша; Для родины своей ни сил, ни жизни не жалеи; Любовь к родине сильнее смерти; За родину, за честь – хоть голову снести; С родной земли – умри, не сходи; Своя земля и в горести мила.*

- Бог и человек: *Бог даст день, Бог даст и пищу; Наша доля – Божья воля; Как ни путай, а Божья воля все распутает; Бог лучше знает, что дать, чего не дать; Бог дал, Бог и взял; Бог милостив; Бог терпел и нам велел; Все под Богом ходим; Бодливой корове Бог рог не дает; Не скор Бог, да меток; Человек предполагает – Бог располагает; Кто рано встает, тому Бог подает; Береженого Бог бережет; На Бога надейся, а сам не плошай.*

В данной статье были обозначены концепты русской культуры, на материале пословиц и поговорок, отражающих национальные особенности восприятия мира русским народом. Эти концепты являются одними из основных при формировании картины мира всей русской нации, однако, более подробный анализ и изучение пословиц и поговорок указывает на то, что можно вы-

явить не один десяток концептов, характеризующих русскую культуру [11]. Пословицы и поговорки того или иного народа несомненно являются ключом к пониманию национальных менталитетов и требуют более внимательного изучения.

Список литературы

1. Анохина С.З. Языковая интерпретация объектов зрительного восприятия // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. №1. С. 116-119.
2. Анохина С.З., Латыпова Э.М. Фразеология в когнитивном аспекте // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №5-1(36). С. 85-86.
3. Казанцева Е.А. Когнитивно-сопоставительное описание синонимических парадигм с доминантами «to frighten» и «пугать»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999.
4. Валиахметова Э.К. Когнитивность как основа сопоставительного исследования лексики // Наука сегодня: теория и практика. Сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции. Уфимский государственный университет экономики и сервиса. 2015. С. 128-130.
5. Валиахметова Э.К., Шарипова В.А. Функционально-когнитивная сфера – новый тип организации лексики // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. 2015. №8. С. 100-104.
6. Вардзелашвили Ж. Концепт как лингвистическая категория – конструктивная сущность // Тбилисский государственный университет. Филологический факультет. Сборник научных трудов. Тб. 2004. С. 39-45.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Кобякова Т.И. Язык, ментальность, концепт как основа языкового сознания личности // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1-2. С. 212-217.
9. Кобякова Т.И., Сунцова Н.Л. Лингвокультура и этнонациональное языковое сознание // Наука сегодня: теория и практика Сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции. Уфимский государственный университет экономики и сервиса. 2015. С. 138-142.
10. Раемгужина З.М. Языковая картина мира в башкирской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.
11. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 26.05.2014).
12. Смелзер Н. Социология. М. 1994. С. 48-53.
13. Тарасова Н.А., Минина О.Г. Пословицы и поговорки как отражение национальных особенностей восприятия мира русскими и американцами/англичанами // Сыктывкарский госуниверситет. Республика Коми, Сыктывкар. 2014.
14. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». М. 2010. № 2. С. 60–67.
15. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
16. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics // Проблемы современного образования. Педагогический журнал Башкортостана №1(56). 2015. С. 239-242.
17. Kobiakova T. I., Suntsova N. L., Raemguzhina Z. M., Tumanova A. S., Fatkullina F. G. Russian Approach to the Problem of Correlation of Linguistic Consciousness and National State of Mind // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6. № 6S 2 November 2015. 111-121 pp.

КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО» В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР»

Лебедева Е.В.

магистрант кафедры русского языка, теории и истории литературы,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) «КФУ им. В.И. Вернадского»,
Россия, г. Ялта

В статье рассматривается реализация концепта «творчество» в романе Владимира Набокова «Дар».

Ключевые слова: концептосфера, концепт.

Концептосфера, являясь сложной лингвокультурологической категорией, выполняет важную роль в формировании как языковой, так и персонально-авторской картин мира. Активное использование понятия «концепт» связано с именем академика Д.С. Лихачёва. В статье «Концептосфера русского языка» исследователь акцентировал внимание на значимости концептологического подхода к культуре и представляющим её текстам: «Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека; потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека, и чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и его «концептосфера» [5, с. 320].

Интерес к сущности мыслительной деятельности человека обеспечил понятиям «концепт» и «концептосфера» одно из лидирующих мест в современной научной сфере с её установкой на междисциплинарность. Концепты как «ментальные образования, представляющие форму существования культуры» [8, с. 40] особенно значимы для описания художественных стилей вообще и авторских идиостилей в частности.

Общепонятные концепты, преломляясь в художественном тексте, приобретают авторскую тональность. Для читателя рамки определённого концепта расширяются, тем самым обогащая его картину мира.

Роман В. Набокова «Дар» занимает особое место в творчестве писателя не только потому, что является последним русскоязычным романом, но и потому, что воплотил в себе основные черты идиостиля автора.

Сергей Давыдов в монографии «Тексты-матрёшки Владимира Набокова» (первой монографии о Набокове на русском языке) отметил: «Дар» – это роман-коллаж, состоящий из «внутренних» текстов героя. От главы к главе нарастает творческий потенциал Федора и постепенно исчезает разница между авторским текстом и текстом героя. В какой-то степени это внутреннее развитие отражает путь, пройденный пишущими героями предыдущих произведений Набокова, в этом смысле «Дар» можно считать одним из ключей ко всему «русскому» периоду творчества Набокова. В конце романа герой становится его автором» [1, с. 108].

И.И. Ковтунова в статье «Поэтика контрастов» пишет: «В романе «Дар» контрастно и парадоксально сочетаются логическая завершенность, предстающая как результат высокого художественного мастерства, изощрен-

ной художественной отделки текста, и искусно построенный образ естественного течения мыслей, чувств, впечатлений героя романа, образ поэтического творчества. В этом контрасте... в полной мере проявилось «чародейство» писателя...» [4, с. 161].

Концептосферный фон художественного текста Набокова представлен концептами человек, детство, творчество, вещь, дело, пошлость, природа. Концептуальным, на наш взгляд, является поле «творчество». В рамках нашей статьи сфокусируем внимание на концепте «творчество».

В философско-эстетической концепции В. Набокова проблема творчества занимает центральное место. «Дар» – ядро концепта «творчество». Дар присущ любому настоящему творчеству: с ним связана тайна творчества и его индивидуальные проявления. Настоящий талант – это и есть дар, который противостоит пошлости, обману. Сам В. Набоков о своём творчестве говорил: «У художника нет обязательств перед читателем. В том случае, если между ними нет контакта, либо виноват читатель, либо творение писателя настолько бездарно, что он не имеет права называться художником» [2, с. 20].

Все персонажи и события преломляются через сознание Фёдора Годунова-Чердынцева. Главный герой смотрит на мир сквозь призму творчества. Он поэт, для него поэтический космос – выше реальности. Реальную жизнь он трансформирует в своём сознании, и определяет для себя эстетические категории прекрасного и безобразного. Фёдор живёт в мире творчества – единственно возможном для него мире. Творчество для героя – сугубо личное. Творчество и действительность для него неотделимы. Поэтому даже самые предметные стихи его оказываются исключительно богатыми звуковыми ассоциациями: «Влезть на помост, облитый блеском» и автокомментарий: «взнашивая ведра, чтобы скат **обливать**, воду расплескивали, так что ступени обросли корою **блестящего** льда, но все это не успела объяснить благонамеренная аллитерация».

Так, мысленно «перелистывая» стихи, связанные с детством, Фёдор Годунов-Чердынцев (а может, сам Набоков?) пишет: «Между тем воздух стихов потеплел, и мы собираемся назад в деревню, куда до моего поступления в школу (...) мы переезжали иногда уже в апреле» [6, с. 283]. Обратите внимание: теплеет воздух стихов, то есть между стихами и действительностью есть прямая связь.

Набоков «ажурно» описывает творческий процесс героя. «Когда же он лег в постель, только начали мысли укладываться на ночь, и сердце погружаться в снег сна..., Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочиненные стихи, – просто, чтобы ещё раз порадоваться им перед сонной разлукой; но он был слаб, а они дергались жадной жизнью, так что через минуту завладели им, мурашками побежали по коже, заполнили голову божественным жужжанием, и тогда он опять зажёл свет, закурил и, лежа навзничь... предался всем требованиям вдохновения. Это был разговор с тысячей собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха. Как мне трудно, и как хорошо...» [6, с. 312].

Отдельного изучения требует «развёртывание» концепта «творчество» в «формуле» «Набоков – Пушкин». В диссертации на тему «А.С. Пушкин и творчество В. Набокова» (2000г.) доктор филологических наук В.П. Старк отметил: «Пушкин – радуга по всей земле» – так образно определил Набоков место Пушкина в литературе, все многообразие его дара, явившегося мостом, связующим русскую литературу с мировой, национальные традиции с европейской культурой. Для самого Набокова и целого поколения изгнанников он явился связью между прошлым и настоящим. Только Пушкин на протяжении всей жизни оставался для Набокова незыблемым авторитетом» [7, с. 5]. Приведём несколько примеров из романа «Дар» в подтверждение указанного замечания. Определяя генезис своего героя-поэта, Набоков ставит его в зависимость от отца: «Мой отец мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать» [6, с. 394]. Фёдор Годунов-Чердынцев отчётливо помнил, «что няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, – из-за Гатчины, с Суйды: это было в часе езды от их мест – и она тоже говорила «эдак певком» [6, с. 348].

Влияние пушкинского слова на дарование Годунова-Чердынцева очевидно: «В течение всей весны продолжая тренировочный режим, он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина, – у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его...» [6, с. 348].

Ещё пример: «...за груневальдским лесом курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель, и так же стояли горшки с бальзаминном» [6, с. 348]. Набоков использует другое имя для пушкинского Самсона Вырина, подтверждая свое знакомство с черновыми вариантами произведений Пушкина.

Поле концепта «творчество» формирует большое количество текстовых фрагментов, имеющих признаки критических работ. Один из примеров – размышления о стихах Яши Чернышевского: «Он в стихах ... воспевал... есенинскую осень, голубизну блоковских болот, снежок на торцах акмеизма и тот невиский гранит, на котором едва уж различим след пушкинского локтя» [6, с. 296].

Уважительное отношение главного героя к Пушкину, Чехову и Гоголю проявляют метафорические образы: «Не трогайте Пушкина: это золотой фонд нашей литературы. А вон там в Чеховской корзинке, провиант на много лет вперед...»; «Погодите, вернемся к дедам. Гоголь? Я думаю, что мы весь состав его пропустим...» [6, с. 326].

Творчество автор сопоставляет, а то и отождествляет с игрой в шахматы: «На доске звездно сияло восхитительное произведение искусства: планетариум мысли. Всё тут веселило шахматный глаз: остроумие угроз и защит, грация их взаимного движения, чистота матов (столько-то пуль на столько-то сердец); каждая фигура казалась нарочно сработанной для своего квадрата; но может быть очаровательнее всего была тонкая ткань обмана, обилие под-

метных ходов (в опровержении которых была еще своя побочная красота), ложных путей, тщательно уготовленных для читателя» [6, с. 415].

В заключении статьи приведем слова Сергея Давыдова, на наш взгляд, наиболее точно передающие смысл, ядро романа Набокова: «Дар» – это книга о творческом процессе, о рождении и взрослении творческого сознания, о становлении поэта. Это роман о творческой эволюции. Его герой, начинающий поэт Федор, поднимается вверх по этой спирали (каждому витку соответствует один «внутренний» текст) и становится в конце концов настоящим писателем. Герой романа становится автором этого романа, персонаж Федор преображается в В. В. Набокова – человека. Федор – первый герой в творчестве Набокова, которому удалось преодолеть границу между искусством и жизнью, перебраться с изнанки, т.е. со страниц романа, на лицевую его сторону, отождествиться с автором, чье имя стоит на обложке книги, с автором, проживающим вне романа. Путь, пройденный Федором, является закономерным завершением процесса, в котором формировалось и созревало творческое сознание поэта» [1, с. 87].

Список литературы

1. Давыдов С. Тексты-матрешки Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 160 с.
2. «Знаете, что такое, быть знаменитым писателем?» // Иностранная литература. 2003. № 7. С. 20-23.
3. Капленко В.Н. Концепт творчество в поэтической картине мира Ксении Некрасовой // Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 153-157.
4. Ковтунова И. И. Поэтика контрастов в романе В. Набокова «Дар» // Язык: система и подсистемы. М., 1990. С. 161.
5. Лихачев Д.С. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста [Текст] / Д.С. Лихачев. М.: Academia, 1997. С. 320.
6. Набоков В. Романы. Дар. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1990. С. 263-588.
7. Старк В.П. А.С. Пушкин в творчестве В. Набокова: автореф. докт. фил. наук. Санкт-Петербург, 2000. 41 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры. 1997. С. 40.

АНГЛИЙСКИЙ АРТИКЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Нетребко Е.Э.

старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков,
Краснодарский университет МВД России, Россия, г. Краснодар

Содержание статьи посвящено анализу некоторых особенностей грамматики английского языка. В статье показывается, что новый к употреблению неопределенного артикля предполагает рассматривать еще и теорию дифференцирования на ряду с категорией определенности и неопределенности. В статье демонстрируется, что в современном английском языке артикль менее чем в других языках связан с самим именем, поэтому он вовлекается в выражения более широких значений.

Ключевые слова: английский язык, грамматика, артикль, лексика, неопределенный артикль.

Трансформация и развитие культуры требует систематического изменения всех сфер человеческой деятельности [7], в том числе и языковых аспектов. Созвучна с этими тенденциями и как таковая наука вообще, развивающаяся, и накапливающая знание [6], так и частные дисциплины. Речь идет не только о разговорном языке, или литературном, но и о терминологическом развитии частных научных областей, в том числе, работающим с жаргонизмами (например, сфера противодействия экстремизму [9]).

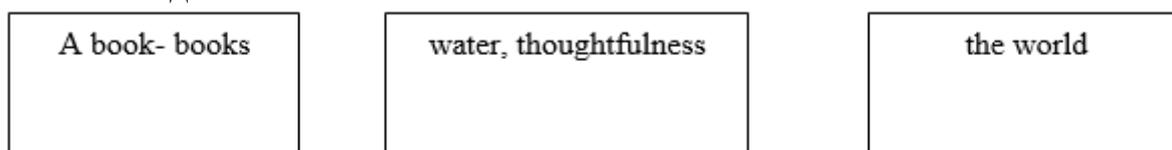
Наличие артикля в предложении всегда свидетельствует о наличии в нем имени существительного или субстантивного словосочетания, и это, несомненно, послужило причиной того, что изучение артикля с древних времен ввязывалось со словом, лексическим значением существительного, с исчисляемостью и неисчисляемостью, с категорией числа. Новый подход предполагает рассматривать еще и теорию дифференцирования на ряду с категорией определенности и неопределенности. Ниже будет предложено новое толкование категории артикля и будет сделана попытка связать употребление артиклей с грамматикой текста.

Артикль – служебное слово, но среди служебных слов артикль занимает *особое* место. Служебные слова – это структурно-семантический тип слов, который лишен номинативной функции. Отличительной чертой артиклей является то, что эти слова местоименного происхождения: определенный артикль восходит к древнеанглийскому указательному местоимению со значением «тот», а неопределенный – к слову с местоименным значением «один какой-то, некий».

Исследования становления артиклей показали, что неопределенный артикль никогда бы не развился из an, если бы у него не было значения неопределенного местоимения – простого количественного значения для этого было еще недостаточно.

В артиклях грамматическое значение еще больше, чем в предлогах и союзах, преобладает над лексическим. Нельзя упускать из виду специфику артиклей *английского языка. Английский артикль оказывается более независимым от имени, что и расширяет возможности его функционального использования.*

Правомерно ли при изучении артиклей игнорировать эти связи в системе языка? Например. Существительные – типа 1) a book (books), 2) water, thoughtfulness, 3) the world естественно ассоциируются с тремя различными моделями:

Когда мы воспринимаем *отдельное* материальное образование как *единичное* и единственное в своем роде и стремимся уяснить, что оно собой

представляет, мы отражаем его со стороны *качества*. Качество можно определить как совокупность свойств, указывающих на то, что собой вещь представляет, чем она выявляется.

Случаи употребления определенного артикля с существительным в генерализирующем значении были еще и до появления неопределенного артикля, а также в языках, которые вообще не имели последнего.

В современном английском языке в категориальном значении могут употребляться существительные не только предметной соотнесенностью, но и с понятийной; это может быть не только слово, но и словосочетание.

(1) There were personalities in the great Roman, Marcus Tullius Cicero: the poet, the orator, the lover, the patriot, the politician, the husband and father, the friend, the author, the lawyer, the brother, the son, the moralist, the philosopher.

Характерно также, что определенный артикль органически связан с существительным собирательного значения, обозначающими совокупность людей, объединенных социальными, политическими, профессиональными, семейными и иными связями. Как известно, существительные эти лишены морфологических фотом категории числа. Указанная особенность раскрывается согласованием по смыслу с формой множественного числа глагола-сказуемого: the family are...; the crew are...; the Press are...; the Government are....

Обычно в грамматиках все эти соотнесения обнаруживают содержание множественности, т.е. отдельные члены коллектива в рамках собирательности. Здесь преобладает качественно-функциональное значение над количественным [1, 3].

Модель с определенным артиклем противопоставлена в системе языка неопределенному и «нулевому» артиклям. Последние представляют субстанцию в отвлечении от всего конкретно-индивидуального. Основная логическая функция понятия – это мысленное выделение по определенным признакам, интересующих нас в практике и в познании предметов. Условия понятия – выделение классов предметов, абстрагирование, обобщение приводит к тому что, понятие может быть отнесено к любому предмету. Существительное полностью соответствует понятию субстанции, а она не зависима. Но понятие представляет собой единство общего и единичного. Оно мыслиться отдельно как потенциально членимое и может осмысляться то как общее, то как единичное.

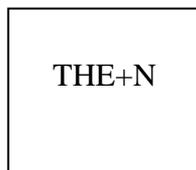
Понятие неопределенного артикля появилось около XII в., и в грамматическом строе появилась новая возможность выразить это противопоставление общего и единичного: неопределенный артикль выражает выделенность, вычлененность единичного, особенного из общего. Неопределенный артикль не всегда характеризует слово по линии единственного числа. В формах множественного числа субстанция выражена как членимое множество: maps=a map + a map + a map [2].

Единичное здесь является вычленением единичного из предметной отнесенности, а их противопоставление конституирует категорию числа. Хотя

здесь обнаруживается противоречивость структуры моделей с артиклями, двойная маркированность его второго компонента «а».

В существительных абстрактных и вещественных, обычно употребляемых без артикля, членимость субстанции представлена как всякое отдельное есть единство общего и единичного. В слове whiteness «белое» мыслится самостоятельно, независимо от предметов, как отдельная субстанция, т.е как цвет в отличие от предметов, которым он может принадлежать.

Вся система существительных с определенным артиклем противопоставлена в английском языке в системе существительных без определенного артикля. Сама система неопределенности также бинарная, так как само общее понятие субстанции как выражение понятие отдельного дихотомично. Категория числа в морфологии английского языка образуется только там, где членимость субстанции выражена эксплицитно, формы множественного числа, имеющих коррелят в виде формы единственного числа существительного:

Возможность опущения неопределенного артикля перед существительными исчисляемыми также связана с тем, что в словах bed, window выражено только общее:

This end wall is all window (J. Galsworthy).

The wind is our friend anyway, he thought.

Then he added, sometimes: and the great sea....

And bed. Bed is my friend. Just bed, he thought.

Bed will be a great thing (E.Hemingway).

В процессе исторического развития мышления человека категория качества предшествует категории количества.

Неопределенный артикль может быть отнесен к любому предмету класса. Например, в предложении A tree takes many years to reach full growth - это любой объект данного класса в объективной действительности. Значение модели с неопределенным артиклем тоже диалектично. Следовательно, модель с этим артиклем внутренне противоречива и динамична, что принципиально отличает её от модели с артиклем определенным:

A scientist (любой, всякий), is a scientist (данного класса), a diplomatist is a diplomatist, a politician is a politician (J.Aldridge).

В функции подлежащего ярче выступает референтная соотнесенность, в функции предикатива – функция сообщения о предмете. Но и в том, и в другом случае неопределенный артикль имплицитно что-то.

Определенный же артикль выражает тождественно данной субстанции, он может отождествлять с уже известным, но он лишен внутренней противоречивости и динамичности. Например:

Martin who had never seen Dave, to whom the name was only a name, was aware of the shadow (A.Saxton).

В первом случае (the name) имеется в виду уже упомянутое в тексте имя Dave; во втором- не само имя, по которому можно идентифицировать человека, а определенная интерпретация, разъяснение того, как этот предмет можно классифицировать, определить.

Категория репрезентации, связанная с предметностью, выражаемая артиклями, шире категории числа. Артикль перед так называемым исчисляемыми существительными тот же, что и перед существительными абстрактного и вещественного значения. Неопределенный артикль иногда называют классифицирующим, но ведь и эта его функция – результат длительной работы человеческого мышления [5]. Неопределенный артикль всегда что-то имплицитно, требует домысливания. Экстраполяция же всегда требует учета более широкого контекста – от словосочетания, в котором употреблен артикль, до целого абзаца. Случаи употребления неопределенного артикля с существительными абстрактными особенно трудны именно потому, что всегда имплицитно тот или иной лексико-семантический вариант существительного [4].

В современном английском языке артикль менее чем в других языках связан с самим именем, поэтому он вовлекается в выражения более широких значений, как например многократности действия. Однако и при этом специфика определенного и неопределенного артиклей полностью сохраняется.

До сих пор остается совершенно не изученным употребление артиклей в связи с семантикой предложных оборотов. Между тем в современном английском языке роль артикля велика [8]. Предложный оборот с неопределенным артиклем, обладая, как уже указывалось выше, способностью предсказать что-то, вступает с глаголом в совершенно иные, более тесные отношения, чем предложный оборот с артиклем определенным, не наделенным этой способностью.

Список литературы

1. Архипов И.К. Грамматика английского языка. Артикли, Издательство: «Инъ-язиздат», 2006. 176 с.
2. Блох М., Гальдман А., Сергеева Ю., Трунова Н. Английский артикль. Объяснение, употребление, тренинг, ключи, справочник. Издательство: «АСТ, Астрель, Lingua», 2008. 384 с.
3. Ершова Н.Н. Некоторые случаи использования нулевого артикля в современном английском языке. Москва, 2004. 189 с.
4. Караванов А. The или A пособие по употреблению артиклей в английском языке. Учебное пособие. Издательство «Менеджер», 2010. 144 с.
5. Лобанова Н.Е. Функционирование артикля в современном английском. Москва, 2000. 452 с.
6. Плотников В.В. Понятия информации и культуры в системе детерминант социологии трансформирующегося общества. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 5 (52). С. 15-22.
7. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития № 16. 2014. С. 226-229.
8. Полякова Т., Панова С. Существительные и артикль. Учебно-справочное пособие по грамматике английского языка. Издательство: «Высшая школа», 2003. 287 с.

9. Самойлов С.Ф., Плотников В.В. Концептуализация понятий социального и политического радикализма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 258-260.

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Нелькенбаум В.М.

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье стилистика художественного текста рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений современной лингвистики. Изучение стилистики художественного текста позволяет осуществить более подробное изучение особенностей художественного текста, выявить скрытые смыслы в рамках конкретного художественного произведения.

Ключевые слова: стилистика, художественный текст, поэтика, риторика, герменевтика, интертекстуальность.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть стилистические особенности художественного текста в целом. Прежде всего считаем необходимым обратиться к истории развития стилистики как науки. Стилистика художественного текста как самостоятельное направление лингвистической дисциплины в отечественной науке окончательно сформировалась в 50-е гг. XX в. Именно в середине прошлого столетия стилистика стала привлекать внимание исследователей русского языка в качестве самостоятельной области изучения не только стилей художественной литературы, но и анализа литературного произведения. Таким образом, развитие данной науки мы можем связать прежде всего с именами В.М. Жирмунского, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др.

Первоочередной задачей стилистики было всестороннее исследование функциональных стилей современного русского языка 30-40-х гг. XX века, которые между собой различались прежде всего по цели использования языка в каждом конкретном случае: лексика для официально-деловых, научных, газетных, художественных текстов.

Кроме того, стилистика художественного текста как наука имеет более «молодую» предшественницу, которая в языкознании 20-30-х гг. XX в. именовалась структуральной поэтикой. Ее истоки мы можем наблюдать в античной риторике и поэтике. Поэтому традиционно исследование особенностей художественных текстов, а также интерпретация художественных произведений были первоочередным предметом исследования для данной научной области [5; 7].

Также, помимо поэтики, стилистика художественного текста связана с другим лингвистическим направлением – герменевтикой. Данная наука вызывает к себе большой интерес и со стороны современных филологов. Герменевтика – это учение о понимании и интерпретации текста, в более узком

понимании – это учение о понимании и интерпретации именно художественного текста. Интерпретации художественного текста состоит в раскрытии его смысла, а «окончательный этап понимания предполагает постижение «духа», или высшего смысла текста при сопоставлении с универсумом духовной культуры» [2, с. 62]. Теоретическую основу герменевтического метода, связывающего «букву» и «дух», или, конкретнее, язык и смысл, развивал в XX в. М. Хайдеггер, а практическую сторону рассматривали лингвисты швейцарской школы Э. Штайгер, В. Кайзер и др., определяя связь стилистики и поэтики художественного текста.

Таким образом, под стилистикой художественного текста понимается «функциональная система элементов разных структурных уровней, взаимодействующих между собой и с другими текстовыми категориями (содержательными и композиционными, идеологическими и тематическими)» [1, с. 47].

Стилистика художественного текста традиционно представлена в науке двумя направлениями изучения стиля [6, с. 29]. Первым направлением является текстоцентрическое, которое рассматривает стиль как системно-структурное образование, т.е. в качестве аспекта структуры художественного текста. В данном случае стиль рассматривают как данность и элемент текста, а стилистическое функционирование структурных единиц текста рассматривается как его автономное свойство.

Вторым направлением, которое рассматривает стилистику художественного текста с коммуникативной стороны, связывается процесс стилеобразования с процессом коммуникации, обеспечивающими понимание текста.

Также немаловажен в данном случае дискурсивный аспект изучения стиля художественного текста, который представлен прежде всего «стилистикой от автора» и «стилистикой восприятия» (декодирования) [4, с. 28], затрагивающими проблему интертекстуальности, традиционно изучающую в авторском тексте использование элементов из других текстов [7, с. 252].

Значит, стилистика художественного текста как раздел языкознания уверенно перешла на сегодняшний день, с одной стороны, в специальную область стилистических исследований, но с другой стороны – занимает в ряду филологических дисциплин особое место.

Стилистические исследования художественных текстов охватывают, как правило, две области: стилистику единиц и функциональную стилистику, которая изучает практическую художественную речь.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым конкретизировать понятие художественного текста, который представляет собой, с одной стороны, конкретное явление языка и, с другой стороны – словесного искусства.

Своеобразие художественного текста заключается в том, что при создании такового текста некоторые ограничения, накладываемые логическими нормами и закономерностями использования языка, снимаются. Но тем не менее при лингвистическом и литературоведческом подходе к стилю художественного текста по-прежнему актуальным остается вопрос о его специфике, которая отличает художественные тексты от практических.

Особенность художественного текста также заключается в дискурсивном аспекте его рассмотрения, то есть в связи с ситуацией литературной коммуникации, когда особенности референта литературного текста, отправителя-автора и его намерения осуществляются через художественный текст.

При этом если нехудожественные тексты являются продуктом логического мышления человека, то художественные тексты проявляются как результат мышления. Писатель в художественном тексте передает свои представления о мире не как логические доводы, как это, например, принято в научной литературе, а с помощью их изображения в тексте. «Поэзия есть преобразование мысли посредством конкретного образа, выраженное в слове», – говорил А.А. Потебня [3, с. 333].

Таким образом, стилистика художественного текста изучает не ситуацию в тексте, а «языковое» оформление данной ситуации, которое обладает свойственной художественному тексту многогранностью. Поэтому смысл художественного текста не ограничивается предметной, событийной информацией, а образуется в результате ее переживания, с одной стороны, и обобщения, с другой. Этот путь ведет к формированию художественного смысла как «основного комплекса ценностей»: идеологических, нравственных, эстетических, познавательных – которые составляют внутреннюю структуру литературного текста. Именно стилистика художественного текста ставит целью изучение индивидуально-авторского своеобразия текста, в частности, использование нормативных форм языка, манеры построения текста и его композиции, системы интонаций и т.д.

Список литературы

1. Новожилова К.Р. Стилистика повествовательного текста: Теоретические и исторические основы: Учебное пособие. СПб., 2007. 140 с.
2. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Советский писатель, 1986. 480 с.
3. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 616 с.
4. Томашевский Б.В. Теория литературы. М.: Поэтика, 1999. 334 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
6. Фаткуллина, Ф.Г., Сулейманова А.К., Самохина Л.Н. Стилистика текста: теория и практика: Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 312 с.
7. Фаткуллина Ф.Г. Функционально-прагматический аспект изучения современного медиатекста // Актуальные вопросы университетской науки. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016, С 249-257.

ПОЖЕЛАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Озерова А.К.

магистрант кафедры русского языка, теории и истории литературы,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) «КФУ им. В.И. Вернадского»,
Россия, г. Ялта

В статье рассматривается возможность и способы реализации пожелания в современных коммуникациях. Пожелание является неотъемлемой частью речи коммуникантов

и часто относится к этикетной форме общения. В современном мире важно быть коммуникативным и креативным, чтоб быть признанным в обществе. От способа выражения пожелания зависит, будет ли принят говорящий данным человеком или коллективом, сможет ли он достичь своих целей.

Ключевые слова: речевой акт, виды речевых актов, речевой акт пожелания, виды пожеланий.

Активное изучение речевых актов началось в середине XX века. Основателем теории речевых актов стал британский философ языка Дж. Остин. Он опубликовал курс лекций под названием «Слово как действие». В данном курсе Остин представляет речевой акт как минимальную целостную единицу речевой деятельности и выделяет три уровня речевых актов: локутив (сам речевой акт), иллокутив (цель говорящего) и перлокутив (воздействие говорящего на слушающего посредством речевого акта).

С тех пор учёные пытаются изучить и классифицировать речевые акты по цели, тематике, эмоциональности, интерактивности и др.

Наше исследование направлено на изучение практического применения речевого акта пожелания в современных коммуникациях.

Мы рассмотрим несколько точек зрения лингвистов по поводу определения пожелания как речевого акта и проиллюстрируем их примерами.

Н.И. Формановская считает пожелание наименованием этикетной ситуации общения, в которой говорящий хочет, чтобы обстоятельства и положение дел складывались для слушающего благоприятно [1].

К таким пожеланиям мы можем отнести пожелание здоровья, успешной сдачи экзамена или победы в соревнованиях. Вот несколько примеров:

1. Учитель говорит ученикам перед экзаменом: «Ребята, я желаю вам легко сдать экзамен, показать свои способности и получить хорошие оценки!». В данной ситуации учитель придерживается норм этикета, не желает больше, чем того требует ситуация, при этом произнося достаточно стандартные слова.

2. Девушка пишет СМС заболевшей знакомой: «Желаю быстрее выздоровления» [2]. Здесь мы видим мало сопереживания, активного участия в жизни. Скорее этикетное «неравнодушие» к заболевшей знакомой.

3. Сосед спрашивает у бегущей вниз по лестнице девочки: «Куда спешишь? На поезд опаздываешь?», на что девочка отвечает: «Нет, дядя Женя, я на соревнования по волейболу иду, ребята ждут меня у подъезда». «Ну, удачи тебе, Ксюша!». Такое пожелание также будет этикетным, так как сосед и не думал сопереживать девочке и болеть за её команду, но и промолчать было бы невежливо.

Также в речи современных носителей языка есть пожелания, которые являются этикетными и обязательными для всех членов общества. Вот некоторые из них:

- «доброе утро / добрый день / добрый вечер / доброй ночи» при приветствии;
- «здравствуйте» при приветствии;

- «будь здоров» при виде чихающего человека;
- «приятного аппетита» в начале трапезы;
- «спокойной ночи».

К таким пожеланиям можно отнести поздравление, тост. Они так же являются этикетными ситуациями. При выборе формы поздравления нужно учитывать близость отношений с принимающим данное поздравление, возраст, воспитание, мировоззрение слушающих. Нельзя сильно вдаваться в подробности, нельзя говорить долго. Всё должно быть уместно и адекватно данному обществу.

Поздравление может быть дефектно, если автор поздравления отступил от правил.

К примеру, поздравление

*У тебя сегодня днюшка!
Можно упиваться «в хрюшку»,
Куролесить без оглядки,
Можно шопинг, в клубы, в прятки.
Веселись, гуляй, пляши,
Оттянись ты от души,
Всех отправь в культурный шок!
А все «стрелки» – на стишок!*

будет дефектно в обществе пожилых людей или если такое поздравление адресовано учителю от ученика.

Следовательно, мнение Н.И. Фомановской о пожелании как этикетной речевой ситуации находит своё отражение в жизни.

Н.А. Трофимова определяет пожелание как «речевой акт, иллюкутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе». [3]

По её мнению, с помощью пожелания адресант показывает своё отношение к адресату. И от того, как адресант выразит это отношение, будет зависеть установление и развитие контакта как с адресатом, так и с представителями данного общества.

В наше время существует много сайтов с поздравлениями, тостами и пожеланиями. Это доказывает тот факт, что речевой акт пожелания очень важен в современных коммуникациях.

На этих сайтах можно найти поздравления для людей различных социальных групп: семья, друзья, сотрудники, начальство и т.д.

Мы решили на примере таких поздравлений выяснить, что именно сейчас приоритетно желать и какие именно формы пожелания актуальны.

Современные дети, поздравляя своих родителей, выбирают концепт «здоровье» и «долгие годы жизни».

Например,

*Не старейте, милые родители,
Счастья вам, здоровья, долгих лет!*

*В вас всегда мы светлый образ видели,
Никого у нас роднее нет!
За тепло, за души ваши добрые
И за то, что вы растили нас,
За заботу и терпенье долгое
Пусть вам Бог здоровья даст! [5]*

В таких пожеланиях-поздравлениях мы видим, возможно, не двух адресантов, а общего адресанта. Это могут быть дети всей планеты, могут быть определённые дети своих родителей. Данное поздравление адресовано концепту благодарности родителям за их заботу. Кроме того, адресат не только родители, но и Бог. В данном поздравлении автор обращается к Богу и просит его дать здоровья родителям.

Современные родители, поздравляя своё чадо, чаще всего желают ему удачи, друзей, любви. Но родители отличаются от других адресантов тем, что чаще не столько поздравляют и желают, сколько дают напутствие на жизнь. Эта особенность связана с высоким чувством ответственности за ребёнка.

*Не жди, что в жизни будет каждый год
И каждый день – отрадой и наградой.
Несчастьем может оказаться радость.
Закатом обернется вдруг восход.*

*Но как бы жизнь за горло ни брала,
Ты стойким будь перед бедою черной.
И голову не вешай обреченно,
Как ни были б горьки твои дела.
И, наконец, последний мой совет:
Ты не один на свете проживаешь,
Не делай для других людей вовек
Того, чего себе ты не желаешь. [6]*

Друзья обычно очень оригинальны в поздравлениях. Это отличает их от других коммуникантов. Чем ближе человек говорящему, тем больше существует возможностей для воплощения поздравления.

*Желаю прибыли нескромной,
В швейцарском банке счёт огромный;
За городом большую дачу;
Здоровья крепкого в придачу;
Больших побед в делах амурных,
Канар и берегов Лазурных,
Успехов в жизни всевозможных,
А главное – друзей надёжных! [7]*

Часто тосты для друзей содержат такой смысл: «Чтоб у тебя всё было, но тебе за это ничего не было». Здесь мы видим отражение действительного

положения дел в обществе. Все хотят стать богатыми, но ничего при этом не делать, все желают быть счастливыми в любви, не прилагая усилий в отношениях. Современное поколение не хочет трудиться, добывая. Оно хочет получить всё и сразу.

С помощью данных примеров мы смогли проиллюстрировать не только важность правильного выбора пожелания, но и доказали, что поздравление является делом не только этикета, а прежде всего чувств, которые автор испытывает, произнося поздравление.

Список литературы

1. Формановская Н.И., Габдуллина С.Р. Русский и английский речевой этикет: сходства и различия: справочник. М., 2008. С. 48.
2. URL: <http://sms.a-angel.ru/prikolnye/sms-ne-bolej-5.html> (дата обращения: 10.09.2016).
3. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография./ Н.А. Трофимова – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
4. URL: <http://pozdravok.ru/pozdravleniya/den-rozhdeniya/prikolnye/>(дата обращения: 15.09.2016).
5. URL: <http://datki.net/pozhelaniya/roitelyam/> (дата обращения: 16.09.2016).
6. URL: <http://www.vampodarok.com/pozdr/dr/synu/>(дата обращения: 20.09.2016).
7. URL: http://o-druzhbe.ru/pozhelaniya_druzjam.php (дата обращения: 26.09.2016).

ЕЩЕ ОДИН «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК»

Савельев Ю.Н.

Липецкий государственный технический университет,
Россия, г. Липецк

В статье рассматривается вопрос о том, что переводчикам в своей практической работе приходится сталкиваться с афроамериканским вариантом английского языка. Подобно любому другому варианту английского языка, он имеет свой собственный набор грамматических и фонологических правил, наряду с особым лексиконом и стилизованной риторикой, что вкуче и составляет его неповторимый характер.

Ключевые слова: лингвистика, риторика, грамматические структуры, афроамериканский вариант, грамматические и фонологические правила.

Так или иначе, но почти каждому переводчику приходилось сталкиваться в практической работе с афроамериканским вариантом английского языка, в том виде, как его используют в США. Прежде всего, это касается перевода продукции Голливуда, которая распространяется по всему миру. Должно признать, что с учетом отражения лингвистического наследия из Африки и Европы, а также истории рабства и расового разделения в Соединенных Штатах Америки, английский язык чернокожего населения (АЧ), является полностью сформировавшейся и целостной лингвистической системой, которая оперирует параллельно американскому английскому. Подобно любому другому варианту английского языка, АЧ имеет свой собственный

набор грамматических и фонологических правил, наряду с особым лексиконом и стилизованной риторикой, что вкуче и составляет его неповторимый характер.

Тем ни менее, заключать АЧ в рамки особого этноса совершенная ошибка. Следует думать, прежде всего, о речевом сообществе. Ведь АЧ берет свое начало как *pidgin* – упрощенная версия языка, для снятия языковых трудностей у представителей различных языковых культур в едином сообществе. Именно рабы – представители различных культур, использовали *pidgin* в общении друг с другом. Время шло, и *pidgin* превратился в язык Креол, который стал основным средством общения довольно большой группы людей. Креол вместил в себя значительное количество слов и грамматических структур стандартного английского языка, которые были адаптированы в новом языке для лучшего общения между слугами и хозяевами. С отменой рабства в 1863 году афроамериканское население страны, так или иначе, начало интегрироваться в различные сферы социальной жизни, как следствие креольский английский чернокожих стал терять свою яркую лексикограмматическую выраженность. Что до уровня распространенности английского чернокожих сегодня, можно с определенной уверенностью утверждать, что примерно 70% афроамериканцев общаются на одном из многочисленных вариантах АЧ. При этом следует заметить, что часть из них используют АЧ как единственный вариант для общения, в то время как другая часть переключается с АЧ на стандартный английский (СА) в зависимости от ситуации, которая и диктует свои правила общения. Однако, некоторые афроамериканцы в своей речи используют только СА, поскольку связи с их этнической общиной не такие прочные, а интеграция в иную социо – экономическую среду довольно глубока.

При этом было бы безосновательно утверждать, что АЧ принадлежит лишь определенному этносу. АЧ есть один из основополагающих элементов более широкого спектра американского языкового сообщества.

По мере своего развития АЧ проделал долгий путь, и теперь некоторые его отличительные грамматические и фонологические черты уже не так ярки, как они когда-то были. Мы попробуем сделать попытку перечислить лишь некоторые из них, не забывая о том, что частотность употребления их различна в соответствии с лингвистической средой, социальными условиями и индивидуальными особенностями говорящего. Стоит заметить, что фонетическое многообразие проявляется более ярко, чем грамматические особенности. Вот некоторые примеры АЧ, которые дадут возможность лишь поверхностной иллюстрации предмета нашего рассмотрения:

- Выпадение глагола связки **be** в сокращенных формах **'s**, **'re**: ***He quick in everything.***

- Двойное отрицание: ***I ain't know nothing about it.***

- Использование формы **ain't** в качестве отрицательной формы с глаголами **am**, **is**, **are**.

- Вопросительные конструкции без **do**: ***What she want?***

- Конструкция с *done* выражает завершённое прошедшее действие:
You done gone and bought your granny a hat.

- Выпадение первого безударного слога: *because* = [kauz], *around* = [rawn], *about* = [bawt].

- Упрощение произношения парных согласных букв: *child* = [tsal], *walk* = [wɔlk], *just* = [jis].

- Упрощение произношения промежуточных звуков и дифтонгов:
I = [ah], *my* = [mah], *time* = [tahm].

Также в афроамериканском варианте английского языка присутствует прием «сладкой речи». Подобная грамматическая конструкция может быть расценена в стандартном английском языке как грубое несоблюдение основных языковых норм. В афроамериканском варианте данная норма приветствуется: тот, кто владеет языком на вербальном уровне, может контролировать общение с другими, тем самым контролировать межличностные отношения. Это легко прослеживается в уличных играх темнокожих подростков, не только на улицах США и Великобритании, но и других развитых странах, где проживают представители данной расовой группы.

Еще один прием называется «глазным диалектом». Он сводится к изменению написания слов без изменения их звучания, для характеристики говорящего. Например, “was” может быть написан как “wus”, хотя оба варианта произносятся одинаково. Просто вариант “wus” имеет под собой определенную социальную коннотацию.

Афроамериканский диалект английского языка является коммуникативной социальной системой, сформированной в процессе взаимодействия трех основ: социально-классовой, этнической и территориальной. Данный диалект существует в качестве социального диалекта с XVII века, но официально он был признан только в 1969 году. В настоящее время 80% афроамериканцев говорят на этом диалекте.

Список литературы

1. Шувалова Ю. В. Политическая фразеология в американском варианте английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 Москва, 1977. 200 с.
2. M. Allowood. American and British. A Handbook of American British Language Differences. NY 1967.

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДИАЛОГОВ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Савина Е.М.

аспирант кафедры германской филологии,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Московский государственный областной университет,
Россия, г. Москва

В статье рассматривается роль фатической функции языка при установлении, поддержании и завершении контакта в диалоге; функционально-стилистические и норматив-

но-стилистические средства реализации этой функции; необходимость узуальной адаптации текста перевода для достижения требуемого коммуникативного эффекта; проводится анализ функционально-стилистических ошибок, возникающих при переводе немецкой диалогической речи на русский язык.

Ключевые слова: фатическая функция языка, установление и поддержание контакта, функционально-стилистические средства перевода, нормативно-стилистические средства перевода, узуальная адаптация диалогической речи, переводческие ошибки.

Фатическая функция языка принадлежит к числу недостаточно полно раскрытых функций. Термин принадлежит английскому исследователю Б.Малиновскому и отражает, по его мнению, стремление к созданию «уз общности» между людьми. В речи данное стремление реализуется посредством специальных лексических единиц, устойчивых словесных комплексов, а также при помощи паралингвистических средств, таких как мимика и жесты. В словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой данная функция трактуется как «...проявляющаяся в ситуациях, в которых говорящий не стремится сразу же передать слушающему информацию, а хочет лишь придать естественность их совместному пребыванию где-либо, подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя внимание и т.п.» [1, с. 509]. Данная трактовка термина «фатическая функция» представляется несколько узкой, поскольку фатическая функция проявляется не только при установлении речевого контакта, но и продолжает действовать на протяжении всего диалога, вплоть до его завершения.

Существенными ориентирами при установлении и поддержании контактов между коммуникантами являются, с одной стороны, их постоянные (статусные) характеристики и, с другой, переменные (ролевые) признаки. В числе первых могут быть названы социальное положение, возраст, пол, образование, профессия. Ролевые признаки формируются в соответствии с теми связями, в которые вступают люди, являясь участниками самых разных социальных групп, а также в зависимости от социальных функций, выполняемых ими на момент общения. Роль членов всякой социальной группы, как правило, отмечена печатью принадлежности к данной группе, причем различия обнаруживаются на всех уровнях – от фонетики до способов организации целого высказывания. Для говорящего важно не только осознание своей социальной роли, но и роли партнера по общению. Для построения социально-корректного высказывания необходимо иметь четкое представление о том, «... по отношению к какому лицу, представляющему ту или иную социальную позицию или роль, в каких ситуациях общения уместно использовать данную знаковую систему, подсистему или их единицы» [3, с. 128].

Самым существенным экстралингвистическим фактором всякого социально-речевого взаимодействия является ситуация общения. Наиболее значимыми ее признаками для участников общения являются такие, как знакома ли им данная ситуация или нет, является ли она формальной или неформальной, а также заинтересованность в разговоре. Следует также отметить, что наиболее яркое влияние ситуации на выбор речевых средств проявляется в

зависимости от ее частотности (повторяемости). В часто встречающихся ситуациях используются стереотипные (шаблонные) формы общения. Праздник, прием у врача, покупка продовольствия, разговор на вокзале, юридическая консультация и пр. связаны с характерными для каждой из этих ситуаций средствами выражения (в первую очередь в области лексики, форм обращения). Речевое поведение здесь социально предписано. Стандартность ситуации «требуется» использование стандартных речевых средств – общепринятых «формул», предназначенных для данной специфической ситуации. Иными словами, обстановка и условия протекания разговора определяют в самой существенной степени уместность и сообразность языковых средств.

В реальном общении фаза установления речевого контакта иногда может отсутствовать. Речевые действия, связанные с установлением речевого контакта, характеризуется тем, что сами по себе не являются целью общения, а лишь предваряют его, создавая условия для дальнейшего согласованного диалога. Их несущественность в этом смысле можно проиллюстрировать тем фактом, что фаза установления контакта пересказывается третьим лицам лишь тогда, когда в ней были какие-либо отклонения [4, с. 74]. Обращают на себя внимание случаи, когда привлечение внимания осуществляется путем непосредственного приглашения к разговору, подчеркиванием его значимости, доверительности, напр.:

- *Ich komme serios, – sagte ich. – Wie steht's mit dem weiblichen Arbeitsmarkt, Erna?*

- *Nanu, – erwiderte sie, was fur eine Frage so halt vor die nuchterne Brust! Im iibrigen: oberfaul* (Е.М.Ремарк. *Drei Kameraden*).

- *Я по серьезному делу, – сказал я. – Как обстоят дела на женской бирже труда, а, Эрна?*

- *Ого! – сказала она. – Ничего себе вопросик на засыпку! Но вообще-то хреново обстоят* (Э.М.Ремарк. *Три товарища*. Пер. Ю.Архипов).

Безусловное отношение к фазе установления контакта имеют этикетные формы приветствия, правильность выбора которых в иных случаях может определить успешность всего общения. Так, в следующем примере, сочетание этикетных формул знакомства и адресованных собеседнику комплиментов создают благоприятные условия для развития речевого контакта:

- *Bitte, entschuldigen Sie, – sagte ich, – ein unvorhergesehener Zufall – konnen Sie mir etwas heifien Tee geben?* (Е.М.Ремарк. *Drei Kameraden*).

- *Простите меня, пожалуйста, – обратился я к нему, – непредвиденный случай – вы не могли бы дать мне немного горячего чая?* (Э.М.Ремарк. *Три товарища*. Пер. Ю.Архипов).

Обращение «*Bitte, entschuldigen Sie*», является узуальной фразой, позволяющей избежать прямого обращения.

Помимо этикетных формул, конструкций с устойчивым лексическим составом и прочих обращений, при переводе очень важно выбрать соответствующие данной ситуации общения функционально-стилистические и нормативно-стилистические средства [2, с.79]. Вполне подходящее среди студентов приветствие «*Привет, ребята*», совершенно неуместно при встрече

ректора с преподавателями, где стандартной фразой приветствия будет «*Здравствуйте, коллеги*». Если же поменять эти фразы местами, то это вызовет недоумение и удивление слушающих, поскольку их мысли будут привлечены не к содержанию речи, а к этому странному приветствию. Таким образом будет нарушен контакт между отправителем и адресатом, необходимый для достижения коммуникативного эффекта. Поэтому переводчик должен не просто переводить одни стандартные реплики другими, но и руководствоваться выбором функционально-стилистических и нормативно-стилистических средств, исходя из описываемой в художественном произведении ситуации общения.

Важным составляющим элементом фатической функции языка является поддержание речевого контакта, который определяется как физический канал и психологическая связь между отправителем и получателем. Психологически существенным моментом всякого общения является уверенность его участников в устойчивости канал связи, т.е. не только в том, что они друг друга слышат, но и внимают друг другу, достаточно адекватно воспринимают речь, понимают ее содержание и интенцию. Особому контролю этот фактор подвергается в том случае, если связь опосредована, например, телефоном. В подобных ситуациях в текст включаются реплики-запросы, с одной стороны, и реплики-подтверждения (реплики-отрицания) с другой, с целью контроля «исправности» канала связи, напр.:

Die Stimme der Schwester kam wieder.

- *Professor Jaffe ist aus der Klinik schon fortgegangen.*
- *Wohin?*
- *Ich kann es Ihnen wirklich nicht sagen, mein Herr.*

Aus. Ich lehnte mich an die Wand.

- *Hallo, – sagte dei Schwester, – sind Sie noch da?* (Е.М.Ремарке. *Drei Kameraden*)

Снова слышался голос сестры.

- *Профессор Жаффе уже ушел из клиники.*
- *Куда?*
- *Сударь, этого я не знаю.*

Это конец. Я прислонился к стене.

- *Алло! – произнесла сестра. – Вы еще здесь?* (Э.М.Ремарк. *Три товарища*. Пер. Ю.Архипов)

Более удачным переводом, осуществленным с соблюдением узуса, представляется вариант перевода: «*Вы еще слушаете?*»

Для поддержания «смыслового» контакта, для того, чтобы адресат мог непрерывно воспринимать логический ход сообщения, текст диалога должен быть организован как цепочка последовательно чередующихся тем-рем, где каждая рема определенным образом вытекает из того, что было сказано ранее, а первая тема есть нечто хорошо известное адресату, например:

- *Das ist ein grossartiger Bursche.*
- *Ein Genie ist er!* (Е.М.Ремарке. *Drei Kameraden*)

Чаще всего, рема предыдущего высказывания становится темой последующего, но данный способ построения тема-рематической цепочки является нестандартным. В ответе «*Ein Genie ist er*» заложен смысл, который можно было бы выразить словами «*Was heisst grossartig? Es ist zu schwach ausgedrueckt! Ein Genie ist er!*»

Таким образом, фатическая функция не ограничивается лишь установлением контакта, как ее обычно трактуют, но и является средством поддержания и завершения речевого контакта. Она реализуется не только через узкофункциональные речевые формулы, но и путем отбора языковых единиц и речевых конструкций с адекватной нормативно-стилистической окраской. Фатическая функция реализуется при помощи включения в речь разного рода запросов и ответов, помогающих установить, насколько эффективно слушающий способен воспринимать информацию, а также путем построения адекватной тема-рематической цепочки, причем участие этих средств в реализации фатической функции не менее весомо, чем разного рода контактно-функциональные речевые формулы.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966, 509 с.
2. Латышев Л.К. Курс перевода (Эквивалентность и способы ее достижения). Москва, 1981, 79 с.
3. Никольский Л.Б. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1976, 128 с.
4. Формановская Н.И. «О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях» // Русский язык за рубежом, 1986, вып. 3, 74 с.

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНОНИМОВ ПОНЯТИЯ «МОДНЫЙ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Стрункова А.И.

учитель английского и французского языков, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение муниципального образования «Город Архангельск» «Средняя школа № 11», Россия, г. Архангельск

В статье употребление синонимов рассматривается в качестве одного из приоритетных факторов многообразия вариантов использования понятия «модный» во французской прессе. Развитие медиакультуры позволяет ознакомиться с текстами французских медиатекстов, выявить синонимический ряд понятия «модный» и провести анализ частотности употребления синонимов.

Ключевые слова: синонимы, синонимический ряд, понятие «модный», медиатекст, частотность.

Изучив большое количество медиатекстов, мы получили следующий синонимический ряд, состоящий из синонимов:

Mode (f) – fashion – être à la mode – être branché – trendy – être en ligne – must have (m).

Для более подробного анализа синонимического ряда, необходимо рассмотреть значение каждого синонима, состоящего в синонимическом ряду.

1) Mode (f): 1. C'est un ensemble d'habitudes passagères, conformes au modèle esthétique reçu par la société à laquelle on appartient. 2. C'est une manière de voir, d'agir, fantaisie. 3. Ce que est à la mode.

2) Fashion: 1. C'est à dire que l'homme a du goût. 2. Etre à la mode.

3) Etre à la mode: 1. Etre actuel, de son temps.

4) Etre branché: 1. Etre connu. 2. Avoir en mémoire. 3. Etre actuel. 4. Etre à la mode.

5) Trendy: 1. Etre à la mode. 2. Etre fashion.

6) Etre en ligne: 1. Etre à la mode. 2. Etre actuel.

7) Must have (m): 1. Ce que des femmes doivent avoir dans leurs garde-robes. 2. Quelque chose qui est à la mode.

Каждый синоним из получившегося синонимического ряда имеет несколько значений, но достаточно близких по семантике. Проанализировав значения синонимов, можно сделать вывод, что ключевым значением является выражение «être à la mode», так как встречается почти во всех дефинициях синонимов, полученного нами синонимического ряда.

Далее говоря о частотности употребления слов и выражений синонимического ряда во французских медиатекстах, то наиболее частотными во французской прессе являются следующие синонимы: mode (f), fashion, être à la mode, être branché. Эти синонимы встречаются в статье, связанных с модой, стилем, что непосредственно касается понятия «модный», которое является главным концептом нашего исследования. Приводя статистику употребления, нужно отметить следующие данные:

1. Mode (f) встречается в медиатекстах 229 раз;

2. Fashion встречается в медиатекстах 145 раза;

3. Etre à la mode встречается в медиатекстах 102 раз;

4. Etre branché встречается в медиатекстах 24 раз.

Следовательно, наиболее частотным синонимом во французских медиатекстах из полученного нами синонимического ряда является синоним «mode (f)». На втором месте по частотности находится синоним «fashion», затем «être à la mode» и на последнем месте из наиболее частотных синонимов находится синоним «être branché».

В результате анализа приведенных выше примеров можно сделать вывод, что в ходе чтения французских медиатекстов был выявлен синонимический ряд понятия «модный», проанализирована семантика каждого синонима из синонимического ряда, а также проведен анализ частотности употребления наиболее популярных синонимов понятия «модный» во французских медиатекстах. Самым популярным синонимом понятия «модный» во французской прессе является существительное «Mode (f)».

Список литературы

1. Андреева В. Н. Лексикология современного французского языка. М.: Изд-во «Учпедгиз», 1955. 773 с.

2. Евгеньева А. П. «Проект словаря синонимов». М.: Высшая школа, 1964. 47 с.
3. Левит З.Н. Лексикология французского языка. М.: Высшая школа, 1979. 160 с.
4. Лопатникова Н. Н., Мовшович Н.А. Лексикология современного французского языка. М.: Высшая школа, 2006. 116 с.
5. Чекалина Е. М., Ушакова Т.М. Лексикология французского языка. Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2007. 236 с.
6. Официальный сайт журнала «Le Journal des Femmes». Режим доступа: <http://www.journaldesfemmes.com/> (дата обращения: 02.09.2016).
7. Официальный сайт журнала «Cosmopolitan». Режим доступа: <http://www.cosmopolitan.fr/> (дата обращения: 28.09.2016).
8. Официальный сайт журнала «Femme Actuelle». Режим доступа: <http://www.femmeactuelle.fr/> (дата обращения: 26.09.2016).
9. Официальный сайт журанала «Le Figaro». Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 21.09.2016).
10. Официальный сайт журанала «Le Monde». Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 22.09.2016).
11. Официальный сайт журнала «Le Point». Режим доступа: <http://www.lepoint.fr/> (дата обращения: 15.09.2016).
12. Официальный сайт журнала «Magazine ELLE». Режим доступа: <http://www.elle.fr/> (дата обращения: 24.09.2016).
13. Официальный сайт журнала «Marie Claire». Режим доступа: <http://www.marieclaire.fr/> (дата обращения: 27.09.2016).
14. Официальный сайт журнала «Vogue». Режим доступа: <http://www.vogue.fr/mode> (дата обращения: 28.09.2016).

НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДЕЛЬНО ДОПУСТИМОЙ ВЕЛИЧИНЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чиронов С.В.

зав. кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков,
Московский государственный институт международных отношений,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются семантико-прагматические характеристики группы наречий современного японского языка со значением минимального или максимального приемлемого значения. Для наблюдения за контекстами употребления мы привлекаем корпусные данные. Установлены типичные ситуации употребления единиц названной семантики, описаны механизмы прагматикализации различных компонентов семантического значения лексических единиц.

Ключевые слова: японский язык, наречие, семантика, прагматика, высказывание, речевой акт.

С точки зрения выражения в речи интенций говорящего (Г) особую важность приобретают языковые средства, содержащие информацию об отношении, оценках и содержании презумпций Г. Одна из групп таких единиц сконцентрирована вокруг обозначения предельно допустимых значений – минимальных и максимальных, градуальная природа которых допускает упоминание как численные величины, так и состояния дел, которые могут быть

представленные как расположение на шкале по некоторым релевантным признакам. Как можно предположить, в конкретных речевых ситуациях такой характер значения будет порождать различные прагматические эффекты.

В данной работе будут рассмотрены японские наречия семантики минимального значения. В существующих классификациях данные наречия относятся к выделительным [5], ограничительным [6], модальным [7], а также оценочным [10], что в известной мере отражает их сложный функционал. Целостного изучения данной группы лексем до сих пор не предпринималось, хотя отдельные из них попадали в поле зрения исследователей как в рамках масштабных лексикографических программ ([8; 9]), так в сравнительном плане, и историческом и внутри – [5; 14; 15], и межъязыковом [11]. Используя эти наработки в нашей работе, мы дополняем их данными корпуса о сочетаемости и типичных ситуациях употребления этих единиц [13]. Мы выделяем различные жанры употребления: прямая и авторская речь в художественной литературе, газетная статья, блог, речь в парламенте. Особое внимание уделяется использованию в диалоге, где имеет место столкновение позиций и ставится цель повлиять на собеседника:

Таблица

Количество вхождений наречий в тексты разных типов

	газеты	блоги	худож. литература	парламент
<i>sukunakutomo</i>	40	199	3700(2319)	517(106)
<i>semete</i>	6	258	1039(562)	70(13)
<i>seizei</i>	5	53	1003(540)	21(5)
<i>karoojite</i>	-	25	195(98)	8(2)
<i>takadaka</i>	-	13	142(69)	5

Примечание: в скобках указано употребление после 2000 г.

1. Наиболее нейтральной, близкой к беспристрастно-объективному описанию реальности является адвербиал *sukunakutomo*, указывающий на меньший предел. В информативном контексте, в рематической части предложения оно проявляет тенденцию к сочетаемости с выражениями количества. Такое окружение преобладает, например, в газетах (27 из 40 вхождений). При этом ограничение касается сферы известного Г и никак не взаимодействует с его пожеланиями или эмоциями относительно этой границы. И граница, и само положение дел (Р) воспринимается как данность:

ショッピングセンターで十二日、大きな爆発があり、ロイター通信によると、少なくとも三人が死亡、約三十人が負傷した。// В торговом центре 12 июля произошёл мощный взрыв, от которого, по сообщениям «Рейтерс», погибло по меньшей мере три человека и около 30 получили ранения (газета «Нисинихон симбун» 13.07.2005) [13].

В таком употреблении наречие соответствует рус. *как минимум, не менее*. Проблематизация Р, выражения отношения, оценки со стороны Г при этом отсутствуют, контекст сугубо информативный. Именно эта лексема используется в условном придаточном при формулировке правил и условий, где является синонимичной выражениям односторонне градуированным аппроксимативу *ijoo*, см. нашу более раннюю работу [3].

Несколько иначе слово ведёт себя в коллокациях с нечисленными значениями, где расположение Р по некой шкале предполагает активацию оценок и презумпций Г. Такие высказывания появляются в аргументативных контекстах. При этом адвербиал, очерчивая минимальное утверждение, за которое автор готов отвечать и которое не намерен уступать, усиливает иллюкутивную силу аргументативного речевого акта (РА), ср. в рус. яз. [2]:

わたし、間違ってる？少なくとも、文芸部の編集長がというようなセリフではないと思うんだけど。読者のことバカにして // *Что, я не права? Во всяком случае, это не то же самое, что слышишь от редактора рубрики «культура». У которого все читатели дураки* (блог сайта «Яху» 2008) [13].

В аргументативных контекстах за адвербиалом отчасти проявляется свойство, признаваемое за различными группами японских наречий, получающих устойчивый прагматический статус, – преимущественной сочетаемости с определёнными грамматическими показателями. В данном случае речь идёт о стандартном маркере наводящего или риторического вопроса *janaika* (близкого к англ. tag question):

その見通しは少なくともあるんじゃないですか。// *Во всяком случае эта вероятность уже имеется, не так ли?* (парламентская стенограмма 2005).

На шкале с другими воображимыми положениями дел (P1, P2 и т.д.) описываемое Р всё же попадает в зону допустимого, поэтому с введением данного наречия такой РА, как оценочная характеристика, скажем, похвала не только вполне способен функционировать в этом качестве, но получает некоторое подкрепление – ведь похвала за что-то определённое больше отвечает максима́м искренности и релевантности:

断罪しようとしている連中の中にあって、この女には少なくともまともな想像力がある、と思った。// *Мне подумалось – среди стремящихся просто осудить другого она по крайней мере не лишена здорового воображения.* (газета «Майнити симбун» 5.12.2005) [13].

В тематической части в ограничительном значении (включая и случаи парентетического употребления) в функции, близкой к детерминанту в русистике (маркируется тематически-контрастивными выделителями – частицей *wa*, оборотом *-ni kanshite-wa*) слово, ограничивая сферу истинности Р, работает на повышение достоверности и убедительности доводов:

。(少なくとも僕には)驚くような誤解・曲解に映りましたが// *(Мне, по крайней мере) это показалось удивительным случаем непонимания и искажения* (блог сайта «Ях» 2008), ср. *少なくともゲームの質に関しては、それほど心配がないと思える*// *Мне подумалось – среди стремящихся просто осудить другого она по крайней мере не лишена здорового воображения.* (газета «Майнити симбун» 5.12.2005), ср. также: *少なくとも党内には首相の下で構造改革にまい進しようという雰囲気はなく、2001/7/31 майнити*// *Мне подумалось – среди стремящихся просто осудить другого она по крайней мере не лишена здорового воображения.* (газета «Майнити симбун» 5.12.2005), ср. *彼の言う「きちんと」はどういうことか？少なくとも年内は「きちんと」何もしないことが分かった。*

// В торговом центре 12 июля произошёл мощный взрыв, от которого, по сообщениям «Рейтерс», погибло **по меньшей мере** три человека и около 30 получили ранения (газета «Ниси-нихон симбун» 13.07.2005) [13].

И в неаргументативной среде (на уровне микро-РА) использование *sukinakutomo* превносит в высказывание в целом элемент аргументативности, придаёт ему более ответственное, фундированное звучание, см. случай макро-РА Отчёт Г о своей деятельности: **はた迷惑な(少なくとも初心者向けにはならないだろう)音域の曲になりそうで、もう吹きながら呆れています。**// *Дикая будет вещь, в экзотичном (во всяком случае для начинающих) диапазоне, я играю и уже зависаю на ней* (блог сайта «Яху» 2008) [13].

2. Наречие ***semete***, как и *sukinakutomo*, сочетается как с численными данными, так и с качественно выражаемой Р, подвергаемой градуальной оценке. Ограничительное значение, как указывает М.Ватанабэ [10], прямо связано с этимологией слова: в современном японском языке к нему близки значения «узкий» *semai*, «пододвигаться, накатывать, упрекать» *semeru*. Прагматическое развитие данное ограничительное значение получает в увязке с контекстом директива или пожелания. Р относится к нереальному миру, торг о возможном содержании которого пока ведёт автор высказывания. Выражение интенций Г сопровождается обозначением минимально приемлемого количества или положения вещей, иначе говоря – той максимальной уступки, на которую готов пойти Г. Этот элемент уступки становится индикатором иллокутивной силы высказывания, модифицируя иллокутивную направленность Пожелания, Предложения, Просьбы, Наказа в различных речевых жанрах:

そのための第一段階として、**せめて危機管理に対応しようじゃないかと、この考え方に対して堺屋先生はどのようにお考えか**// *Может быть, на первом этапе нам нужно хотя бы наладить кризисное реагирование? Что Вы на это скажете, г-н Сакайя?* (парламентская стенограмма 2002), ср. **せめて五年前のデータはないか**// *нет ли данных хотя 5-летней давности?* (парламентская стенограмма 2004), ср. также **イラク復興に自衛隊を派遣するのはせめて大量破壊兵器発見の日まで待ってくれてもいいではないか**// *Не лучше ли было бы хотя бы подождать с отправкой «сил самообороны» для участия в иракском восстановлении до того времени, когда там действительно будет найдено оружие массового поражения?* (газета «Асахи» 17.06.2003), ср. **「せめて一歩先を見よ、最悪の場合のことも想定しておけ」というのが先生の教えだったのだ**// *«Смотри всегда хотя бы на шаг вперёд, просчитывай худший вариант» – так учил сенсей.* (С.Кандзаки «Голос пламени, голос земли» 1988) [13].

Что касается скалярной величины иллокутивной силы высказывания, то внедрение *semete* оказывает на неё двоякий эффект. С одной стороны, за счёт обозначения минимально приемлемого для Г интенсивность воздействия на адресата (А) повышается. С другой – формулирование лишь нижней границы требований теоретически открывает для А большой простор дей-

ствий, предоставляет ему (хотя бы видимую) свободу выбора и тем самым понижает прямоту давления. Неприкрытая манипулятивность такой тактики видна на примерах РА Мольбы, Мовета, где эффект воздействия только усиливается при появлении в высказывании оттенков упрёка, обиды:

「せめて週末ぐらいは、行ってあげて下さい。お願いします」 将夫は肯いて、「分った、そうする // «Ну хоть в выходные сходи к ней, прошу тебя!» Масао кивнул «Я понял, так и сделаю» (Дз.Акагава «Колыбельная для мышонка» 2001), ср. 「伯母さま」泣きそうな声で、憲平がだれかを呼んだ。「えっ?」「せめてお声だけでも聞かせてください、伯母さま。おじいさまのおかげが悪いのです。// «Тётушка!» – позвал Кэмпэй полным слёз голосом. «А?» «Ну хоть слово скажи, тётушка. Дед сердится!» (Ю.Ито «Сосновая роща» 2001) [13].

Как и в других примерах такого рода, не ответить на это «совсем маленькое» требование А должно быть уже неудобно – на что и делается расчёт. Ср., однако, тот же эффект в деонтических суждениях с явным директивным подтекстом (в таких случаях особенно важен тип макро-РА):

せめて日米地位協定では、原則「起訴前身柄引き渡し」を認めるよう協定の抜本的見直しをすべき// *По меньшей мере следует пересмотреть положения соглашения о статусе войск США, по которому солдата ещё до обвинения передают американским властям хоть в выходные сходи к ней, прошу тебя!*» Масао кивнул: «Я понял, так и сделаю» (газета «Асахи»3.07.2001) [13].

Описанное выше употребление *semete* следует признать протипическим. Можно, однако, выделить и вторичные, периферийные случаи, где субъект пожеланий и оценки не совпадает с автором высказывания, которое фактически цитирует позиции участников ситуации или обобщённый взгляд на неё «извне». В таких случаях речь об участниках ситуации идёт в третьем лице, а всё высказывание имеет характер реконструкции ситуации, уже имевшей место (и относящейся к тематической части высказывания):

「せめて、本当の父親の最期を、見届けさせようと—あの子を連れて行きました。// *Ребёнка привели, чтобы он хотя бы увидел отца перед смертью* (Р.Акидзуки «Радужные светлячки» 2004) [13].

Нехарактерно употребление в аргументативном контексте, где сужение сферы приемлемого Р действует как Уступка (лишь один пример):

そういう意味で、せめて、国会の議論、国民の関心が低調だというのは私どもも承知をしています。// *В этом смысле и мы признаём, что во всяком случае уровень обсуждения в парламенте и интерес населения к этому вопросу скорее низкий* (парламентская стенограмма 2002) [13].

С численными значениями нивелировки оценочности высказывания, как с *sukunakutomo*, не происходит. Напротив, она усиливается введением ограничительного маркера *kurai* со значением «незначительности» [1]. В сходном контексте *sukunakutomo*, не предполагающее выражения желательности, придало бы высказыванию характер жёсткого «установления правил», неприемлемого в конкретной речевой ситуации:

しばらくここにいない？」ソフィーは尋ねた。「せめて二、三日くらいは」ラングドンは息を深くついた。これ以上何を望むというのか。「きダン・ブラウン(著)/越前 敏弥(訳) *ダ・ヴィンチ・コード* // *He мог бы ты побыть здесь ещё немножко? – попросила Софи, – хотя бы два-три дня? Лэнгдон глубоко вздохнул. Что ей ещё нужно?* (Д.Браун, пер. Т.Косимаэ «Код да Винчи» 2004).

При соблюдении параметра предельной допустимости *semete* может означать как нижнюю, так и верхнюю границу допустимого интервала:

東名とか名神を走る方が、まあせめて二割、三割くらいは余計に払って負担しようという気持ちはあるかもわかりませんが // *Ну, может, от силы у 20-30% пользующихся скоростными дорогами Токио-Нагоя и Нагоя-Кобе и есть желание приплатить, но...* (парламентская стенограмма 2004) [13].

В примерах видим и оформление Р маркером уступительности *demo*:

「せめてピアノ教授でもすればよいのですが、彼はとても嫌がっている // *Он мог бы хотя бы зарабатывать уроками игры на фортепиано, но ему не такое не по душе* (Х.Ёсида «Моцарт» 1990) [13].

Преобладание случаев грамматического выражения побудительности или желательности в сочетании с вербализацией оттенков ограничения и уступки позволяет упомянутым исследователям относить *semete* к модальным наречиям, характеризующимся ограниченной сочетаемостью с типами грамматических концовок. Данные корпуса позволяют лишь говорить о такой тенденции, но не о жёстком грамматическом правиле.

3. В отличие от *semete*, наречие *karoojite* характеризует достигаемый в реальности минимальный уровень удовлетворительности события. Этимологически восходя к корням, означающим «трудность», оно специализировано на таких контекстах, где желанное событие не состоялось бы без усилий деятеля, низкая вероятность его наступления порождала ощущение напряжённости из-за критической ситуации. Это видно уже из его сочетаемости с глаголами, означающими успех действия «на грани» в ситуации серьёзного сопротивления – *ikinokoru* = *выжить* (3 вхождения), *osaeru* = *сдерживать*, *taniai* = *успеть*, *nigeru* = *убежать*, *dasshutsu-suru* = *вырваться*, *taeru* = *стерпеть*, *seikoo-suru* = *преуспеть*, *toosen-suru* = *избраться*, *kesshoo-raundo-ni susumi* = *выйти в финал* (по 2 вхождения). Особую группу составляют глаголы восприятия в ситуации, где восприятие затруднено: *soozoo-suru* *представить* = 2, *tieru* 2 = *видеться* и т.п.:

ガーガーピーピー雑音の中、辛うじて実況が聞こえる。// *Среди шипения и свиста помех едва слышно, что происходит* (блог сайта «Яху» 2008) [13].

Содержание высказываний, как правило, сугубо описательное и носит характер экспрессивного отчёта о личном опыте Г с акцентом на трудности, которые пришлось ему пережить. В художественном тексте это означает эмпатию автора с героем, чьё психологическое состояние находится в центре повествования:

阿古丸は、砂浜に尻もちをつきそうになったが、辛うじて足を踏ん張り、顔をあげた。// *Акомару чуть было не растянулся на песке, но еле-еле удержал-*

ся на ногах и поднял лицо (Т.Того «Бей-стреляй» 1992), ср. 吠えて、ドカーンとテーブルを叩いたので、キャッと悲鳴をあげそうになったが、辛うじて自制した。// Акомару чуть было не растянулся на песке, но еле-еле удержался на ногах и поднял лицо (К.Куримото «Убийство инопланетянина» 1998), ср. ハリソンは、一般投票でクリーブランドに敗れながら、選挙人の獲得数で辛うじて当選したのだった。// Харрисон кое-как победил благодаря голосам выборщиков, хотя и проиграл в голосовании Кливленду (К.Саруя «Последняя гавайская королева» 2003) [13].

В аргументативном макроконтексте указание на минимальную степень достижения положительно оцениваемого Р имплицитным образом ведёт к понижению оценки результативного состояния. В данном смысле, получается, *karoojite* также способно вносить вклад в формирование аргументативной структуры макровысказывания (текста):

鄧小平が「改革開放」しなければ、中国は死んでいた。しかし改革開放をして、辛うじて成功したとしても、せいぜい一つの「亜新植民地」となって、制度的な貴族買弁統治階級を作り出すにすぎない。// Если бы «реформы и открытость» Дэн Сяопина, Китай бы погиб. Но если реформами они и добились **каких-то** успехов, то максимум стали «новой колонией» со своей компрадорской буржуазией (Ван Вэньшань, пер. М.Ким «Семь Китаев» 1997) [13]

4. Две последних лексемы чётко указывают на верхний, а не на нижний предел на некой шкале оценок удовлетворительности Р. При этом максимальное реальное значение на шкале тем не менее осмысляется Г как низкое или минимальное. В отношении этимологии синоиероглифического наречия *seizei* онлайн-агрегатор ресурсов толковых словарей [12] даёт несколько версий, представляющих собой сочетания иероглифов 精 «дух», «активность» и 誠 «честный», «добросовестный». Любая из них предполагает базовое значение «максимум стараний субъекта», от которого в современном узусе развивается производное «максимум достижимого, возможного».

Примеры с первым типом значения, при котором наречие относится к предикативной группе с логическим подлежащим 1-го или 2-го лица, не так много. По-видимому, в современном языке в таком контексте *seizei* значительно потеснили синонимичные средства – *isshookemtei*, *juibun*, которые могут быть подставлены в приведённые примеры:

これはしなければならぬという規定ではないわけなんですね。せいぜい努力しましょう、こういう規定なんです。// Суть нормы не в том, что кто-то обязан делать так-то и так-то. Речь идёт вот о чём: давайте, мол, **насколько возможно** сами постарайтесь! (парламентская стенограмма 1981 – Призыв), ср. **せいぜいがんばる**のでよろしくおねがいします。// Я постараюсь как могу, а вы уж поддержите меня! (блог сайта «Яху» 2008 – комиссив), ср. в директиве: 「いえいえ」店の主人は笑って、「せいぜいご利用いただければ」と、コーヒーを配って行く。// «Нет-нет», – хозяин смеётся, разнося кофе: «Пожалуйста, заказывайте **по максимуму!**» (Дз.Акагава «Сегодня трагедия» 1994), ср. ткж. 「それが、鯖の味噌煮なの?」「向こうが、食べたいというんだ」「せいぜい気を付

けて下さい。鯖どころか、いまになにを食べたいといただきますか、わからないわよ」
// «Это что, сайра в соусе мисо?» «Да, говорит, хочется» «Будьте **очень** осторожны! Он может захотеть всё что угодно, не только сайру» (Дз.Ватанабэ «Оборотень» 1986).

В основной массе примеров *seizei* тяготеет к реальному контексту. Оценочный компонент значения заключается в том, что Г считает объективно максимально возможный результат маленьким, неудовлетворительным. Эта оценка равно касается как численных значений, так и градуируемых пропозиций. При этом суть высказывания сводится не к описанию происходящих событий, а к характеристике некоторого явления через события, связываемые с ним, тогда как модальность таких событий экстраполируется из «обычного» в «ожидаемое» и «вероятное». Смысл речи Г – в том, чтобы произвести впечатление на А, проиллюстрировав, до чего сильна определённая характеристика некоторого явления. Аргументативный характер фразы приобретает в контекстах предположения, реконструкции:

米国がボンと攻撃したからと言って、このままでは資金協力もできない。せいぜい『理解する』だ」と漏らす。// Американские удары ещё не означают, что мы можем тут же начать финансовую помощь. **Максимум**, что мы можем, – это заявить о «понимании», признал чиновник (газета «Майнити» 12.09.2002) [13].

Среди лексем-ограничителей с оценочной функцией, помимо *gurai* и *tade*, встречается и суффиксид *-domari* с семой фактивности:

真夏と呼べる季節は短く、家庭の暑さ対策はせいぜい扇風機までだった。
// Настоящее жаркое лето короткое, в домах **от силы** ставят вентилятор (газета «Асахи симбун» 18.06.2004), ср. ふらり、一人旅、なんて、せいぜい、京都、大阪、くらいだあ。// Просто так одному можно поехать **максимум** в Киото или Осаку (блог сайта «Яху» 2008), ср. サラが乗るのはせいぜい高くてこの場所どまり。// Сара забирается **максимум** на эту высоту, не больше (там же) [13].

В контексте Отговорки оценка количества как малого делается как бы с оглядкой на А, скорее отражая его позицию, чем эгоистические оценки самого Г. Г как будто сам желает, чтобы величина была больше, и разделяет огорчение контрагента в связи с её реальным значением. Это напоминает употреблением в сходном контексте интенсификатора *totemo* [4]:

私の待ち時間限度はせいぜい30分だな。// У меня времени на ожидание **от силы** минут 30 (блог сайта «Яху» 2008).

В примерах с численными величинами *seizei* может относиться к верхнему пределу, называемому с натяжкой, элементом уступки, в качестве корректировки изначально названного более низкого значения:

そうすると、金額はせいぜい二、三千億円のオーダーで私は十分いけると実は思っているのですが。// Тогда достаточно было бы и заказов на сумму где-то ну 20-30 млрд. иен (парламентская стенограмма 1992), ср. 年間の企業倒産といっても三件ないしせいぜい五、六件だったんですね、// Банкротств-то

за год три случая всего, ну, **от силы** пять-шесть (там же 1977) Ср. также в сопоставлении с сухо оцениваемым «реалистичным» нижним значением, указываемым как минимальное, через *sukunakotomo*:

そうしますと、少なくとも三、四日か、せいぜい延びても四、五日ということだろうと思うのです。// В таком случае потребуется минимум 2-3 дня, даже если затянется – **максимум** 4-5 суток. (парламентская стенограмма 1976), ср. ткж. («натяжка» относится ко всему количеству в целом): 四年後には累計でせいぜい二百数十人から三百人と予測しております。// Через 4 года в общей сложности будет **от силы** 200-30 человек (там же 1988) [13].

Присущая *seizei* сема «незначительного, едва натягиваемого» количества нивелируется при использовании адвербиала *saidai-de*. Оно используется в таких контекстах, где требуется сугубо нейтрально, в информативном ключе указать максимальную величину или же подчеркнуть значительность. При этом внутренняя форма этого слова (досл. *максимум*) в силу расхождения с прагматической функции соответствующей лексемы в русском языке становится «ложным другом переводчика»:

高原を形成しているのは玄武岩と呼ばれる岩石である。**最大で三七〇〇メートルの厚さをもつことが確認されている**。// Плоскогорье сформировано базальтовыми породами, толщина которых, как установлено, составляет {*do/*максимум*} 3700 м. (С.Иноэ «Полное исчезновение» 2004) [13].

В функциональном плане с *seizei* синонимическими отношениями связана также лексема *seiiprai*. В обстоятельственной и определительной позиции она тяготеет к значению, какое наблюдается у *seizei* в комиссивах и директивах (максимальные усилия субъекта), в предикативной позиции же развивает оттенок указания на незначительность результата «на выходе» таких усилий. Примечательно, что недовольство Г (или объекта его эмпатии) здесь связано не с самим низким положением объективного максимума на абсолютной шкале, а заявляемых (или воображаемых) требованиях, предполагающих, что это значение должно быть повышено (РА Отговорка):

まだいいよ、そんな先の話、それよりも目先の生活のことで**精一杯**、って思っている人がたくさんいるはずですよ。// Наверняка многие подумают: а к чему сейчас говорить о таких далёких перспективах, если люди **едва** сводят концы с концами (сводить концы с концами – **максимум**, что люди могут) (А.Кубо «Лучшие вложения для простого японца» 2003) [13].

5. Наречие ***takadaka*** характеризуется у Т.Абэ как описывающее «минимальное количество» [Ab], что создаёт некоторую путаницу с учётом его близкого сходства с *seizei* (их приводят в циклических формулировках и словари). Дело, на наш взгляд, в двоякой трактовке численной величины (или положения вещей Р) в обоих наречиях: с одной стороны, указывается на максимальное реальное количество, но, с другой стороны, оно признаётся неудовлетворительно малым, мизерным с субъективных позиций Г. Вторая черта выходит на первый план в значении *takadaka*, проявляясь в оценке Р как чего-то незначительного, не заслуживающего внимания. Однако это не отменяет наличия первого семантического компонента – малое количество состав-

ляет верхний предел некоторого множества, что вызывает критику, недовольство, пренебрежение Г. В частности, это видно в контекстах, где таким образом размечается верхняя граница некой группы значений:

そうしますと、この三日、四日がたかだか 一週間になったところで、余り大して差がないということになります。// Тогда получается 3-4 дня, ну, какая-нибудь неделя, разницы большой нет (парламентская стенограмма 1976) [13].

Такая интерпретация поддерживается выделительными частицами *teido*, *kurai*, подчёркивающими незначительность, незначимость предмета:

「たかだか、その程度の人数で、わしに刃向かうつもりか」 // И всего-то с такой горсткой людей ты хочешь пойти против меня? (Т.Мидзусава «Биография-экспромт» 1998), ср. 「たかだか本くらいのことで、残念なことをしましたな」しんみりと話した // Не стоило так поступить из-за какой-то книги, всего-то, – сказал он с глубоким чувством (К.Такахаси «Убийство Сяраку» 1983) [13].

Однако в отличие от *seizei*, где оценка чётка связана со шкалой (на ней Р занимает место между более и менее удовлетворительными), в *takadaka* семантика подразумеваемого множества подавляется, оставляя лишь сему пренебрежительного отношения к малому значению как таковому, так сказать, без предложения каких-либо альтернатив. Отсюда невозможность заметить *seizei* на *takadaka* в следующем примере, см. различие в переводе:

スペースマンの和訳である宇宙人は、{せいぜい/*たかだか}70年代までだろ?使ってたの。// На японский английское «инопланетянин» переводили {максимум до / *до каких-нибудь} 70-х (блог сайта «Яху» 2008) [13].

Подведём некоторые итоги. Как показал наш анализ, для выражений предельно приемлемого значения (минимального или максимального) характерно значительное развитие прагматического компонента значения, сопровождающееся его конвенционализацией. Упоминание о предельно допустимом количестве или положении вещей активизирует представления множестве других объектов и вызывает необходимость сравнения. Способ представления и оценка этого множества и определяет специализацию синонимических языковых средств на различных прагматических функциях, в том числе изменение скалярной величины или модификация иллюкутивной силы высказывания, выражение оценки. В данном смысле упомянутые в начале статьи классификационные признаки наречий данной группы оказываются тесно связаны друг с другом. Например, на основе ограничительного значения («как минимум Р») укрепляется аргументативная функция («верно во всяком случае для Р»), заостряется директивная направленность («сделай хотя бы Р») при понижении давления на лицо собеседника за счёт введения элемента уступки («хорошо, я прошу только о Р»). Обе указанные производные функции имеют прямое отношение к модальности высказывания (желательность, вероятность события). Примечательно разделение единиц, активных в поле межличностной коммуникации, и преимущественно фигурирующих в объективированном описании реальности.

Наш анализ показал важность последовательного соотнесения микро- и

макро-РА, в рамках которых реализуется высказывание, для определения его прагматических потенций. Кроме того, как мы убедились на примере *seiippai*, для полной картины реализации в речевой прагматике различных типов лексических значений нужно комплексное изучение функционально близких средств, занимающих разное место в грамматической структуре предложения. Это остаётся задачей на будущее.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2 т. М.: Наталис, 2008. 668 с.
2. Куныгина О.В. Частица во всяком случае: семантика, прагматика и функционирование. Филологические знания на современном этапе. Вып. 2. Сборник статей к 60-летию филологического факультета Курганского государственного университета Курган. 2013. С. 75-78.
3. Чиронов С.В. Аппроксимативы типа «более/менее чем» в современном японском языке. Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. – С. 201-207.
4. Чиронов С.В. Наречия отрицательной полярности: по данным корпуса японского языка. Филологические науки в МГИМО. 2016. № 5. С. 79-103.
5. 安部朋世 セイゼイ・タカダカ・タカガの意味分析 千葉大学教育学部研究紀要 第53巻 (Абэ Т. Семантический анализ наречий *seizei*, *takadaka*, *takaga*. Учёные труды педагогического факультета университета Тиба. Вып. 53) 2005. – pp. 279-284
6. 工藤浩「限定副詞の機能」『国語学と国語史』明治書院 (Кудо Х. Функции ограничительных наречий. В: Изучение и история японского языка. Токио: Мейдзи сёин) 1977. – pp. 969-986
7. 工藤浩「叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—」『国立国語研究所報告71 研究報告集 3』(Кудо Х. Значение и функции наречий – в поисках методики описания. Доклады Национального института японского языка. Вып. 71, сборник докладов №3) 1982. – pp. 45-92
8. 森田良行『基礎日本語辞典』角川書店 (Морита Ё. Основной словарь японского языка. Токио: Какугава сётэн) – 1992.
9. 飛田良文・浅田秀子『現代副詞用法辞典』東京堂出版 (Хида Ё., Асада Х. Словарь употребления наречий. Токио, Токио-до) 1994.
10. 渡辺実 『さすが！日本語』筑摩新書 (Ватанабэ М. Это же японский! Токио, Тикума синсё. 2001. – 236 p.
11. 조애숙. "韓日語副詞「せいぜい」와「겨우/고작」의 對照研究." 일본어학연구, (Чо Эсук. Сравнение японских и корейских наречий: *seizei* и *kyūu/kojak* Сравнительные исследования. Ильбонохак ёнгу) № 35 (2012.12). pp 419-438.
12. Yahoo ! Japan 辞典(Онлайн-словарь сайта «Яху») <http://dic.search.yahoo.co.jp/> (дата обращения 15.09.2016)
13. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный словарь письменных источников современного японского языка КОТОНОНА (электронный ресурс) http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 22.09.2016)
14. 林禎映林禎映 副詞「せいぜい」の意味変化(Им Чхиён. Семантическая эволюция наречия *semete*) (электронный ресурс) http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/dspace/bitstream/2261/53559/1/nihongo09_08.pdf (дата обращения 26.09.2016)
15. 林禎映 副詞「せめて」の意味変化 (Им Чхиён. Семантическая эволюция наречия *semete*) (электронный ресурс) http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/dspace/bitstream/2261/51567/1/nihongo08_07.pdf (дата обращения 26.09.2016).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Шадрина Ю.Е.

учитель английского языка,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 10 г. Йошкар-Олы»,
Россия, г. Йошкар-Ола

Работа посвящена установлению закономерностей образования английских биологических терминов. Исследование проводилось на базе английской биологической терминологии, содержащейся в англо-русском биологическом словаре [1].

Ключевые слова: биологическая терминология, конверсия, словопроизводство, словосложение, аффикс, аббревиатура.

Аффиксальное словопроизводство

Основная задача при изучении производных слов состоит в понимании их структуры. Понимание структуры производного термина предполагает умение выделить аффикс, что дает возможность изучающему английский текст самостоятельно раскрывать значения неизученных терминов, состоящих из знакомых элементов.

Аффиксальное словопроизводство получило широкое распространение в английской биологической терминологии. Число терминов, образованных в результате присоединения аффиксов к корням или основам слова, превышает 10000. 75 производных терминов образовано за счет суффиксации существительных и прилагательных. Суффиксы прилагательных по числу образованных с ними терминов занимают первое место. Десять наиболее продуктивных суффиксов прилагательных: *-ous, -ic, -al, -ate, -ar, -oid, -form, -era, -ary*, участвуют в образовании 1480 английских биологических терминов.

25 производных терминов образовано за счет префиксального словопроизводства. Употребление префиксов в биологической терминологии особенно часто из-за способности образовывать антонимичные пары (*intracellular* – внутриклеточный, *extracellular* – внеклеточный) и отражать количественные отношения в объекте (*bivalent* – бивалент). Как правило, префиксы, присоединенные к корням и основам слова, меняют его лексическое значение, не изменяя грамматической категории. Существуют 23 наиболее продуктивных префикса: *sub-, epi-, para-, pre-, inter-, poly-, micro-, hypo-, de-, pro-* и т.д., которые участвуют в образовании 2235 английских биологических терминов. Большинство префиксов имеют латинское или греческое происхождение. В этих языках они выполняют различные функции: являются префиксами латинского языка (*semi-*), существуют как предлоги (*hyper*), или выступают как основы полных слов (*multi-*). В их числе и ряд префиксов на неолатинской основе (*meta-, para-*), которые нашли употребление главным образом в научной терминологии.

Образование английских биологических терминов способом конверсии

Словарь лингвистических терминов определяет конверсию как «образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения» [2, с. 59].

Для конверсии в современном английском языке специфично то, что слова, соотносящиеся по конверсии, почти исключительно принадлежат разным частям речи.

В образовании английских биологических терминов встречаются два способа конверсии. 136 терминов прилагательных образованы по конверсии от основ существительных (*protein* – белок // белковый). 79 терминов глаголов образованы по конверсии от основ существительных (*germ* – семя // зажаться).

Словопроизводство по конверсии не нашло количественно широкого использования в английской биологической терминологии. Однако термины, образованные по конверсии, очень употребительны и конверсия должна быть отнесена к важным таксонам при анализе способов образования английских биологических терминов.

Сокращенные и сложносокращенные биологические термины

Возникновение сокращенных вариантов терминов (аббревиатур) вызвано стремлением передать понятие более компактно, т.е. получить всю полезную информацию при меньшей физической протяженности речевого сообщения. В первую очередь это относится к громоздким и неудобным в употреблении терминам, т.к. выживают и функционируют в языке короткие и созвучные языковым нормам термины.

Сложносокращенные английские биологические термины состоят из начальных элементов составных терминов, а отдельные аббревиатуры – из сокращенных компонентов сложного слова.

Для английского языка биологии наиболее характерны инициальные аббревиатуры, представляющие собой начальные буквы составных терминов. В англо-русском биологическом словаре таких буквенных аббревиатур более 300, например, *D.E.* (*Doctor of Entomology*) – доктор энтомологии, *NPB* (*negative pressure breathing*) – искусственное дыхание под отрицательным давлением, *TYMV* (*turnip yellow mosaic virus*) – вирус желтой мозаики турнепса.

В результате аббревиации инициального типа образованы следующие виды сокращенных слов английских биологических терминов: 92 двухкомпонентных сокращенных составных терминов, например, *AA* (*ascorbic acid*) аскорбиновая кислота; трехкомпонентных сокращенных составных терминов *HSA* (*human serum albumin*) – белок человеческой сыворотки; 78 четырехкомпонентных сокращенных составных терминов, например, *NYAM* (*New York Academy of Medicine*) – Нью-Йоркская медицинская академия.

Некоторое количество (около 60) буквенных аббревиатур образовано соединением начальных букв компонентов сложного слова, входящих в составной термин, и других слов составного термина, например: *DCC* (*desoxy-*

corticosterone glucoside) – глюкозид дезоксикортикостерона, *EDTA (ethylene-diaminetetraacetic acid)* – этилендиаминтетрауксусная кислота.

Сложносокращенные термины смешанного типа, составленные из комбинаций инициальных и слоговых элементов, т.е. смешанные аббревиатуры, среди английских биологических терминов также малочисленны. К ним относятся буквенно-словные аббревиатуры, образованные сложением начальных букв и полного слова составного термина: *C virus (Coxsackie virus)* – вирус Коксаки, *HI test (hemagglutination inhibition test)* – реакция торможения гемагглютинации; и буквенно-слоговые аббревиатуры, образованные сложением начальных букв и слоговых элементов составного термина, например: *D. Hy (Doctor of Hygiene)* – доктор гигиены, *N-Pros (nervous prostration)* – нервная прострация.

К лексическим аббревиатурам, кроме сложносокращенных терминов, относятся усеченные термины, которые существуют в научной речи как самостоятельные слова: *Doc (doctor)* – доктор, врач; *lab (laboratory)* лаборатория; *soly (solubility)* – растворимость; но встречаются они в английской биологической терминологии крайне редко.

Образование английских биологических терминов способом словосложения

Словосложение относится к распространенным способам образования английских биологических терминов, по продуктивным моделям которого образовано более 3000 терминов. Под *словосложением* понимается цельнооформленное соединение двух или более морфем, выступающих в качестве корневых в отдельных словах. При сложении могут соединяться полные и усеченные корни, а также основы и целые слова в какой-либо грамматической форме. А.И. Смирнитский характеризует классическое сложное слово двумя моментами, которые подчеркивают, что данный предмет или явление мыслится как нечто одно, особое целое: цельностью его семантики и его цельнооформленностью [4, с. 17].

При словосложении почти всегда происходит некоторая семантическая специализация. В биологии проявляются две семантические тенденции: *механическая* (агглютинативная) и *органическая* (фузионная). В результате проявления первой тенденции значение образованного термина соответствует сумме значений слагаемых элементов (*catshark* – кошачья акула). При второй тенденции значение образованного термина не соответствует сумме значений слагаемых элементов, и для такого сложного слова характерна идиоматичность значения (*childbed* – роды).

По способу сложения английские биологические термины могут быть разделены на следующие типы:

1. Сложные термины со специальной соединительной морфемой, состоящей из одной гласной и выступающей в качестве оформителя первой основы сложного слова. Такими морфемами в английских биологических терминах являются «o» и «i» (*chloridimetry* – количественное определение хлоридов, *parietotemporal* – височно-теменной). Эта группа терминов немногочисленна и непродуктивна.

2. Сложные термины без соединительных морфем. Их классификация предложена А.И. Смирнитским. За основу деления он принял принадлежность слагаемых основ к тем или иным частям речи:

а) сложные существительные, образованные сложением основ прилагательного и существительного (*whitebait* – мелкая рыбка);

б) сложные существительные, образованные сложением двух основ существительных (*buttercup* – лютик);

в) сложные существительные, образованные полным или частичным повторением корневой морфемы (*kumu-kumu* – морской петух), эти сложные слова относятся только к номенклатуре животных;

г) сложные прилагательные, образованные сложением основы существительного с основой прилагательного (*air-dry* – воздушно-сухой);

д) сложные прилагательные, образованные сложением основы числительного с основой существительного (*three-cleft* – трехрассеченный);

е) сложные прилагательные, образованные сложением основы существительного с причастием (*disease-producing* – болезнетворный).

Прилагательные последних двух типов для биологической терминологии не характерны [4].

3. Сложные термины, образованные за счет «внутреннего синтаксиса». Для связи основ в них применяются:

а) служебные слова: предлоги *in*, *of* и союз *and* (*love-in-a-mist* – чернушка, *mother of thyme* – богородицкая трава, *cup-and-saucer* – первоцвет высокий);

б) существительные в притяжательном падеже (*lady's-slipper* – венерин башмачок);

в) особый порядок слов (*forget-me-not* – незабудка).

4. Нестойкие сложные слова типа *stone wall*, условием отнесения которых к категории сложных терминов является осмысление первых компонентов только как основ существительных (*death rate* – смертность).

5. Сложно-производные слова в английской биологической терминологии выступают как прилагательные, состоящие из основы прилагательного, основы существительного и суффикса *-ed*, относящегося к обоим основам одновременно (*white-winged*-белокрылая).

Таким образом, к наиболее продуктивным способам образования английских биологических терминов относятся: деривация, образование по конверсии, сокращение и сложное сокращение слов, образование терминов словосложением.

Список литературы

1. Англо-русский биологический словарь. М., 1997. 736 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М., 2004. 571 с.
3. Русская грамматика. М., 1980. Т.1.784 с.
4. Смирнитский А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирнитский. М.: Академия, 2005. 208 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ПОДТЕКСТА В РОМАНЕ КЭНДЗАБУРО ОЭ «ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ»

Шульжевская А.А.

студентка 5 курса филологического факультета,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье анализируется идейно-содержательное своеобразие романа Кэндзабуро Оэ «Объяли меня воды до души моей». Раскрываются и исследуются основные темы произведения, ключевые идеи и образы, которые объединяет мысль о кризисе современной цивилизации.

Ключевые слова: философский подтекст, Кэндзабуро Оэ, эсхатология, библейские аллюзии, система образов.

Роман «Объяли меня воды до души моей» относится к зрелому периоду творчества Кэндзабуро Оэ.

Заглавие произведения является неточной цитатой из Библии. В японском издании в название вынесена перефразировка современного перевода цитаты из «Книги Ионы», в то время как в самом тексте романа используется точная цитата более раннего перевода, написанного не на современном японском. В русском переводе («Объяли меня воды до души моей»), осуществленном В. Гривниным, точно цитируется «Книга Ионы» (2:6).

Сам Оэ в беседе по поводу выхода романа говорил о названии: «Я неверующий, но Библию читаю, и главным образом потому, что в ней есть слова: «Объяли меня воды до души моей». Действительно, воды потопа, огромного потопа, который может привести к концу света, уже дошли нам до груди...» [1, с. 3]. Таким образом, в названии романа автор выражает мысль о том, что человечность и традиционная культура стоят на грани гибели, что они тонут в пучинах материалистических идеалов нового мира.

Оэ разрабатывает в романе темы: «отца-сына», отрешившегося от мира Исана с умственно неполноценным сыном Дзином, и «опоздавшей молодежи», представителями которой здесь выступает «Союз свободных мореплавателей», сплошь состоящий из отщепенцев, как они сами себя называют, отбросов общества. Эти две стороны, отец с сыном и Союз свободных мореплавателей, на первый взгляд, представляются явлениями полностью противоположными. Но, столкнувшись на страницах романа Оэ, эти два мира оказываются удивительно близкими в своей оторванности от реального мира и его ценностей, в своей потребности уйти от него. Однако парадоксальным образом именно стремление покинуть цивилизацию приводит к острому конфликту с ней, заканчивающейся гибелью Союза.

Буквально с первой страницы в романе появляется тема конца света, которую автор проводит через всё повествование: все герои считают, что мир скоро погибнет, так или иначе. Исана живет со своим сыном в атомном убежище, ожидая того дня, когда всё живое исчезнет и он, как поверенный дере-

вьев и китов, сможет рассказать пришедшим на землю пришельцам, что царствовал на земле не человек, а киты и деревья. Молодежь, с которой сталкивает его и Дзина судьба, считает, что скоро произойдет землетрясение, в результате которого Япония будет разрушена. В отличие от Исана, члены Союза свободных мореплавателей намереваются спастись: им необходимо первыми выйти на корабле в открытое море. Так в романе постоянно противопоставляются друг другу два образа, символизирующие спасение: бункер и корабль.

В европейской культуре с кораблем сравнивается жизнь человека, церковь. Герои, строящие точную реплику корабля, создают свое сакральное пространство, имитацию реальности. В это священное место открыт доступ только членам Союза свободным мореплавателям. Для них корабль – символ их новой, свободной жизни. Все их усилия направлены на то, чтобы как можно лучше подготовиться к морской жизни и скорее захватить настоящий корабль. Но пока они пытаются претворить в жизнь свой план, членам союза приходится временно поселиться в бункере, где уже давно живут Исана с Дзином.

В отличие от корабля, который знаменует собой новую жизнь, бункер является просто побегом от реальности. Образ ямы, куда добровольно попадает герой, уже возникал у Оэ в романе «Футбол 1860 года», но в «Объяли меня воды до души моей» автор идет ещё дальше, поселяя героев в бункере. «Ямы символизируют могилу и одновременно материнскую» [4, с. 9]. В данном случае имеют смысл обе трактовки, потому что герой одновременно и похоронил себя для мира и создал идеальную материнскую утробу для своего сына, который находился в очень тяжелом состоянии дома и в госпитале, но пошел на поправку, когда они переехали в атомное убежище. Если обратиться к библейской трактовке, заданной названием романа, в «Книге пророка Ионы» во время путешествия на корабле из-за разыгравшегося шторма главный герой попадает в утробу кита.

Но в утробе кита Иона раскаялся в своих грехах, за что был выпущен китом на берег. Чувство вины терзает и Исану: несколько лет назад на службе у своего тестя он стал соучастником убийства невинного ребенка, но он так и не сознался в содеянном и не понес за это наказание. Впервые он исповедуется в своем грехе только перед Союзом свободных мореплавателей. Однако в последние минуты своей жизни Исана в подвале заливаемого убежища слушает записи голосов китов и раскаивается лишь в том, что не смог защитить деревья и китов. Символично, что Исана тонет именно в том месте, изначальное предназначение которого – спасение.

Особым образом Кэндзабуро Оэ подходит в своем романе к вопросу веры. Для занятий английским языком со свободными мореплавателями Исана выбирает отрывок из перевода на английский язык романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», проповедь старца Зосимы. Этот текст очень нравится подросткам, и многие заучивают его наизусть. При этом некоторые слова они оставляют без перевода, так как по-японски это как-то не так звучит, и одно из них «prayet». Свои боевые действия по подготовке к будущему восстанию во время землетрясения они называют prayet.

Идея «Книги пророка Ионы» состоит в том, что спасение через покаяние может быть даровано Богом не только иудеям, но и язычникам. Бог Библии не национальный Бог евреев, а Бог всех людей, и в Царство Божие войдут и язычники, потому что путь в него один для всех – нравственное совершенствование. И неверующие подростки вкладывают всю душу в prayer, потому что, по их мнению, это способствует их education, а в финальном противостоянии с полицией они выдерживают осаду, делая слова «Young men be not forgetful of prayer» своими позывными, когда им удастся выйти в эфир. В более поздних своих работах Кэндзабуро Оэ снова обратится к этой возможности молитвы в безверии.

Именно душам деревьев и душам китов возносит свои молитвы Исана. Он называет деревья лучшими обитателями земли, не способными передвигаться, а китов – лучшими обитателями морей, не способными жить на суше. Он провозглашает себя поверенным деревьев и китов, потому что живет на земле вместо китов и способен передвигаться по земле вместо деревьев.

После выхода книги Кэндзабуро Оэ говорил о том, что заставило его взяться за эту тему. «Дело не в том, что уничтожаются именно киты и деревья. Дело в том, что общество считает это нормальным – уничтожить то, что принадлежит природе, уничтожить что-либо в принципе, – привыкает и перестает замечать, что совершает недозволенное» [2, с. 5]. Это разворачивает человеческое сознание, приучает к мысли о безнаказанности зла. Отношение к деревьям и китам помогает понять, что сделалось с людьми.

В романе Кэндзабуро Оэ раскрывает свой взгляд на удручающее положение людей, не сумевших приспособиться к изменившимся условиям жизни послевоенной Японии. Особенно его волнует наиболее уязвимая часть общества – молодежь. Молодые люди послевоенного поколения уже не застали ценностей прошлого режима, но не имеют возможности проникнуться новым нравственным идеалом в силу его несформированности. «Это люди без корней, которые ищут, на что опереться. В романе Оэ показывает отсутствие социальных идеалов у молодежи, лишает ее четкого понимания объекта своего возмущения, лишает ее позитивной программы, без которой любое противопоставление себя обществу бессмысленно» [1, с. 6]. Внутренне цельные, молодые люди неспособны к компромиссам, они отказываются не противостоять злу, которое их окружает. Они просто не знают, как бороться с этим злом иначе, как платить ему тем же. У них нет другой силы, кроме силы отрицания.

Оэ саркастически рисует и тех, кто правит обществом, в котором живет эта молодежь. Их фальшь, безразличие ко всему, кроме своей персоны, безграничная жажда власти, порочность – все это с предельной выразительностью воплощено в бывшем тесте героя.

Оэ четко расставляет акценты до того, как столкнуть две противостоящие силы: те, на стороне которых власть, которые знают, чего хотят, и ни перед чем не остановятся для достижения своих низменных целей, – их олицетворяют умирающий политик и его дочь, и те, кто интуитивно понимает, кто враг, с кем следует бороться, но не знает, как бороться, более того, не знает даже, во имя чего бороться, загипнотизированные идеей борьбы как та-

ковой, – их олицетворяют Исана и подростки. Отсутствие ясного понимания цели борьбы, но осознание необходимости самой борьбы возможно и вынудили Исана измыслить для себя души деревьев и китов, к которым он взывает в трудные минуты. Эти души воплощают укрытые в нем самом светлые идеалы.

В отрывке из Достоевского, который на английском заучивают члены Союза свободных мореплавателей, звучит призыв: «...Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя – увы, почти всяк из нас!» [3, с. 57]. Исана, живущий мыслями о деревьях и китах, и Дзин, проводящий дни в прослушивании на кассетах голосов птиц, как будто призывают не принимать участия в организациях, угрожающих природе.

В целом роман «Объяли меня воды до души моей» можно рассматривать на трех уровнях.

На первом уровне это рассмотрение отношений отца и сына. Рассматривая проблему под разными углами зрения, Кэндзабуро Оэ, несомненно, решает важный лично для себя вопрос, касающийся воспитания его собственного ребенка.

На втором уровне роман продолжает исследование типичных героев его ранних произведений, представителей «опоздавшей молодежи». Здесь писатель показывает, что бунт молодежи является свидетельством недуга общества послевоенной Японии, отказавшегося от традиционных ценностей и потерявшей себя в погоне за материальными благами.

И, наконец, на третьем уровне в романе Оэ призывает человечество задуматься об уничтожении природы. Общество, которое не видит в этом криминала, – больное общество, хочет сказать писатель, и нужно задуматься над этим, пока не поздно. Самый страшный грех – неощущение греха.

В романе все противоположные и даже противоречащие друг другу явления связываются воедино идеей свободы и надеждой на возрождение. Таково его желание – видеть людей, общество и мир в их космической всесвязности.

Список литературы

1. Гривнин, В.С. Творческий путь Кэндзабуро Оэ // Футбол 1860 года. Роман и рассказы. Пер. с яп. и вступит. ст. В. С. Гривнина. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва "Наука", 1983.
2. Григорьева, Т. П. Камо грядеши? Вступительная статья Кэндзабуро Оэ // Объяли меня воды до души моей. Роман и рассказы. Пер. с яп. и вступит. ст. В. С. Гривнина. – СПб.: Амфора, 1999.
3. Оэ, К. Объяли меня воды до души моей. Роман и рассказы. Пер. с яп. и вступит. ст. В. С. Гривнина. – СПб.: Амфора, 1999.
4. Хузиятова, Е.Т. Романы Оэ Кэндзабуро «Личный опыт» и «Футбол 1860 года»: личность в мифологическом пространстве // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. – 2003.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДЫ КАЛАЧ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)

Бубличенко В.Н.

доцент кафедры истории и культуры, к.и.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет»,
Россия, г. Ухта

В статье приводится обобщенный материал о деятельности местных органов власти при проведении военно-организаторской работы среди населения слободы Калач – одного из крупных населённых пунктов Воронежской области – в годы Великой Отечественной войны. Дана характеристика достигнутых результатов в данном направлении. В заключение делается вывод о том, что реализация мобилизационных задач в условиях военного времени было бы невозможно без слаженного взаимодействия всех органов власти и управления при поддержке местного населения.

Ключевые слова: слобода Калач, военно-организаторская работа, прифронтовой населенный пункт.

Проведение мобилизационных мероприятий в годы Великой Отечественной войны является одной из ключевых проблем взаимодействия фронта и тыла, в результате которого была достигнута победа над фашистской Германией. В отечественной историографии она получила достаточно широкое освещение, но для формирования объективной истории войны необходимо проведение дополнительных исследований с привлечением региональной компоненты. В связи с этим интерес представляют прифронтовые населенные пункты, к которым относится слобода Калач Воронежской области. Она возникла как периферийный населенный пункт на южной границе Российской империи в начале XVIII в. и всегда находилась в центре важнейших событий отечественной истории.

Проведение мобилизационных мероприятий в слободе началось после объявления о начале войны. На организованных Калачеевским райсполкомом митингах выступающие заверяли, «что враг – немецкий фашизм – будет сметён с нашей священной земли и разгромлен» [1, с. 38]. На четвертый день войны от жителей района поступило 57 заявлений с просьбой отправить их добровольцами на фронт. В общей сложности за военный период из Калачеевского района было мобилизовано в действующую армию около 15 000 человек. Из них более 10 000 погибли в боях с противником [3, с. 7]. За свои ратные подвиги, проявленные в сражениях с противником, 5000 калачеевцев были награждены боевыми орденами и медалями, 17 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

Осложнившаяся обстановка на советско-германском фронте летом 1942 г. превратила Калач в прифронтовой населенный пункт. Фашисты прорвались к среднему течению Дона, налеты авиации противника на слободу участились. В этот период Калачеевская администрация сосредоточила свои

усилия на организации эвакуации населения, создании условий по приемке и размещению в слободе раненых. Дислокация в Калаче и селах района войсковых частей, штабов, отделов и управлений сделали военно-организаторскую работу местной администрации приоритетной.

Решение стоящих проблем осложнялось нехваткой кадров, поскольку многие работники администрации слободы ушли в действующую армию. Вакантные места занимали новые руководители [3, л. 3]. Они были вынуждены заново разбираться в сложившейся ситуации, что осложняло принятие управленческих решений, затрудняло работу администрации.

Приближение фронта потребовало проведения организации мероприятий по мобилизации населения для выполнения работ оборонного характера. Такой опыт у Калачеевской администрации появился в начале войны, когда в июне – июле 1941 г., выполняя решения облисполкома и обкома ВКП(б) было выделено 80 калачеевцев для участия в строительстве предприятий оборонного значения с выездом за пределы области [1, с. 61]. После того, как слобода стала прифронтовым населенным пунктом, взаимодействие калачеевской администрации и армейского руководства по привлечению местного населения к участию в оборонных работах стало более активным. Так, на основании директивы командующего Сталинградским фронтом в начале октября 1942 г. Калачеевскому райсовету предписывалось выделить 400 рабочих сроком на 7 дней. Их планировалось привлечь к оборудованию аэродрома в непосредственной близости от слободы. Решением администрации от Калачеевского сельсовета выделялось 80 человек, Краснобратского – 50 и Красно-Загоренского – 70. Для армии район должен был также выделить ездовых и верховых лошадей, 121 вола с упряжью [2, лл. 3,10].

Проводимая советскими и партийными органами агитационная работа среди населения Калачеевского района, давала положительные результаты. За годы войны на фронт было отправлено 3733 посылки весом 21331 кг, активно велась подписка на государственные займы. В декабре 1942 г. жители района приобрели облигаций на сумму 1 млн. 344 тыс. рублей. В числе других жителей страны, калачеевцы передавали свои личные сбережения на изготовление техники и вооружения для Красной Армии. Наибольшую известность получила финансовая помощь фронту жителей Калачеевского района С. И. Беседина, Е. Ф. Крамарева, М. И. Белоглядовой.

Таким образом, возникшие в условиях военного времени проблемы в сфере оборонной деятельности на региональном уровне не могли быть решены без четкого взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти при поддержке местного населения. Приоритетность работы партийных органов в данном аспекте следует рассматривать как сложившуюся специфику советского государственного механизма управления.

Список литературы

1. Во имя Победы. Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне. Сб. док. / Сост. С. В. Аброськин, Г. И. Васильев. – Воронеж, 1975.
2. КУВО «Государственный архив Воронежской области» (далее – КУВО «ГАВО»). Ф. Р-1803. Оп. 1.Д. 34.

3. О тех, кто вернулся с войны. Книга Памяти Калачеевского района / сост. Н. С. Шевцов. – Воронеж, 2000.

4. Яценко К. В. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Автореф. доктора истор. наук. – М., 2003. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 18 сентября 2016 г.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (В ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ, ИЗУЧАЮЩИМ АРХЕОЛОГИЮ И ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ)

Дарендорф М.В.

зав. кафедрой истории, права и общественных дисциплин,
канд. ист. наук, Филиал «Ставропольский государственный
педагогический институт» в г. Ессентуки, Россия, г. Ессентуки

Статья посвящена проблеме изученности археологических памятников VIII в. до н.э. – IV в. н.э. региона Кавказских Минеральных Вод (Пятигорья). В работе кратко характеризуется природно-климатические условия района. Обзорно рассмотрены основные памятники эпохи раннего железа (бескурганные и курганные могильники, городища и другие типы поселений). Затронуты актуальные проблемы социально-экономического и культурно-этнического развития населения региона в указанный период. Содержащаяся в статье информация может быть полезна студентам ВУЗов, изучающим археологию и другие исторические дисциплины.

Ключевые слова: регион Кавказских Минеральных Вод (Пятигорье), археологические памятники, эпоха раннего железа, бескурганные и курганные могильники, городища, другие типы поселений.

Регион Кавказских Минеральных Вод (далее КМВ) или Пятигорья расположен в западной части Центрального Предкавказья. Рельеф местности неоднороден. В северо-восточной более равнинной части КМВ возвышаются отдельные горы-лакколиты во главе с Бештау (1401 м). Юго-западная часть Пятигорья представляет собой Кисловодскую котловину, созданную долинами реки Подкумок и его притоков. Котловина защищена невысокими хребтами. В древности регион КМВ являлся своеобразным переходом от бескрайних степей юга Восточной Европы к горным пастбищам и лесам Северного Приэльбрусья. Немаловажное значение для древних обитателей Пятигорья имело близкое соседство месторождений медных, полиметаллических и железных руд в верховьях рек Малки и Кубани. С кабардинского языка название одного из притоков реки Малки – Кичмалка (Къыщ Балъкъ) дословно переводится как «кузница Малка». Гидроним Кичмалка вероятно свидетельствует о расположении к югу от КМВ древнего производства металла (меди, а затем железа) [22, с. 57].

Древности Пятигорья имеют длительную историю изучения, начиная с середины XIX в. Однако масштабное изучение археологических памятников

конкретно эпохи раннего железа началось в 1881-1882 гг. с раскопок известного русского археолога Д.Я. Самоквасова [15, с. 22-23, 123-129; 18, с. 60]. В советский период изучение здешних памятников раннего железного века осуществлялось группой краеведов (Н.М. Егоров, А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов и др.). Существенную научно-методическую помощь краеведам оказывали сотрудники Института археологии АН СССР и др. научных учреждений (Е.И. Крупнов, А.А. Иессен, В.Б. Виноградов, Н.Л. Членова и др.) [6; 23, с. 235-241; 10; 11]. С 1996 года разведки и раскопки археологических памятников КМВ были продолжены сотрудниками ГУП «Наследие» (Ставрополь) при участии столичных археологов (Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов [3] и др.). К сожалению, материалы раскопок памятников эпохи раннего железа лишь частично введены в научный оборот.

Развитие культуры населения Пятигорья в эпоху раннего железного века условно принято делить на следующие основные периоды (предскифское, скифское и сарматское время). Более детально выделяются также: позднейший предскифский и раннескифский периоды. Сарматский период обычно делят на: последние вв. до н.э., рубеж н.э. и первые вв. н.э.

В предскифский и раннескифский период на территории Пятигорья и прилегающих районов Предкавказья существовала западнокобанская или каменноостско-березовская культура. Эта культура сложилась к VIII в. до н.э. [21, с. 90-92; 16, с. 58-60] и существовала до V в. до н.э. Разведками местных краеведов вблизи и на склонах гор-лаколлитов и в Кисловодской котловине выявлены десятки каменноостско-березовских бытовых и погребальных памятников. Подкурганые захоронения для этой культуры менее характерны, чем грунтовые (бескурганые). Наиболее яркие памятники: Эшкаконский [20, с. 7-12] и Терезинский могильники, поселение и могильник Уллубаганалы, некрополь у Кисловодской мебельной фабрики [7, с. 184-199], городище и могильник Клинь-Яр [4], Березовский I могильник, могильник у Лермонтовской скалы, Белореченский II могильник [8, с. 15-100], Султан-горские кладбища, бытовые и погребальные памятники у Перкальской скалы на северной окраине Пятигорска [17, с. 120-135], Каррасский могильник на Чеснок-кургане и Минераловодский могильник [2, с. 23-40]. На протяжении VIII-VI вв. до н.э. население, оставившее каменноостско-березовские памятники, было однородным в этнокультурном отношении.

Наряду со скотоводством и земледелием, получение и обработка металлов (железа и сплавов меди) было одним из основных занятий каменноостско-березовского населения. Выгодное расположение многих памятников у входа в горные ущелья, ведущие к пастбищам Приэльбрусья, позволяет предполагать, что местное население контролировало путь (взимая плату) от степных пастбищ к пастбищам горным, что, видимо, имело значение при отгонной системе скотоводства [22, с. 56-59]. Кроме того, начиная с предскифского времени, часть каменноостско-березовского населения участвовала в т.н. переднеазиатских походах киммерийцев и ранних скифов [19, с. 18].

Проникновение элементов скифской культуры на протяжении VI в. до н.э. привело к изменениям в материальной и духовной культуре, что отрази-

лось в погребальном инвентаре и обряде каменномостцев. Наиболее наглядно скифизация культуры видна в материалах Минераловодского могильника VI-IV вв. до н.э. Происходят изменения в формах и орнаментации сосудов, наборах вооружения, упряжи, украшений и т.д. На протяжении VI-V вв. до н.э. каменномостско-березовская культура, также как и культура населения предгорий Прикубанья, степного Прикумья и Притеречья, нивелируется и принимает скифоидный облик [13, с. 109-111]. Известны несколько скифских изваяний, найденных в изучаемом районе (Кисловодск, Боргустанская).

На финал скифского периода приходится угасание каменномостско-березовской культуры. Возможно, происходит номадизация (переход к кочеванию) местных жителей. Памятники IV-II вв. до н.э. на территории Пятигорья изучены слабо. Начиная со II-I вв. до н.э. происходит постепенный рост населения региона и распространение здесь во II-IV вв. н.э. т.н. раннеаланской культуры [5, с. 18-22, 30-33].

Культура населения Пятигорья первых вв. н.э. изучена достаточно хорошо. И в Кисловодской котловине [5, с. 18-22, 30-33] и вблизи гор-лакколитов [12, с. 3-9] известны поселения и грунтовые могильники этого времени. Наиболее крупные памятники этого времени – городища – находятся в долине реки Подкумок (Провальская балка [9, с. 44-45], гора Дубровка, Клинь-Яр и др.). В это время, судя по обилию импортных предметов в могильниках [1; 14, с. 218-222], вероятно функционировала местная ветвь Транскавказского шелкового пути.

Список литературы

1. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987. 182 с.
2. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Минераловодский могильник VI-IV вв. до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали, 1976. Вып. XX. С. 23-40.
3. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004. 240 с.
4. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь, 2015. 446 с.
5. Березин Я.Б. О «темных веках» в истории Кисловодской котловины // Некоторые итоги археологических исследований Кисловодской котловины в начале XXI в. Кисловодск, 2011. С. 18-22, 30-33.
6. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. 389 с.
7. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184-199.
8. Дударев С.Л. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 3. С. 15-100.
9. Илюшин А.М., Фоменко В.А. Поселение Провальская балка (о влиянии азиатских традиций на культуру Пятигорья в сарматское время) // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 44-45.
10. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2-5. 196 с.
11. Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). Пятигорск, 2005. 155 с.

12. Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А. Памятники сарматского времени северо-восточной части Пятигорья (археологическая карта) // Страницы истории России. Межвузовский сборник научных статей. Ставрополь, 1996. С. 3-9.
13. Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Северо-восточное Пятигорье в скифское время // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь – Железноводск, 1998. С. 109-111.
14. Рунич А.П. Железноводский могильник // Советская археология. М., 1983. № 4. С. 218-222.
15. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908. 284 с.
16. Фоменко В.А. Памятники агачевско-кумышского типа в предгорьях Северного Кавказа // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. Вып. 7. С. 58-60.
17. Фоменко В.А. Памятники предскифского и скифского времени на территории Пятигорска // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Выпуск 3. С. 120-135.
18. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. 76 с.
19. Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик, 2015. 176 с.
20. Фоменко В.А. Эшкакский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 7-12.
21. Фоменко В.А. Эшкакский и Терезинский могильники эпохи финальной бронзы и начала раннего железа // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 15. С. 90-92.
22. Фоменко В.А., Шаов А.Р. Каменноостский могильник предскифского и раннескифского времени в долине реки Малки // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. Вып. 8. С. 56-59.
23. Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 235-241.

О СТАРИННЫХ КАМЕННЫХ БАШНЯХ В ВЕРХОВЬЯХ КУБАНИ И ПРАВЫХ ПРИТОКОВ ТЕРЕКА

Дарендорф М.В.

зав. кафедрой истории, права и общественных дисциплин,
канд. ист. наук, Филиал «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки, Россия, г. Ессентуки

В статье говорится о каменных башнях, расположенных в верховьях Кубани и правых притоков Терека (Баксан, Чегем, Черек Безенгийский, Черек Балкарский). Приводятся основные научные публикации об общей характеристике и хронологии местных историко-архитектурных памятников. Упоминаются также башни Тугановых в устье Урупа, известные по фольклорным источникам.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, старинные каменные башни, общая характеристика, хронология, культурная атрибуция, научные публикации, устье Урупа, башни Тугановых, фольклорные источники.

В верховьях Кубани и правых притоков Терека (Баксан, Чегем, Черек Безенгийский, Черек Балкарский) известны старинные каменные башни.

Верхнекубанские башни не многочисленны (Хурзукская, Кызыл-калинская башни, башня Адиюх) и близки по архитектуре. Они занимают периферийное положение по отношению к основному ареалу башенного строительства Центрального Кавказа (Сванетии, Хевсуретии, современным территориям Ингушетии и Осетии) [25, с. 64].

Время строительства и культурная принадлежность верхнекубанских башен и башен в верховьях правых притоков Терека в наши дни точно не определены и являются предметом дискуссии [1; 2; 3; 5, с. 20, 22, 24; 10, с. 78-81; 11, с. 93-101; 12, с. 275-279; 14; 16, с. 123-133; 17, с. 29-36; 18, с. 51-52; 19, с. 7-15; 20, с. 19-22; 22, с. 66-72; 23, с. 8-11; 26, с. 148-151; 27, с. 21-23; 28, с. 14-19]. Приходится признать лишь поздний архитектурный облик этих башен, их хорошую сохранность.

Башню Мамаи-кала (рис. 2) у аула Хурзук изучал археолог И.М. Мизиев [14, с. 49; 13, с. 94-95, 108; 28, с. 14-19]. Этнограф Л.И. Лавров и другие специалисты исследовали башню Адиюх (рис. 1) у селения Алибердуково [11, с. 93-101; 4, с. 66-67; 17, с. 29-36]. Кызыл-калинскую боевую башню (рис. 3) изучала археолог Е.П. Алексеева и отметила черты сходства этой башни с Хурзукской и Адиюхской башнями [4, с. 142-143; 18, с. 51-52; 19, с. 7-15].

Археолог Т.М. Минаева приводит сведения о наличии остатков башни [15, с. 14, 15] похожей на Адиюх у крепости Хаджикале [9, с. 190-208] близ станицы Беломечетской на границе Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.

С севера и северо-запада от Верхнего Прикубанья из старинных каменных башен известны только башни Тугановых в устье Урупа [20, с. 21]. Армавирский краевед Р.К. Аракелов писал о двух не сохранившихся до наших дней каменных башнях: на восточной окраине Армавира и на противоположном берегу Кубани. Двое стариков, видевших первую башню Тугановых, утверждали, что она по общему виду напоминала башню Адиюх на реке Малый Зеленчук [6, с. 34-35].

Старинные каменные башни в ущельях правых притоков Терека (Баксан, Чегем, Черек Безенгийский, Черек Балкарский) несколько более многочисленны и разнообразны, чем башни верховий Кубани. В Балкарии известны довольно сложные памятники фортификации, иногда именуемые замками [7, с. 290-301; 8, с. 189, 193, 195].

Археолог Фоменко В.А. отмечает, что на сегодняшний день имеются «довольно разрозненные письменные, археологические, картографические, топонимические и др. источники, а также ряд публикаций, лишь частично проливающих свет на историю старинных историко-архитектурных памятников. Однако, строительство большинства башен в верховьях Кубани и правых притоков Терека вряд ли стоит относить ко времени ранее XVII в.» [25, с. 65]. Вполне возможно, что строительство верхнекубанских башен совпадает со временем сооружения купольных многогранных в плане мавзолеев, которые по сохранившимся арабским надписям датируются концом XVII-XVIII в. [24, с. 53-54; 21, с. 125-127].

Рис. 1. Башня Адиюх

Рис. 2. Хурзукская башня Мамиакала

Рис. 3. Кызыл-калинская башня в долине
р. Джегуты

Рис. 4. Реконструкция башни Тугановых
(по Р.К. Аракелову)

Список литературы

1. Абдоков С.А., Фоменко В.А. Къалъыхъуэхэмрэ къагъуэтхэмрэ // Черкес хэку. Черкесск, 21.12.2006.
2. Абдоков С.А., Фоменко В.А. Ученые исследуют легендарную Хажикала // День республики. Черкесск, 11.01.2007.
3. Абдоков С.А., Фоменко В.А. Iэдииху чэщанэ // Черкес хэку. Черкесск, 26.04.2007.
4. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. 216 с.
5. Алиев К.-М. Аланский мир. Храмы и башни. Черкесск, 2005. 28 с.

6. Аракелов Р.К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир, 2004. 40 с.
7. Атабиев Б.Х. Раннефеодальное фортификационное зодчество Балкарии (замки Усхур и Джабо-къала) // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999.
8. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX в. М., 2006. 240 с.
9. Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А. Крепость Хажикала (предварительные итоги исследования) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15.
10. Кипкеева З.Б. Две пограничные крепости на верхней Кубани до 1783 г. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. М. – Армавир, 2007.
11. Лавров Л.И. Башня Адиюх в Черкесии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л., 1940. Вып. VII.
12. Лавров Л.И. О времени постройки кабардинской башни на реке Малом Зеленчуке // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. IV.
13. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981. 124 с.
14. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. 90 с.
15. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. 248 с.
16. Фоменко В.А. Адыги в верховьях реки Кубань в XIV-XVIII вв. (по данным археологии) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. 1.
17. Фоменко В.А. Башня Адиюх // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2007. Вып. 8.
18. Фоменко В.А. Башня в верховьях реки Дзегуты // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений. СПб., 2009.
19. Фоменко В.А. Дзегутинская башня // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2010. Вып. IX.
20. Фоменко В.А. О верхнекубанских башнях XVIII в. // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Армавир, 2008.
21. Фоменко В.А. О мавзолеях XVIII в. в долине реки Подкумок // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 17.
22. Фоменко В.А. О некоторых работах по истории Верхнего Прикубанья XV-XVIII вв. // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2005. Вып. 1.
23. Фоменко В.А. О роли фортификации в истории Кабарды (до XIX в.) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2006. Вып. 6.
24. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск: Пятигорский государственный технологический университет, 2002. 76 с.
25. Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик, 2015. 176 с.
26. Фоменко В.А. Фортификационные сооружения в истории Кабарды XV-XVIII вв. // Пятигорье и Юг России: политические, социально-экономические и культурные связи XIX-XX вв. Материалы научно-практической конференции. Пятигорск, 2006.
27. Фоменко В.А. Хаджи-кале // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Материалы конференции. Армавир, 2006.
28. Фоменко В.А. Хурзукская башня Мамакала и вопросы культурно-этнической истории населения Верхнего Прикубанья // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 1 (21).

К БИОГРАФИИ ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРА (ТОРОПОВА) (1861-1937 гг.)

Денисов М.Е.

генеральный директор, ООО «Центр исторических исследований»,
Россия, г. Москва

Данная статья, вводя в научный оборот неизвестные доселе источники, значительно уточняет 56-летний дореволюционный этап в жизни Алексея Александровича Торопова – будущего епископа Александра.

Ключевые слова: патриарх Адриан, Голубинский Евгений Евстигнеевич, митрополит Сергей (Страгородский), Пошехонское духовное училище, Ярославская духовная семинария, Московская духовная академия, Жировицкое духовное училище, церковь Мученика Трифона в Напрудной слободе (Москва), Новоторжский Борисоглебский монастырь, церковь Рождества Богородицы в Бутырской слободе (Москва).

Будущий епископ Александр, в миру Торопов Алексей Александрович, родился 1 октября 1861 г. в селе Ильинское Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье священника Александра Торопова [9, л. 2].

Родительская семья Алексея принадлежала к священнослужительскому роду Тороповых, известному на Ярославской земле рядом достойных пастырей. Одним из них был священник Николай Васильевич Торопов, двоюродный брат Алексея: *«В заключение, – писал священник Петр Николаевич Торопов в некрологе своего отца, – говорил преподаватель Ярославской духовной семинарии А.А. Торопов – двоюродный брат покойного. В своей речи он охарактеризовал личность почившего и как доброго, и как благоговейного служителя Господня, который любил благоговейное, истовое Богослужение, так что каноны, например, вычитывал все сам; и служение которого производило сильное впечатление на душу молящегося»* [8, с. 188].

В 1877 г. Алексей окончил Пошехонское духовное училище, в 1883 г. Ярославскую духовную семинарию. Из сохранившейся в Центральном государственном архиве города Москвы копии с его аттестата об окончании семинарии известны его оценки. По изъяснению Священного Писания, общей церковной истории, истории Русской Церкви, богословию основному, богословию догматическому, богословию нравственному, практическому руководству для пастырей, гомилетике, литургике, русской словесности, истории русской литературы, всеобщей гражданской истории, русской гражданской истории, алгебре, геометрии, тригонометрии и пасхалии, физике и космографии, психологии, обзору философских учений, педагогике, русскому расколу, греческому и латинскому языкам он показал успехи *«очень хорошие»*; по логике и церковному пению – *«хорошие»*; а по французскому языку – *«отличные»*. Поведения в семинарии он был тоже *«отличного»* [9, л. 2].

После окончания семинарии Алексей Торопов поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1887 г. со степенью кандидата богословия за сочинение *«Патриарх Московский Адриан»*.

Указанное сочинение состояло из введения, в котором речь шла о церковно-общественном значении русских патриархов и об особых условиях времени патриарха Адриана, и из восьми глав, в которых поднимались следующие темы: жизнь патриарха Адриана до патриаршества, избрание его в патриархи, общий обзор и характеристика его деятельности, его деятельность по управлению Церковью, его заботы о духовенстве, ограждение им православия от католической пропаганды, его деятельность в пользу просвещения, его участие в государственных делах и его кончина [4, с. 165].

«Во введении к сочинению, – писал в отзыве на него профессор Е.Е. Голубинский, – автор дает место общим, так сказать, историко-философским рассуждениям, и рассуждения эти не могут быть признаны вполне состоятельными. В сочинении не всегда совершенно удовлетворительна у автора логическая связь мыслей. Побуждаемый желанием говорить обо всем в деятельности патриарха Адриана не иначе, как с нарочитой похвалой, автор иногда позволяет себе явную натяжку выводов из имеющихся данных. Но вообще должно сказать, что автор трудился над своим предметом усердно и добросовестно и что деятельность патриарха Адриана обозревается им полно и в достаточной степени удовлетворительно. Сочинение хорошее и можно сказать – хорошее очень» [4, с. 165-166].

После окончания академии А.А. Торопов был назначен учителем приготовительного класса Жировицкого духовного училища, а в 1888 г. переведен в Ярославскую духовную семинарию, где первоначально был помощником инспектора, а с 1898 г. – преподавателем греческого языка [6]. В этой связи им была написана статья *«Значение изучения греческого языка и желательная постановка преподавания его в средней школе»*, опубликованная в 1901 г. в Ярославских епархиальных ведомостях [7]. Кроме того, с 1906 г. А.А. Торопов состоял секретарем Правления семинарии [5].

В 1918 г. Алексей Александрович овдовел. В том же году была закрыта Ярославская духовная семинария, поэтому в 1919-1924 гг. Алексей Торопов состоял на гражданской службе.

9 июля 1929 г. А.А. Торопов был рукоположен в сан диакона, а 11 июля 1929 г. – во священника. Пресвитерская хиротония была совершена митрополитом Сергием (Страгородским) в московской церкви Мученика Трифона в Напрудной слободе.

12 сентября 1929 г. священник Алексей Торопов был пострижен в монашество с именем Александр, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем храма в бывшем Новоторжском Борисоглебском монастыре Тверской епархии [2, с. 503].

По некоторым сведениям, в 1930 г. было раскулачено унаследованное архимандритом Александром от родителей хозяйство в родном селе Ильинском: отобран дом, огород, фруктовый сад и пасека, а сам он арестован за *«контрреволюционную агитацию»* [1]. Однако, к сожалению, подробности этого акта репрессии не известны, так как *«Управление ФСБ России, УВД и Государственный архив Ярославской области сведениями об осуждении и месте хранения архивного уголовного дела в отношении Торопова Алексея»*

Александровича 1861 г.р. (архимандрита Александра) не располагают» [10, л. 1].

В 1932 г. архимандрит Александр (Торопов) был избран епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии. Архиерейская хиротония, которую совершил митрополит Сергей (Страгородский) с митрополитом Алексием (Симанским) и архиепископом Питиримом (Крыловым), состоялась 21 сентября 1932 г. в московской церкви Рождества Богородицы в Бутырской слободе [3, с. 142].

За пять лет архиерейского служения епископ Александр вынужденно сменил шесть епархий. С 21 сентября 1932 г. по 25 августа 1935 г. он возглавлял Кинешемское викариатство Костромской епархии. 26 августа 1935 г. он был назначен епископом Юрьевским, викарием Владимирской епархии, но вскоре был переназначен епископом Скопинским, викарием Рязанской епархии. 24 сентября 1935 г. он возглавил Липецкое викариатство Орловской епархии, с 13 ноября 1935 г. по 23 января 1936 г. – временно управлял Воронежской епархией, а с 20 февраля 1936 г. управлял Рыбинской епархией [1].

27 июля 1937 г. епископ Александр был арестован и заключен в тюрьму г. Липецка. Во время следствия, к которому были привлечены 42 священнослужителя и мирянина, епископ Александр согласился подписать те показания, которые требовал от него следователь. Несмотря на это, 15 октября 1937 г. тройкой при УНКВД СССР по Воронежской области он за «участие в церковно-монархической организации» был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества и в тот же день, на 76-м году жизни, расстрелян [2, с. 503].

17 сентября 1960 г. Президиумом Липецкого областного суда епископ Александр (Торопов) был реабилитирован [1].

Сочинения: *Торопов А.* Отчет о состоянии церковно-приходских и домашних школ по Ярославской епархии. Ярославль, 1891; *Торопов А.* Значение изучения греческого языка и желательная постановка преподавания его в средней школе. // Ярославские епархиальные ведомости. 1901. №№ 2-6.

Список литературы

1. Александр (Торопов Алексей Александрович). // БД «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века».
2. *Дамаскин (Орловский), игумен.* Александр (Торопов Алексей Александрович), епископ Липецкий, викарий Орловской епархии. // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000.
3. Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М., 2001.
4. Московская Духовная Академия. Журналы Совета 1887 года. // Прибавления к Творениям св. Отцов 1887. Ч. 40. Кн. 4.
5. Списки лиц, состоящих на службе в духовно-учебных заведениях епархии. // Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 41.
6. Списки лиц, состоящих на службе в духовно-учебных заведениях Ярославской епархии. // Ярославские епархиальные ведомости. 1904. № 46.
7. *Торопов А.* Значение изучения греческого языка и желательная постановка преподавания его в средней школе. // Ярославские епархиальные ведомости. 1901. №№ 2-6.
8. *Торопов Петр, священник.* Пастырь добрый (памяти священника о. Николая Васильевича Торопова + 15 ноября 1908 года). // Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 10.

9. ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4358.

10. Письмо Начальника Управления ФСБ России по Ярославской области В.Н. Хлыбова М.Е. Денисову (июль 2009 г.).

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЯЧЕСЛАВА ЗАНКОВА (1892-1937 гг.)

Денисов М.Е.

генеральный директор, ООО «Центр исторических исследований»,
Россия, г. Москва

Данная статья вводит в научный оборот ряд новых архивных документов и, таким образом, уточняет страницы жизнеописания священномученика Вячеслава Занкова, касающиеся его обучения в Московском Университете и его деятельности в сфере народного образования после выпуска из Университета.

Ключевые слова: церковь Вознесения Господня в г. Сычевка Смоленской губернии, 3-я Московская гимназия, Историко-филологический факультет Императорского Московского университета, церковь Рождества Богородицы в с. Поречье Можайского уезда Московской губернии, Златоустовский религиозно-философский кружок, церковь Пресвятой Троицы в Зубове (Москва), церковь Святителя Николая в Хамовниках (Москва), церковь Покрова Богородицы в с. Черкизово Мытищинского района Московской области, церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Котельники Ухтомского района Московской области, Бутовский полигон.

Священномученик Вячеслав родился 23 мая 1892 г. в г. Сычевка Смоленской губернии в дворянской семье Занковых – Сергея Ивановича и Серафимы Михайловны (урожд. Подревской). Таинство его Крещения было совершено 27 мая в Вознесенской церкви г. Сычевка священником Тимофеем Чернавским с псаломщиком Ильей Дьяконовым и восприемниками – мировым судьей майором Владимиром Григорьевичем Ломоносовым и дочерью поручика из дворян Валентиной Михайловной Подревской [7, л. 9]. Кроме Вячеслава в семье Занковых был сын Юрий 1894 г.р. и дочь Кира 1895 г.р. [13, л. 20].

Отец Вячеслава, Сергей Иванович Занков, родился в 1859 г., окончил Московский учительский институт, с 1882 г. преподавал в Ельнинском городском училище, а с 1883 г. – в Сычевском городском училище, которые находились в Смоленской губернии.

В январе 1893 г. он был переведен в Московскую губернию на должность смотрителя Звенигородского уездного училища, а в июле 1893 г. назначен учителем-инспектором в том же училище. В 1900 г. он был переведен на место учителя-инспектора в 1-е Московское городское училище [13, л. 19 об., 20 об., 21 об.], поэтому семья Занковых переехала в здание училища в Ипатьевском переулке в Москве [7, л. 1].

В 1899 г. Вячеслав Занков, как потомственный дворянин, определением Смоленского дворянского депутатского собрания был внесен в шестую часть родословной книги Смоленской губернии [7, л. 10].

В 1902 г. Вячеслав поступил в 3-ю Московскую гимназию, которую окончил в 1911 г. Из сохранившейся в Центральном государственном архиве города Москвы копии его аттестата известны оценки. Так, по Закону Божию, латинскому языку, философской пропедевтике, законоведению, истории и географии он обнаружил познания *«отличные»*, по русскому языку и словесности, немецкому и французскому языкам – *«хорошие»*, а по математике, математической географии и физике – *«удовлетворительные»* [7, л. 5]. После окончания гимназии Вячеслав поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома, в личном фонде писателя А.В. Круглова, имеется письмо к его вдове с выражением соболезнования по поводу кончины писателя (умер 9 октября 1915 г.), подписанное фразой *«глубокоочтущий Вас Вячеслав Занков»*. Текст письма свидетельствует о глубокой религиозности его автора: *«Глубокоуважаемая Анна Никитична! С глубоким сердечным прискорбием узнал о смерти глубокочтимого и любимого мною Александра Васильевича. Да упокоит Господь Бог его праведную душу. Он всегда стремился к Господу Богу, и Господь принял его в Свои Небесные Обители. Сожалею, что не мог быть на похоронах Александра Васильевича, потому что я был уже на полях сражения в подвижном госпитале. Все время гремит канонада, прибывают раненые, все очень тяжелые, приходится не спать ночи. О, если бы Господь дал нам победу, чтобы были оправданы великие жертвы, принесенные на алтарь Отечества всем русским народом. Желаю Вам, уповая на Господа, перенести Вашу тяжелую утрату»* [14, л. 1]. Тем не менее, нет полной уверенности в принадлежности данного письма студенту В.С. Занкову, так как отсутствуют сведения об его присутствии на фронте в студенческие годы.

Уже в студенческие годы Вячеслав решил стать священником. Будучи студентом 4-го курса, он подал прошение о своем рукоположении в священник сан, в связи с чем резолюцией митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского) от 8 декабря 1916 г. был определен к Богородицерожественской церкви села Поречье Можайского уезда Московской губернии [7, л. 16].

Однако в связи с тем, что он из-за обучения в университете не отбыл воинскую повинность, его назначение на священническое место было отменено: *«Имею честь, – писал Вячеслав Занков на имя Ректора, – почтительнейше просить Вас, Ваше Превосходительство, числить меня по-прежнему в числе студентов IV курса Историко-филологического факультета Императорского Московского университета в виду того, что документы мои были затребованы Московской духовной консисторией из Университета на предмет лишь справки о моем образовательном цензе и отношении к воинской повинности, определение же меня на священнический приход в епархии было только предположительное, а не действительно состоявшееся»* [7, л. 20].

В мае 1917 г. Вячеслав Сергеевич окончил Московский университет. В его студенческом личном деле, хранящемся в Центральном государственном

архиве города Москвы, имеется выпускное свидетельство с оценкой *«весьма удовлетворительно»* по всем следующим дисциплинам: по богословию, логике, психологии, введению в философию, введению в языковедение, греческому языку, латинскому автору, введению в славяноведение, сравнительной грамматике славянских языков, истории греческой литературы, истории римской литературы, истории новой философии, русской истории, литовскому языку, истории Русской Церкви и немецкому языку [7, л. 26 – 26 об.].

После окончания университета, а затем курсов для подготовки инструкторов трудовых процессов при Наркомпрос [11, л. 57], Вячеслав Сергеевич занялся преподавательской деятельностью: с февраля по сентябрь 1918 г. он преподавал в школе II ступени № 102 (бывшее Высшее крестовское начальное училище), а с сентября 1918 г. – в советской школе I ступени № 11 Рогожско-Симоновского района Москвы [10, л. 43 об.]. В декабре 1919 г. В.С. Занков перешел на работу в детский дом «Терем-теремок» [11, л. 57 об.], в котором также преподавала его сестра, Кира Сергеевна [12, л. 6].

В конце 1917 г. В.С. Занков был, в том числе, председателем Златоустовского религиозно-философского кружка, объединявшего с 1904 г. при Московском епархиальном доме активистов из числа православных студентов Москвы. *«Человек, как вспоминают о нем, правых взглядов, – так пишет о священномученике Вячеславе Б. Селиверстов. – Законник. Не любил всякого рода новаций. Когда был председателем кружка, звонок в его руках не безмолвствовал. Человек энергичный, хороший организатор. На своем священническом поприще был чрезвычайно активен, так что знавшие его люди предполагают, что он был репрессирован»* [1, с. 346, 361].

В 1917 – начале 1919 гг. Вячеслав Сергеевич проживал по адресу: г. Москва, ул. Краснохолмская, д. 14, кв. 10 [7, л. 31; 11, л. 57]. Не позднее 1920 г. скончался его отец, С.И. Занков, а мать, С.М. Занкова, будучи вдовой [9, л. 167 об.], работала руководителем детского дома № 12 [12, л. 7].

29 ноября 1919 г. В.С. Занков был рукоположен в священный сан и определен во священника к церкви Пресвятой Троицы в Зубове [9, л. 167], в которой в 1923 г. значился вторым священником [8, л. 57].

С начала 1920-х гг. и до ареста в 1937 г. священник Вячеслав Занков проживал по адресу: г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38, кв. 9 [9, л. 167]. Известно, что он *«жил в маленькой комнате, в которой до потолка были стеллажи с книгами. Крестил всех бесплатно. Сам ходил в дырявых ботинках, все отдавал, даже когда ему дарили. Любил заниматься фотографией»* [2].

Супруга его, умершая в 1920-х гг. от чахотки [2], служила машинисткой, а он подрабатывал помощником делопроизводителя в одном из советских учреждений [9, л. 167 об.]. Затем, в 1920-1921 гг., он совмещал священническое служение с работой в отделе народного образования Рогожско-Симоновского района Москвы, а в 1921-1923 гг. был сотрудником отдела высших учебных заведений Наркомпроса [4, с. 94].

В этой связи интересна его позиция по отношению к Советской власти: *««Всяка душа властем предержажим да повинуется» (Апостола Павла Рим. послание, глава 13, стих 1)»*, – так написал священник Вячеслав Занков, от-

вечая на вопрос о своем отношении к декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви в «анкете для служителей религиозного культа» [9, л. 167 об.].

В церкви Пресвятой Троицы в Зубове отец Вячеслав прослужил до 1932 г., когда Троицкая церковь была закрыта и снесена, а он вместе с причтом и прихожанами перешел в соседнюю церковь Святителя Николая в Хамовниках, перенеся с собой храмовую икону Пресвятой Троицы, расположенную в настоящее время перед правым клиросом центрального придела Николо-Хамовнической церкви [6, с. 128].

В это время священник Вячеслав Занков был возведен в сан протоиерея, а затем награжден крестом с украшениями. В 1934 г. он был переведен в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Черкизово Мытищинского района Московской области, а в 1936 г. – в церковь Казанской иконы Божией Матери в селе Котельники Ухтомского района Московской области [4, с. 94].

Как пишет священник О. Митров, в Котельниках протоиерей Вячеслав организовал ремонт Казанской церкви, неустанно проповедовал, призывая прихожан к усердной молитве и предостерегая от совершения аборт. Когда отца Вячеслава арестовали, то свидетели, приглашенные к участию в следствии по его делу, обвинили его в том, что *«он ведет агитацию... среди подростков и детей. Заставляет их молиться»* и привели в пример случай, бывший на отпевании ребенка, когда протоиерей Вячеслав сказал детям: *«Вы, девочки, молитесь и пойте за мной»*. Одну из этих девочек вызвали на допрос в НКВД, и она подтвердила, что *«многие школьники ходят в церковь к Занкову»* [4, с. 94 – 96].

Кроме того, из показаний свидетелей известно, что протоиерей Вячеслав предостерегал своих прихожан от совершения греха аборта: *«Многие из-за плохой материальной обеспеченности убивают своих детей и греха не боятся, так как жизнь у них такова, что некогда думать о своих грехах и о жизни после смерти. Вы, женщины, не соблазняйте, как соблазнились многие»* [4, с. 96].

П.М. Путилина, лично знавшая отца Вячеслава, вспоминает: *«Я в воскресенье перед арестом батюшки была здесь [то есть в Казанской церкви, – М.Д.], беседовала с ним. – Что он Вам говорил? – Что и обычно: молиться надо усердно, жить во Христе»* [5].

В ночь с 16 на 17 сентября 1937 г. протоиерей Вячеслав был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и помещен в Таганскую тюрьму. При обыске у него были найдены машинописные лекции по курсу *«Обоснования христианского мировоззрения»*, прочитанные в 1922 г. в Московской духовной академии профессором Н.Д. Кузнецовым, рукопись 1912 г. *«Односторонность в суждениях по вопросу о содержании духовенства»* священника Воскресенской церкви г. Самары Василия Красносамарского, а также конспект лекций по курсу *«Современная апологетика»*, составленный протоиереем Вячеславом в 1923 г. [4, с. 96].

Эти рукописи, сочтенные «контрреволюционными», стали объектом пристального внимания следователей НКВД: *«У вас при обыске изъяты*

контрреволюционные рукописи... Для чего вы их хранили?» – спросил следователь. «Как память о профессоре Н.Д. Кузнецове», – ответил священник. «Кому вы давали читать и как размножали?» – спросил следователь. «Никому не давал читать и никак не размножал», – ответил священник. «Признаетесь виновным в хранении контрреволюционных рукописей?..» – спросил следователь. «Нет», – ответил священник.

«Следствие требует правдивых показаний о вашей контрреволюционной деятельности», – сказал следователь. «Отрицаю», – ответил священник. «Вы вели среди населения церкви контрреволюционную агитацию? Дайте показания», – спросил следователь. «Отрицаю», – ответил священник. «Вы в церкви читали проповеди и призывали к сплоченности против советской власти?» – спросил следователь. «Отрицаю», – ответил священник [4, с. 96-97].

9 октября 1937 г. тройка при УНКВД СССР по Московской области приговорила протоиерея Вячеслава к расстрелу, который был осуществлен 13 октября 1937 г. на полигоне Бутово, где отец Вячеслав и был погребен в неизвестной общей могиле [4, с. 97].

10 февраля 1995 г. протоиерей Вячеслав Занков был реабилитирован, а в 2000 г., на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, – канонизирован в лике новомучеников и исповедников Российских.

Церковное празднование священномученику Вячеславу совершается 13 октября, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской; в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших; в Соборе новомучеников и исповедников люберецких.

В связи с канонизацией священномученика Вячеслава для Казанской церкви в Котельниках была написана его икона. Кроме того, он изображен на иконе «Собор новомучеников и исповедников люберецких».

Список литературы

1. В поисках Святой Руси. // Надежда – Христианское чтение. Вып. 6. Франкфурт-на-Майне, 1980.
2. Занков Вячеслав Сергеевич. // БД «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века».
3. Каплинский В. Православная Церковь – трудные времена. // Край Смоленский. 2009. № 1.
4. Митров О., священник. Священномученик Вячеслав (Занков). // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Сентябрь – октябрь. Тверь, 2003.
5. Молитва памяти. // <http://www.kotelniki.info>.
6. Светозарский А.К. Московский храм Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках и чудотворная икона Божией Матери «Споручница грешных», в нем пребывающая. М., 1998.
7. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 325. Д. 565.
8. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 276.
9. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 102.
10. ЦГА Москвы. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 3.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 23.
12. ЦГА Москвы. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 52.
13. ЦГА Москвы. Ф. 649. Оп. 1. Д. 119.
14. РО ИРЛИ РАН. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 400.

КУСТАРНЫЕ РЕМЁСЛА ДАГЕСТАНА В СТАТИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ Е.И. КОЗУБСКОГО 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Егорова В.П.

профессор кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX века,
к.и.н., доцент, Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

В статье анализируются статистические работы исследователя-дагестановеда Е.И. Козубского «Обзоры Дагестанской области за 1892-1894 годы» и «Населенные места Дагестанской области». Последние представляют собой развернутую статистическую таблицу. Из них извлечен материал, характеризующий видовое разнообразие кустарных ремесел сельского населения Дагестана в XIX в., степень их развития и географию распространения.

Ключевые слова: ремесло, обработка металла, шерсти, кож, камня, дерева, ремесленные изделия.

Ни одна сфера жизнедеятельности народов Дагестана не вызывала такого пристального внимания и живого интереса представителей русской интеллигенции на Кавказ, приезжавших и здесь служивших, как народные промыслы. Среди них Евгений Иванович Козубский занимает особое место. В течение 30 лет (1881-1911 гг.) он жил в Дагестане, где 20 лет преподавал историю и географию в Темир-Хан-Шуринском реальном училище и в женской прогимназии-гимназии и 11 лет являлся секретарем Дагестанского областного статистического комитета [4].

С этой служебной деятельностью он успешно сочетал активную научную работу, итогом которой явилось большое количество его публикаций различного формата и содержания. Тема развития дагестанских народных промыслов для него была одной из приоритетных.

Однако вклад Е.И. Козубского в исследование данной проблемы в свое время не был достаточно освещен и оценен учеными, о чем справедливо напомнил А. Дж. Магомедов. Поставив Евгения Ивановича в один ряд с такими маститыми профессионалами по исследованию интересующей нас проблемы, как О.В. Маргграф, А.С. Пиралов, В.К. Згленицкий, чей «вклад в изучение народных ремесел Дагестана» «еще полно не оценен» [9, с.7], он подчеркнул, что «особо ценной оказалась их работа по сбору и систематизации различных сведений, документальных и статистических материалов... конца XIX – начала XX в.» [9, с. 6-7].

В данной статье нами как раз и анализируются по сути первые статистические работы Е.И. Козубского «Обзор Дагестанской области за 1892-1894 годы» и «Населенные места Дагестанской области», опубликованные в 1895 году [5, 6]. Из них нами извлечен материал о распространении в Дагестане различных видов и типов ремесленного производства, а также дана характеристика некоторых из них.

В «Обзоре Дагестанской области за 1892-1894 годы» [5] характеризуется сельское ремесло, так как в городах области, как в нем отмечено, отсут-

ствовали ремесленные сословные учреждения, а «главный контингент городских ремесленников состоял из евреев и пришлых горцев», изделия которых не отличались ни качеством выделки, ни количеством производства и шли на удовлетворение лишь местных потребностей» [5, с. 67-68].

Среди промыслов сельского населения выделяется прежде всего отхожий, суть которого в «Обзоре» раскрыта кратко, но конкретно: «С осени, по уборке хлебов, масса рабочего люда расходуется из Дагестана по всему Кавказскому краю, в Закаспийскую область, а также во внутренние губернии Империи, отыскивая себе заработок во всех видах труда. Знающие ремесла переходят из города в город, устраивая временные мастерские и сбывая свои произведения» [5, с. 119].

В «Обзоре» большое место отведено кустарному промыслу, который Е.И. Козубский определил как «обрабатывающий все виды местных сырых материалов» [5, с. 120]. Он указал на географию его бытования («распространен в области повсюду»), на существование специализации ремесленного производства («каждый округ отличается каким-нибудь особым производством»). Он также дал высокую оценку этого вида занятий жителей Дагестана, отметив, что «во многих из отраслей этого промысла дагестанские горцы достигли совершенства и приобрели вполне заслуженную известность». Говоря о качестве их работы, он подчеркивал, что «местные кустарные изделия отличаются прочностью, чистотою и тщательностью». Итогом развития кустарного производства, как считал Козубский, стало широкое распространение на российских рынках сбыта изделий дагестанских горцев, которые «расходятся по всему Кавказскому краю и охотно покупаются в России».

В анализируемом источнике обращено внимание на специализацию ремесленного производства по половому признаку, хотя попутно и отмечено, что «кустарным промыслом одинаково усердно занимаются как мужчины, так и женщины». Между тем здесь довольно категорично заявлено, что «исключительное занятие женщин составляют всякого рода пряжи и тканья, выделка ковров, паласов, сукон, бурок, войлоков и проч., вышивание на шелке, бархате, сукне и коже, отчасти гончарный промысел. Мужчины же обрабатывают преимущественно металлы, глину, дерево и кожи» [5, с. 120].

Здесь же эти общие положения проиллюстрированы фактическим материалом. В частности, выделен Казикумухский округ, «население которого главным образом существует своими ремеслами», занимаясь производством «всякого рода изделий из золота, серебра и железа». Этими же видами производства «отличались» селения Кубачи, Харбук и Амузга Кайтаго-Табасаранского округа. О кубачинцах дается более конкретная информация: «Между кубачинскими кустарями есть специалисты, приготовляющие из стали разные изящные украшения для оружия и поясов с золотой и серебряной насечкой. Они же славятся производством золотой инкрустации по слоновой кости, перламутру и рогу, украшающей разные мелкие вещицы и предметы роскоши» [5, с.121].

Особо отмечен унцукульский своеобразный художественный промысел в Аварском округе. В ассортименте его изделий, приготовляемых из дерева и

рога и украшаемых насечкой серебра и меди, названы «палки, трубки, хлысты, подсвечники, бокалы, чернильные приборы и другие принадлежности письменного стола». «Вещи эти настолько изящны, – писал Козубский, – что имеют сбыт и за пределами области» [5, с. 121].

В «Обзоре» названы кузнечное и слесарное производства, а также выделка земледельческих орудий труда и холодного оружия, произведения которых «идут исключительно на удовлетворение местных потребностей». «По производительности» этого промысла «заслужили внимание» составителя «Обзора» селения Кубачи, Амюзга и Харбук Кайтаго-Табасаранского округа, Нижнее Казанище – Темир-Хан-Шуринского, Икра – Кюринского, Куяда – Гунибского, Голотль – Аварского.

Гончарное производство было развито «в больших размерах» в селениях Сулев-Кент Кайтаго-Табасаранского округа, Испик и Джули – Кюринского, Балхар – Даргинского.

Кожевенным производством «для местного потребления» население занималось повсеместно, но «с успехом» – горские евреи селения Маджалис и Янги-Кент Кайтаго-Табасаранского округа и жители селений Салты, Корода, Гонода Гунибского округа, чьи изделия имели сбыт за пределами Дагестанской области.

В Даргинском, Казикумухском и Кюринском округах население «в значительных размерах» занималось сапожным и башмачным ремеслом, которое в некоторых селениях для них являлось исключительным средством существования» [5, с. 122].

В «Обзоре» в конце раздела «Кустарный промысел» особое внимание обращено на производство шерстяных изделий, которое характеризуется по той же схеме: ассортимент «выделяваемых» изделий («сукна, бурки, ковры, паласы, кошмы, переметные сумки и пр.»), их качество (прочность и чистота работы), возможность сбыта («имеют, в особенности сукна и бурки, громадный сбыт за пределами Дагестана»), распространенность в пределах Дагестанской области («можно сказать с уверенностью, что нет ни одного двора в области, где бы не встречался один из видов его»).

Говоря о повсеместном распространении данного промысла, Козубский назвал села Анди, Гагатль, Рикунь, Ботлих, Ансалты и Шорода Андийского округа, в которых население преимущественно занималось производством бурок. Он привел сведения об их экспорте. «По данным, доставленным начальником Андийского округа, – читаем в «Обзоре», – в 1892 г. вывезено из округа на продажу 53 511 бурок. В 1893 г. – 10 125». Произведенные подсчеты позволили ему определить валовой доход от продажи всех вывезенных из округа бурок. Однако выведенный им результат нам представляется не совсем верным. Составитель «Обзора» допустил, что средняя стоимость одной бурки составляла 8 руб. Исходя из этого, он определил общую сумму, полученную от продажи вывезенных бурок в 321 066 руб. (по годам почему-то указал не соответствующие 1892-й и 1893-й, а 1893-й и 1894-й). Простейшие подсчеты, если нет никаких оговорок, дают другие показатели: в 1892-м году примерный доход составлял 428 088 руб., в 1893-м – 81 000 руб., что в сумме равнялось 509 088 руб.

«Лучшие сукна из овечьей и козьей шерсти, известные на всем Кавказе в продаже под названием лезгинских, выделяются в Казикумухском и Даргинском округах, – писал Козубский, – славятся в особенности сукна, выделяемые из верблюжьей шерсти в селении Хаджал-Махи». Отмечается их качество («они тонки, нежны и весьма прочны») и предназначение («употребляются на дамские платья»), указываются цены на лучшие сорта этих сукон и заработки кустарей в 1893-1894 гг.

В «Обзоре» сообщалось о повсеместном характере производства ковров, паласов, кошем и других изделий из шерсти, лучшие из которых ткались в Кюринском округе, но на продажу в Дербент, Кубу и другие города вывозилась лишь их «некоторая часть» [5, с. 122]. В нем приводятся также суммарные статистические сведения о количестве мастеровых людей, учеников, работников этого производства по данным некоторых округов Дагестанской области на 1892, 1893, 1894 годы [5, с. 123].

По всем видам ремесленного производства автор-составитель «Обзора» пытался определить заработок кустарей. Но эти его попытки почти всегда оказывались тщетными. Причины этих неудач ему виделись в следующем: «Как производительность промыслов, так и сбыт изделий подвержены многим случайностям, пункты производства кустарных изделий слишком разбросаны и непостоянны, а район сбыта их очень обширен» [5, с. 123]. Кроме того он указал и на такое обстоятельство, как натуральный обмен, в ходе которого «значительная часть кустарных изделий обменивалась на месте или за пределами области на хлеб и другие жизненные припасы» [5, с. 123].

Козубский признавал ограниченность исходных данных о заработках кустарей, их приблизительный характер. Следует учитывать и тот факт, что администрация округов не всегда давала необходимые, адекватные реальному положению, статистические сведения, которые требовались для областных обзоров. Об их ограниченности свидетельствует «признание» Козубского в том, что «приблизительное понятие о заработках дагестанских кустарей в 1892 г. можно иметь по данным, доставленным начальниками Аварского и Даргинского округов».

В этой же «Памятной книжке» за 1895 г. Е.И. Козубский поместил материал под рубрикой «Населенные места Дагестанской области», где приводятся статистические сведения о территориальном размещении населения Дагестана по округам, наибствам, селам, указаны пол и его этническая принадлежность. Эта его публикация весьма важна для раскрытия вопроса о состоянии ремесленного производства в Дагестане, так как в ней конкретизируются и детализируются некоторые положения проанализированного выше «Обзора Дагестанской области за 1892-1894 гг.», приводятся новые сведения. Дело в том, что в «Населенных местах», представляющих собой развернутую статистическую таблицу, составитель поместил «Примечания», в которых содержится информация о том, чем славилось каждое зафиксированное в них село, каковы его достопримечательности. В потоке приводимых в «Примечаниях» исторических фактов определенное место отведено характеристике каждого села с точки зрения наличия в нем разнообразных кустарных производств. Статистического материала о них здесь гораздо больше, чем в «Обзоре».

Если в «Обзоре» названо всего лишь 24 села – центров развития ремёсел, то в «Населенных местах» – их около 180 с перечнем всех распространенных в них видов ремесленного производства. Материал этот – важный аргумент в пользу, как было отмечено выше, тезиса о повсеместном развитии того или иного из них на территории Дагестана.

В «Обзоре» Козубский особо выделил производство шерстяных изделий, заявив «с уверенностью, что нет ни одного двора в области, где бы не встречался один из видов его» [5, с. 122]. Но представленный начальниками округов материал для «населенных мест», видимо, не дал ему возможности аргументированно подтвердить это заявление фактами. Так, в Аварском округе названо только селение Тлох, где изготавливали паласы и дорожки. В Андийском наибстве одноименного округа из 7 зафиксированных сел, входящих в него, в 6-ти (Анди, Зело, Чанк, Гагатль, Ашали, Рикюани) делали бурки. Как и в «Обзоре», в «Населенных местах» снова центрами бурочного производства названы села Ансалты, Ботлих, Шадрода Андийского округа [6, с. 190-191, 204-207].

В Андийском же округе лучшая белая овечья шерсть производилась в с. Аргуани, обычные сукна делали в селениях Сагада, Арчо, Рачабалда, Хелетрюри, Хуштада, Тинди, а «белые сукна тонких сортов» – в Карата [6, с. 202-205, 208-209]. В Гунибском округе выделкой сукон были известны Калаки (Тлядал), Хошар-Хота, Дарбали, Родол, Хелода (Гелода), все селения Бохнодальского сельского общества (Гиндиб, Корда, Никар, Сикар, Тадиаль, Хадиаль), а также аулы союза Анкратль (Тлярата, Чарода, Солта, Тлондода и т.д.) [6, 222-229].

В селении Акуша (Даргинский округ) выделяли дешевые сукна и паласы. В Кутишинском наибстве этого округа выделен небольшой «куст» сел, специализировавшихся на обработке шерсти и изготавливавших лишь только сукна (Наскент, Сулейман-Кент, Аллу-ая), либо еще и паласы (Леваши, Шагзыр-Кент).

В Мекегинском наибстве география распространения этого вида ремесла представлена гораздо шире. В приведенном перечне первым названо с. Бускры – «единственное место выделки бурок в Даргинском округе». Затем идут села Верхнее Мулебки, где производили паласы, Джанга-Махи – сукна и паласы, а затем перечисляется 14 сел, жители которых занимались производством сукон. Это Лапко-Махи, Айсалалак, Бунцала, Дашкулакада, Зуриула, Кибурхи, Мекеге – центр наибства, Нижнее Лапко-Махи, Цурра, Хабралаэла, Хакнау, Чамсарала, Чахи, Шанкала-Бухнала [6, с. 250-261].

В Цудахарском наибстве упомянуты сёла Алихан-Махи, Цудахар, Ходжал-Махи. В последнем, как отмечалось и выше, «особенно славились тонкие сорта» [6, с. 251-261, 272-273]. Итак, в Даргинском округе женщины 25 селений занимались изготовлением изделий из шерсти – сукон, паласов, бурок и пр.

В Казикумухском округе этот вид кустарного производства получил распространение только в отдельных селах (Кая, Цовкра – «белое и серое сукно», Чукна – «простое сукно», Арчи – «выделка простых сукон и пала-

сов»), а в Кайтаго-Табасаранском округе оно было развито лишь в селе Кала-Корейш [6, с. 280-281, 286-287, 292-293].

В Кюринском округе, если судить по примечаниям Козубского картина с производством шерстяных изделий выглядела несколько лучше. Им тут занимались в селениях Юхари-Стал, Гильяр, Касум-Кент, Койсун, Магарам-Кент, Енгиджа, Махмуд-Кент, Сальян, Целягюн, Икра, Курах, Алкадар, Канзиль, Кош-Кент, Гапца, Филя, Качал-Кент, Цмур, Эвигар, Кур-Кент [6, с. 334-339, 342-345, 348-353]. По Самурскому округу сведения об этом виде кустарного производства отсутствуют.

В Темир-Хан-Шурином округе выделка ковров, паласов, шуб (тулупов) производилась в селениях Гелли, Дургели, Параул, Казанищи Малые и Верхние, Чиркей новый [6, с. 367-381].

По нашим подсчетам в «Списке» «Населенных мест» указано 164 села – центров бытования какого-либо из кустарных производств, в 74-х из них женщины занимались обработкой шерсти и изготовлением различных шерстяных изделий. Несложные подсчеты показывают, что в 45 % «ремесленных» сел Дагестана это производство имело место. Однако оно распространено было неравномерно. Необходимо учитывать условность и наших расчетов, так как в «Списке» практически отсутствуют сведения о данном производстве по Самурскому, Кайтаго-Табасаранскому, Аварскому округам. Тем не менее, данный источник свидетельствует о том, что наибольшее количество сел, специализировавшихся на обработке шерсти, располагалось в Даргинском (25 сел), Андийском (17 сел), Кюринском (14 сел) округах, относительно которых можно действительно с уверенностью говорить о повсеместном распространении данного вида кустарного производства.

Примерно такое же положение в данном источнике занимают и ремесла, связанные с обработкой металлов. Так, в Аварском округе село Голотль было «известно кузнецами и слесарями», в Араканы и Унцукуле изготавливали холодное оружие – клинки и шашки. В Гунибском округе в некоторых селах мастера изготавливали серебряные вещи, используя технику чернения (Согратль, Чох). В селениях Куяда и Гоготль кузнецы и слесари специализировались на производстве ножей, кинжалов, щипцов, молотков. В Даргинском округе кустарный кузнечный промысел отмечен в сёлах Дийбук и Чидик. В Андийском округе не названо ни одного села.

Казикумухский округ, как отмечалось и в «Обзоре», в этом виде ремесла особенно выделялся. В нем изготовлением холодного оружия (клинков, шашек, кинжалов) занимались мужчины селений Кая и Курклю, металлургическим промыслом – в Унчугатле. Центр округа Кумух славился кустарным производством медных и железных изделий, отделкой оружия золотом и серебром. Лудильщики, кузнецы и медники проживали в селениях Табахлю, Мукар, Маргке, Убра, Ури, Буртни, Варай, Ханар, Шали (кроме первого все в Мугарском наибстве, в селах которого других ремесел не отмечено за исключением сел. Арчи, о котором сказано выше) [6, с. 280-293].

В Кайтаго-Табасаранском округе кузнечный промысел был развит в селениях Баршамай и Тама Кара-Кайтагского наибства, Гимейди, Дарваг,

Ягдыг, Сикуг, Марага, Арак, Куркак, Цуртиль, Ругудж Табасаранского наибства, в которых других ремесел не названо. Как и в «Обзоре», здесь в Уркарахском наибстве особо отмечены Кубачи, где изготавливали изделия из золота и серебра, оружие, инкрустации по стали. Жители сел. Амузия и Шира занимались выделкой оружия (преимущественно кинжалов) и изделий из золота и серебра. Последние изготавливались также и в Харбуке [6, с. 314-325].

Кустарное производство топоров, ножей, серпов и различных земледельческих орудий труда было зафиксировано в селах Кюринского округа (Ашага-Сталь, Буриш-Мака – в Курахском, Юхари-Аркит, Цилинг, Ичин, Целяк – в Кутур-Кюринском наибствах). В этом же округе в селении Койсун изготавливали ружья и пистолеты, в Икра – кинжалы и шашки, в Цнал – изделия из стали и железа [6, 334-365].

В Темир-Хан-Шуринском округе Большие и Нижние Казанищи были «известны выделкой оружия и вообще железных изделий, прежде в большом количестве котлов»; Казанищи Малые и Верхние «славились выделкой клинков, шашек и кинжалов, ружейных стволов» [6, с. 384-405].

Хотя в «Обзоре» за 1892-1894 гг. Козубский констатировал, что «кузнечное и слесарное производство, а также выделка земледельческих орудий и холодного оружия, распространены в различной степени во всех округах области» [5, с. 121], в «Примечаниях» к «Населенным местам» он назвал всего около 50 сел. Большинство из них располагались в Кайтаго-Табасаранском (15 сел), Казикумухском (13 сел), Кюринском (11 сел) округах. В Аварском, Даргинском, Темир-Хан-Шуринском округах названо всего по 2 таких села, в Андийском и Самурском – ни одного.

Как видно из приведенного материала, обработкой различных металлов (в том числе и драгоценных) занимались жители 49 сел, что от общего числа «ремесленных» сел составляет около 30 %.

Нам кажется, что заслуживают внимания и такие отрасли ремесленного производства, как обработка дерева и камня, изделия из которых зачастую носили художественный характер и имели не только утилитарное, но и художественное значение. В «Обзоре» была дана характеристика и оценка только унцукульских изделий из дерева [5, с. 121]. Между тем в «Примечаниях» к «Населенным местам» упомянуты и другие села Аварского округа. В частности, в них сообщается, что в селении Араканы тоже изготавливали деревянные трубки и прочие предметы с насечкой, в Ашильта выделывали деревянные части для седла – арчаки. Седельные арчаки делали и мастера селения Ахнода Гунибского округа.

В селении Куяда этого округа жители изготавливали «изделия из черного камня вроде гишера» («род каменного угля»), «тилитлинцы славились как каменщики». «Добывание и отделка кремней» являлись основным видом ремесла в селе Цуликан Даргинского округа. В селении Вачи Казикумухского округа, как и в Куяде Гунибского округа, жители делали различные изделия из гишера, в том числе и газыри. Подобный промысел был развит и в других «населенных местах». Так, до 1877 г. кази-кумухские мастера на территории Кайтаго-Табасаранского округа, где вблизи сел. Кюраг располага-

лись «каменноугольные копи», добывали уголь для выделки из него четок, мундштуков и газырей.

В Кюринском округе изделия из дерева изготавливались в таких селах, как Заgrab-Кент, Шахи-Кент, Касум-Кент, Целягюн, Ружнак, Кирчаг, Чумат и др., которые специализировались на этом производстве [6, с. 336-337]. Правда ассортимент их не был определен. На «выделке» жерновов и надгробных памятников в этом округе специализировались сёла Бедук, Рича, Хорадж, Ашага-Мака, Куг, Куярик [6, с. 346-347].

В окрестностях селения Урма Темир-Хан-Шурина проживавшие там аварцы «добывали кремни, отделкою и продажею которых занимались».

Итак, в «Населенных местах» названо примерно 20 сел, жители которых занимались обработкой камня и дерева. Среди них в данном производстве приоритет (более 50 %) явно принадлежит Кюринскому округу, где на кустарных изделиях из дерева специализировались 4 села Гюнейского наибства и Южно-Табасаранского; выделкой жерновов и надгробных памятников славились 2 села Курахского наибства и 2 – Южно-Табасаранского.

Наверно, Козубскому при работе над этим материалом не следовало бы ограничиваться только данными, собранными чиновниками местной администрации, а привлечь и другие свидетельства, содержащиеся в опубликованной литературе, с которой он был хорошо знаком, о чем можно судить по составленной им обширной библиографии Дагестанской области, начало которой было опубликовано в этой же «Памятной книжке», и по Указателям к I – XX выпускам «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа», изданных также в 1895 году.

Странно, что Козубский в этих своих работах не упомянул общество Кель, в 7-ми селениях которого женщины ткали лучшие в Дагестане шали. Особенно славились шали мерою в 12-13 локтей, вырабатываемые в кельском ауле Ругильда. В Келе изготавливали также войлоки и шерстяную обувь [1, с. 304; 12, с. 191].

Не названо и селение Ахты, в котором, как писал Беккер, выделывали ковры, отличавшиеся прочностью волокна и красок. Для выделки более нежных шерстяных изделий мастерицы употребляли шерсть особой породы горных овец, известных под названием «церевар», и доставляемую из Рутульского наибства [12, с. 39].

Некоторые исследователи отмечали, что перед революцией в Дагестане число лиц, занятых в кустарных промыслах, превышало 132 000 человек (на миллион жителей), что «целые аулы превратились в кустарные «гнезда», представлявшие собой сплошные мастерские». В качестве примеров приводились села Кубачи, Казанищи, Чох, Харбук и Амузги – «аулы искусных кузнецов и оружейников», «Казикумух – аул мастеров-седельщиков», «Сулевкент – аул гончаров ... и Унцукуль, вырабатывающий художественные деревянные изделия» [2, с. 7].

Эти и многие другие свидетельства, а также проанализированные нами материалы говорят о приблизительности, о неполноте статистического учета

произведений кустарного производства в Дагестанской области во второй половине XIX в. Руководители местных органов власти формально подходили к выполнению требований областной администрации о систематической подаче сведений по всем направлениям экономического развития области, в том числе и по кустарному производству. В этом отношении весьма интересно замечание Н. Львова об «отсутствии правильно-организованных ремесленных занятий в Дагестане» [8, с. 18].

Подводя итог, отметим, что несмотря на неполноту сведений, содержащихся в «Обзоре Дагестанской области за 1892-1894 годы» и в «Населенных местах Дагестанской области», Е.И. Козубский не только назвал основные отрасли ремесленного производства в регионе, но и локализовал их по округам, сельским обществам и сёлам, в некоторых случаях он дал оценку их качества, показал связь ремесла с местным и общероссийским рынком, обратил внимание на половое разделение ремесленного труда, на ремесленную специализацию некоторых дагестанских населенных пунктов. Приведенный в них большой статистический материал свидетельствует о значимости данных работ исследователя.

Это был первый опыт Е.И. Козубского, связанный с изучением народных ремёсел. Насколько он был важен, можно судить по высказываниям О.В. Маргграфа, который писал, что «Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. дала первый толчок к изучению кустарных производств Северного Кавказа» [10, с. VII]. При этом он с сожалением отмечал, что «во всей обширной литературе Кавказа не нашлось ни одной печатной строки о кустарных производствах Терской области и Дагестана и оказалось полное отсутствие каких-либо статистических данных, относящихся к этой, единственно господствующей в крае, форме промышленности...» [10, с. VIII].

Безусловно на этом историографическом пустыре работы Е.И. Козубского представляют значительную ценность. Об этом говорит и тот факт, что он продолжил заниматься этой проблемой, до конца своих дней изучал проблемы развития народных ремесел, собирал и систематизировал изделия ремесленного производства для создаваемого в Дагестане кустарного музея, в организации которого он принимал активное участие [7, с. 21-28; 3, с. 22-77; 4, с. 158-164, 187-210]. В течение первого десятилетия XX века Е.И. Козубский являлся составителем ежегодных «Обзоров Дагестанской области», где неизменно присутствовала рубрика, посвященная кустарным промыслам.

Список литературы

1. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Отд. VI. – Тифлис, 1868. – С. 1-36.
2. Дзагуров Г.Б. Кустари в «стране гор». – М.: КОИЗ, 1931. – 48 с.
3. Егорова В.П. К истории создания в Дагестане первого музея. //Кавказ в геополитике великих держав. Сб. № 2. / ДГУ, кафедра истории стран Европы и Америки. – Махачкала, 2001. – С. 72-77.
4. Егорова В.П. Педагогическая и административная служба Е.И. Козубского в Дагестане (1881-1911 гг.). – Махачкала: Изд.ДГУ, 2012. – 221 с.

5. Козубский Е.И. Обзор Дагестанской области за 1892-1894 годы. // Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1895. – С. 59-158.
6. Козубский Е.И. Населенные места Дагестанской области. // Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. – С. 158-383.
7. Козубский Е.И. Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области. // Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в Тифлисе. – Тифлис, 1902. – С. 21-28.
8. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.3. Отд. III. Тифлис, 1870. – С. 1-32.
9. Магомедов А. Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. – Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 1999. – 205 с.
10. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – 288 с.
11. Марков Е.Л. Очерки Кавказа. – СПб. – М., 1887. – 711 с.
12. Поездка г. Беккера по Южному Дагестану. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.9. – Тифлис, 1876. – С. 1-9.

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ – КНЯЗЬ НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

Зеленский Ю.В.

старший научный сотрудник отдела археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается биография новгород-северского князя Игоря Святославича – героя «Слова о полку Игореве». Основное внимание уделяется его деяниям до похода 1185 г. и после него.

Ключевые слова: князь, Новгород-Северская земля, междоусобицы, половцы, поход.

О новгород-северском князе Игоре Святославиче мы знаем, прежде всего, благодаря участию его в неудачном походе против половцев в 1185 г. Летопись и «Слово о полку Игореве» рассказали о походе и бегстве Игоря Святославича из половецкого плена. О его предшествующих и последующих деяниях нам известно достаточно мало.

Он родился в 1151 г. Христианское имя князя – Георгий. Его отцом был Святослав Ольгович. Дедом Игоря был тмутороканский князь Олег Святославич. Отец Игоря неоднократно в союзе с половцами пытался захватить Киев. Игорь как раз родился в то время когда Святослав Ольгович вместе с суздальским князем Юрием Владимировичем (Долгоруким) в очередной пытался осуществить захват Киева. Однако эта попытка оказалась неудачной.

В 1180 г. развернулась междоусобная война в Полоцкой земле. В этой междоусобице участвовал Игорь Святославич, только что ставший князем в Северной земле и приведший к Друцку днепровских половцев во главе с Кобяком и донских половцев во главе с Кончаком. После этого Ольговичи и половцы двинулись к Киеву. Но они были разбиты Рюриком Ростиславичем. Игорь Святославич и Кончак бежали в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу в Чернигов.

Весной 1183 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич отправили в поход половцев молодых князей Игоря Святославича и Владимира Глебовича. Однако между князьями произошла ссора из-за того кому идти с передовым полком. Владимир Глебович не только вернулся из похода, но и разграбил Северскую землю.

В июле – августе 1184 г. киевские князья-соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич совершили поход против днепровских половцев [3, с. 66]. Они пригласили участвовать в походе Игоря Святославича, однако он отказался, опасаясь за безопасность своего княжества. Он и черниговский князь Ярослав Всеволодович пообещали присоединиться к объединённому войску на Суле, но своего обещания не выполнили [3, с. 66].

Узнав, что донские половцы отправились помогать своим соплеменникам на Днепре, Игорь Святославич предложил своим родственникам напасть на оставшиеся беззащитными вежи. Он заявил: «Половцы оборотились противу русским князем и мы без них (без половецких воинов) кушаимся (попытаемся) на вежах их ударити!» [1, стб. 633]. Игорь Святославич и несколько других князей совершили поход против половцев за р. Мерл. Здесь они встретили небольшой отряд половецких воинов (400 человек) и разгромили его.

В 1185 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич готовили поход уже против донских половцев. Однако этот поход был сорван рейдом против половцев, совершённым Ольговичами.

23 апреля в поход против половцев отправились новгород-северский князь Игорь Святославич трубчевский князь Всеволод Святославич, рыльский князь Святослав Ольгович и путивльский князь Владимир Игоревич. Обстоятельство этого похода неоднократно описывались в различных монографиях, научно-популярных книгах и статьях. Поэтому не стоит на них останавливаться.

Б. А. Рыбаков отметил, что между Игорем Святославичем и Кончаком в 1185 г. существовали дружественные отношения. Игорь Святославич не нападал на юрт Кончака. Кончак не организовывал окружения войска Игоря. Кончак прибыл к месту сражения на р. Каяле одним из последних, когда русское войско было окружено. После сражения Кончак выкупил попавшего в плен Игоря. После разгрома дружины Игоря Святославича Кончак отказался от вторжения в Северскую землю. Игорю Святославичу была предоставлена комфортная жизнь в плену. После побега Игоря Кончак отказался убить его сына [3, с. 85]. После этого Игорь Святославич не участвовал в общекняжеских походах, направленных против донских половцев. В 1191 г. Игорь Святославич вновь совершил поход в степь. Но, однако, он далеко в степь не заходил, помня о разгроме 1185 г. В январе 1203 г. Рюрик Ростиславич и Ольговичи со «всею Половецкою землёй» захватил Киев и разграбил его. Б. А. Рыбаков утверждал, что дипломатическую подготовку войны, наём половцев и разрешение им грабить Киев осуществил Игорь Святославич [2, с. 288-290]. Однако Игорь Святославич умер в 1202 г.

Мы видим, что новгород-северского князя Игоря Святославича можно рассматривать как типичного князя времён феодальной раздробленности.

Список литературы

1. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки русской культуры. 2001. 648 с.
2. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука.
3. Рыбаков Б. А. Пётр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия. 1991. 286 с.

ПЕРВЫЕ СУРГУТСКИЕ МОСТЫ

Прищепина А.И.

профессор кафедры истории России, д-р ист. наук, профессор,
Сургутский государственный университет ХМАО-ЮГРЫ, Россия, г. Сургут

В статье рассматриваются вопросы градостроительной политики в Сургуте в период освоения нефтегазовых месторождений в Западной Сибири. Показывается роль мостов в транспортном обеспечении строительных организаций, их значение для преодоления ведомственной разобщенности жилищного строительства, решения вопросов социального развития крупного промышленного центра.

Ключевые слова: градостроение, транспорт, магистраль, ведомственность, планирование, строительные механизмы, смета, переправа. дорожное покрытие.

Возвышающиеся над Обью железнодорожный и автомобильный мосты являются предметом законной гордости жителей нашего города, символом экономического потенциала Среднего Приобья и его роли в обеспечении стабильного народнохозяйственного развития России, сохранении ее влиятельного геополитического положения.

На их фоне скромные мостостроения в центре города стали для его жителей привычными элементами меняющейся архитектуры старинного поселения, не вызывающих, кроме ностальгических воспоминаний о «старом и добром Сургуте», никаких особенных ассоциаций.

Между тем эти мосты органически впитали в себя историю градостроения в Сургуте и потому являются настоящими историческими памятниками. Они имели весьма важное экономическое значение на начальном этапе освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья и строительства нового города. В Западной Сибири природно-климатические условия и бездорожье принципиально по-новому ставили вопросы градостроительной политики. По воспоминаниям первого главного инженера строительного главка «ГЛАВТЮМЕНЬНЕФТЕГАЗСТРОЯ», созданного в 1965 году для обустройства крупнейшей в стране нефтегазовой провинции, Ю.П. Баталина, «поначалу ситуация была тупиковой». Самой трудной проблемой тогда являлось отсутствие дорог на заболоченных территориях. В Азербайджане практически круглый год можно было проехать к любой точке нефтедобычи. В Татарии и Башкирии на строительство проездных путей была брошена дивизия военных строителей и этого оказалось достаточно. Она успешно справилась с поставленной задачей и в опережающем режиме сделала автомобильные до-

роги. «А как быть в Сибири, где ни дорог, ни тверди под ногами», – задавал он далеко не риторический вопрос [1, с. 79].

Тогда очень важной задачей являлось обеспечение переезда через притоки Оби и многочисленные ручьи, пересекающие город на части. Стратегическое значение для строительства города имел тогда мостовой переход через Сайму, соединявший Старый Сургут с Черным мысом. Сегодня он представлен известной всем сургутянам дамбой через Сайму на перекрестке улиц Гагарина и Энергетиков, приобретшую современный изящный вид в 1999 году благодаря усилиям строителей треста АО Запсибгидростройсервис. Историю ее создания можно отнести к 1952 году. Как вспоминал Председатель Сургутского горисполкома 1965-1973-х гг. П.А.Мунарев, это был «построенный методом всенародной стройки ряжевый мост через Сайму», соединявший Старый Сургут с Черным мысом, где располагались речной порт, аэропорт, рыбоконсервный завод и другие жизненно важные для города предприятия и учреждения.» Он вызывал у жителей серьезное беспокойство, так как был рассчитан для проезда только гужевого транспорта. Но с началом городского строительства через него пошли машины всех марок и контрабандой проскакивали даже МАЗы-357 «Ураган». Мост фундамента не имел, грунты были пучистые, зимой его выгибало горбом, а в межень просаживало ямой. В половодье сильные майские и июньские ветры его поднимали и раскачивали. «Мы боялись-, вспоминал П.А.Мунарев, – что в половодье сильные майские ветры его раскачают и унесут» [3, с. 74].

Известно, что еще 7 апреля 1957 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял решение о строительстве автомобильного моста в селе Сургут Тюменской области. Выполняя этот указ, Исполнительный комитет Сургутского районного совета депутатов трудящихся в 1961 году распорядился о подготовке работ по строительству моста, связывающего западную часть рабочего поселка Сургут с восточной.

Постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 года срок строительства, но не моста, а плотины был определен в 16 месяцев. Была заказана проектная документация на такое сооружение. Ее подготовили. По замыслу авторов, плотина должна была создать хороший городской пруд. Поскольку уровень воды в Оби мог быть выше допустимого в создаваемом пруду, в теле плотины, кроме водоспускных шлюзов, предусматривалась станция перекачки воды по трубам. Однако, гидромеханизаторов в городе тогда еще не было и построить такое сооружение никто не брался. Заказали вторично проектную документацию Свердловскому комплексному отделу «Главтюменнефтегаза», который подготовил другой проект плотины в виде мостового перехода [3, с. 74].

22 февраля 1966 года Бюро Тюменского областного комитета партии совместно с областным исполнительным комитетом депутатов трудящихся после завершения строительства общегородской магистрали, проходящей от Черного Мыса через Старый Сургут до жилого района Нефтяников, приняло решение приступить к строительству мостового перехода через реку Сайма.

Строительство плотины через Сайму (вариант мостового перехода) было начато только в марте 1971 года и осуществлялось Генеральным подрядчиком СУ-904 треста «Тюменнефтедорстрой» и его субподрядными организациями: МСП-442 треста «Мостстрой-2, СУ-73 треста «Трансварывпром» и МУ-6 СМТ-8 Мингазпрома СССР». Активное участие в нем приняли Рыбкомбинат, Райсоюз, Леспромхоз, ОРС, Райконторсвязь, Промкомбинат и электростанция. «Народное строительство автомобильного моста, связавшего Западную и Восточную часть Сургута, было закончено в нормативный 16-ти месячный срок с оценкой «отлично» в июне 1972 года [2, л. 7].

В Сургуте существовал и другой мост, соединявший жилой поселок строителей со Старым Сургутом. В то время для строителей города и нефтяников Старый Сургут представлял очень большое социальное значение, так как в нем располагались госбанк, сберкасса, Дом культуры, кинотеатр, магазины и столовая. Этот мост часто затапливало и предприимчивые сургутские мальчишки пользовались наводнениями, зарабатывая себе на конфеты. «Была установлена такса перевоза на лодке: 20 копеек – для трезвых пассажиров и рубль для подвыпивших нуждающихся в их услугах горожан.[3, с. 75] Критика по поводу периодического разрушения во время паводка и дождей этого моста звучала повсеместно. Но горисполкому из-за отсутствия финансирования и проектирования трудно было построить новый мост.

После длительных разговоров в исполкоме инициативу взял на себя начальник мехколонны № 14, впоследствии развившейся в мощный строительный трест «Запсибэлектросетьстрой», Игорь Алексеевич Киртбая. Как свидетельствуют архивные документы, он решил вопрос с финансированием. На воскреснике силами автобазы № 4 во главе с начальником Петром Николаевичем Кротовым, автотранспортной конторы нефтяников, возглавляемой директором Виктором Лаврентьевичем Полюшкиным, автобазы геологов, руководимой Иваном Петровичем Дмитриевым, за один день отсыпали грунт. В карьере его так же на общественных началах грузили механизмы УМ-3 под руководством Виктора Александровича Чернышева. СУ-16 треста «Спецгазстрой», возглавляемое Владимиром Ивановичем Балаклеенко, забило в качестве опор стальные трубы, сварило горизонтальные швеллеры, сделало деревянный настил. Пешеходный мост был готов. Позже СУ-16 построило пешеходные мосты, связывающие поселки геологов и строителей, Старый Сургут и микрорайон строителей [3, с. 75].

Мосты сыграли положительную роль не только в территориальной интеграции города, но и в преодолении ведомственного подхода в его строительстве. В начале своего нового рождения Сургут представлял собой конгломерат разбросанных на обширной площади, слабо взаимосвязанных между собой, практически автономных ведомственных микрорайонов: геологов – на востоке, нефтяников – на западе, строителей – в центре, энергетиков – на севере. На приличном расстоянии за лесом чуть позже распростерся «хутор железнодорожников».

Строительство мостов требовало объединения усилий всех градостроительных организаций и тем самым способствовало утверждению комплексно-

го подхода в возрождении города, скорейшему решению вопроса о его едином генеральном проектировщике, генеральном заказчике, и генеральном подрядчике.

Список литературы

1. Баталин Ю.П. От игр в кубики к суперблокам // Соратники. Поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. – 400 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.124. Оп.182. д.18.
3. Мунарев П.А. Так было, так начиналось... (Записки председателя). Сургут, 2008. – 153 с.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СУРГУТСКОЙ АВИАЦИИ

Прищеп А.И.

профессор кафедры истории России, д-р ист. наук, профессор,
Сургутский государственный университет ХМАО-ЮГРЫ, Россия, г. Сургут

В статье рассматриваются вопросы истории создания авиационного предприятия в Сургуте в годы нефтегазового освоения территории Западной Сибири. В ней отражена роль авиационного транспорта в обслуживании геологоразведочных партий и обустройстве месторождений, обеспечении нефтяников и газовиков строительными механизмами и строительными материалами, продуктами питания и медикаментами. Особо подчеркивается значение создания в Сургуте авиапорта.

Ключевые слова: вертолет, пилот, грузоперевозки, безопасность полетов, авиаразведка, диспетчер, пассажир, аэропорт.

Сургут не случайно стал центром проектируемых буровых работ на профилях Средней Оби. Главным аргументом выбора Государственной комиссией базовой площадки для нефтеразведки являлось расположение ее на водной магистрали. Только реки могли обеспечить доставку необходимых грузов и механизмов, а территории, расположенные по берегам, имели более благоприятные природные условия их разгрузки, размещения и транспортировки. Поэтому все новые поселения Тюменской области располагались на магистральных водных путях. Выбранные площадки будущих городов – Урая, Нефтеюганска, Нижневартовска и других – так же как в Сургуте характеризовались спокойным рельефом, залесенностью и некоторой заболоченностью. Эти факторы являются характерными для любой, пригодной для строительства площадки в этом регионе.

Однако водный путь по Оби протяженностью 3 тыс. км. не мог в течение 3-4 месяцев навигации решить проблему обеспечения необходимыми материалами и продовольствием Сургутских нефтяников. Тем более, что Сургутский речной порт не справлялся с постоянно увеличивающимся объемом прибывающих грузов. В декабре 1965 г. Министерство речного флота РСФСР совместно с министерствами газовой и нефтеперерабатывающей промышленности выделили средства для строительства дополнительных причалов и приобретения необходимого для них оборудования. Однако

«Главтюменьнефтегазстрой», «Главтюменьнефтегаз» и Речное пароходство не выполнили распоряжения по освещению мест выгрузки, строительству складских помещений и подъездных путей. Освоение объемов работ по строительству контейнерных площадок к ноябрю 1966 г. составляло всего 39,7 тыс. руб. [1, л. 1].

Речники даже наполовину не могли обеспечить материальные потребности Сургута. Так, к концу навигации 1964 года было завезено лишь 40% всего необходимого для его жизнедеятельности. « Уже в ноябре заявил о себе жесточайший дефицит продуктов питания и производственных материалов. Не хватало буквально всего – от хлеба до труб обсадки скважин.», – отмечает источник [9, с. 309]. 3 сентября 1968 г. у причалов Сургутского речного порта разгружалось только 13 из 23 находившихся там судов, остальные простаивали в ожидании разгрузки [2, л. 3].

Связующим мостом, действовавшим независимо от времени года, была авиация. В Сургут первый самолет прилетел в середине 1930-х гг. Он представлял собой небольшой аэроплан, выполнявший специальные работы и не предназначенный для пассажирских перевозок. После войны взлетно-посадочная полоса для приема пассажирских самолетов находилась в пойме реки напротив Старого Сургута. Но, поскольку там пасли скот, то создавалась угроза аварий. Поэтому была оборудована новая площадка, но использовать ее можно было только зимой. Тогда в нач. 1950-х гг. «аэродром» перебазировали на участок, где сегодня расположена школа № 4. В небольшом административном здании размещались его службы, метеостанция и кабинет начальника, бывшего военного летчика И.К.Шагунов. Сначала он принимал небольшие самолеты «ПО-2», рассчитанные на двух пассажиров. А затем стали приземляться самолеты «АН-2», выполнявшие задания геологов и сейсморазведчиков [12, с. 92].

В 1960 г. для расширяющегося аэропорта отвели новый земельный участок площадью 32 га в районе Черномысовской сельхозартели «Ленинский путь» [2, л. 20], поскольку он был непригоден для полеводческих работ из-за песчаной почвы. В 1963 г. на нем размещался аэродром, размером 1600×120 м., моторная электростанция, обеспечивающая связь, два бензосклада, помещение водохранилища, двухквартирный, четырехквартирный и два одноквартирных дома [4, л. 8].

18 августа 1964 года был издан приказ Уральского управления гражданской авиации о создании Сургутского авиационного предприятия [12]. Одно из главных мест в его работе занимал отдел по специальному применению авиации. Большой вклад в эффективную организацию деятельности этого отдела внес его первый руководитель бывший штурман В.Милицин. Затем отдел возглавил П.М.Конкин. Экипажи вертолетов «МИ-1» и «МИ-4» и самолета «АН-2» выполняли заявки геологов, рыбаков, геофизиков, связистов и медиков. Основными заказчиками были Ханты-Мансийский геофизический трест, Уральская база авиационной охраны лесов, санавиация, узел связи, НПУ «Сургутское», Усть-Балыкская и Сургутская нефтеразведочные экспедиции. В условиях бездорожья услугами авиапредприятия пользовались все

организации, занятые на освоении нефтяных и газовых богатств Среднего Приобья [9, с. 12].

Применение самолетов и вертолетов тяжелого класса потребовало значительного расширения Сургутского аэропорта. Ответственным за осуществление этих работ был назначен заместитель начальника Сургутской геологоразведочной экспедиции Н.И.Чебан. За организацию работ отвечал начальник аэропорта Бурковский и инструктор парткома Трофимов. Вместе с геологоразведочной экспедицией работы вели НПУ «Сургутнефть» и 9-е строительное управление [3, л. 58].

В 1967 г. взлетно-посадочную полосу удалось удлинить до 2600 м., построить кирпичное здание, дальнюю приводную радиостанцию площадью 50 кв.м., стартовый командный пункт полезной площадью 60 кв.м [14]. Аэропорт получил возможность принимать самолеты «ЛИ-2», «ИЛ-14», «АН-24», вертолеты «МИ-6» и «МИ-8». Однако при взлете турбовинтовых машин все поле и близлежащую территорию города затягивало тучей пыли и песка. Из-за этого выходило из строя оборудование и двигатели самолетов. Кроме того вскоре стало очевидным, что у аэропорта нет перспективы развития, так как он оказался в черте будущей городской застройки [12, с. 94].

11 декабря 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О строительстве Сургутского аэропорта». Ленинградский проектный институт ГВФ подготовил проектную документацию на его строительство в 13 км. севернее города. Оно было поручено вновь созданной спецколонне № 53 треста «Тюменьдорстрой» во главе с Ж.Г.Евстафьевым [18, с. 94]. Городской комитет партии постоянно держал выполнение постановления ЦК КПСС под строгим контролем. Ответственным за строительство аэропорта был назначен заведующий промышленно-транспортным отделом Сургутского ГК КПСС Н.К.Молодьков. Регулярные полеты рейсовых самолетов из нового аэропорта начались 15 апреля 1971 года [7, л. 12].

Уже через год, 14 апреля 1972 г. в Сургутском аэропорту впервые приземлился самолет «ТУ-134» из Москвы. Спустя десять лет начались регулярные полеты «ЯК-42» и «ТУ-154». Интенсификация авиаперевозок требовала расширения и совершенствования работы структур аэровокзала. 12 июля 1975 г. в Сургуте вступил в строй новый аэровокзал. Долгое время его работу возглавляла ветеран Великой отечественной войны А.М. Губарева, а начальником службы организации перевозок пассажиров являлась Г.Д. Гуменникова. Затем эту службу возглавляла С.Г.Григорьева. В конце 1990-х гг. ею руководила А.Г.Ляшко. В 1983 г. «Аэропорт Сургут» стал аэропортом первого класса и его коллектив был награжден орденом Трудового Красного Знамени [12]. К этому времени Сургутский объединенный авиаотряд перевез 583 тыс. пассажиров, 53 тыс.т. грузов и 3 тыс.т. почты [11].

В 1990-гг. основной объем авиационных перевозок Тюменской области все более перемещался в Сургут. Не случайно, что именно здесь в 1999 г. разместился головной офис авиакомпании «Тюменьавиатранс» во главе с А.З.Мартиросовым.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС) Ф.51. Оп.1. Д.3.
2. АОАГС. Ф.51. Оп.1. Д.14.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.113.Оп.32.Д.32.
4. Ф.113.Оп 16.Д.42.
5. ГАСПИТО. Ф.113. Оп.19. Д.6.
7. ГАСПИТО. ф.113. Оп.23. Д.12.
8. ГАСПИТО. Ф.113. Оп.25. Д.5.
9. ГАСПИТО. Ф.113. Оп.26. Д.27.
10. Древний город на Оби. Екатеринбург, 1994. – 336 с.
11. К победе коммунизма.1983.20 августа.
12. Мунарев.П.А.Так было, так начиналось...Сургут. 1997. – 153 с.
13. Сургутская рибуна. 1994. 18 августа.
14. Югра. 1999. № 8.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ У ПИЛИГРИМОВ

Сафронов А.С., Симонова Е.А.

студенты III курса, Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, г. Оренбург

В данной статье будет представлен обзор на систему воспитания детей в первых пилигримских колониях на территории Новой Англии. В частности, акцент будет сделан на системе семейного воспитания.

Ключевые слова: пуритане, пилигримы, воспитание, душа, образование.

Пуританами (от лат. Puritas – чистота) называли себя английские протестанты, сторонники кальвинизма [2]. Их не устраивала «половинчатая», по их мнению, Реформация, проведенная по примеру англиканства. Пуритане утверждали, что жизнь человека предопределена еще до его рождения и от самого человека не зависит, попадет он в рай или в ад. Однако, по их мнению, учение о предопределении не означало, что человек должен покориться судьбе и плыть по течению жизни – он обязан был всей своей деятельностью доказать, что является «Божьим избранником». Показателем избранности являются успехи: если человек богат и удачлив в делах – значит, ему покровительствует Господь.

Наиболее радикальные из них – группа, в которую входил Уильям Брэдфорд, будущий духовный лидер и первый писатель Новой Англии, не веря в возможность вернуть англиканскую церковь на путь истинный, предпочли полностью обособиться от нее. В 1608 году "пилигримы", такой термин впервые употребил Брэдфорд, эмигрировали в Голландию. Прожив там около десяти лет, они обнаружили, что спокойствие более пагубно для их духа, чем постоянные гонения. Тогда-то они и решили ехать в Виргинию – осваивать Новый Свет. Поступая так, "пилигримы" ассоциировали себя с Божьим народом, выводимым Моисеем из египетского рабства в Землю Обетованную.

16 сентября 1620 года корабль "Мэйфлауэр", имея 149 человек на борту (47 из них – члены экипажа), направился к берегам Америки, страны, которой еще сто лет назад не было на карте. После двух месяцев плавания по штормящей осенней Атлантике, измученные морской болезнью, холодом и нехваткой пресной воды, "пилигримы" достигли, наконец Нового Света. Но увидели они не цветущую землю Виргинии, а первозданное нагромождение скал.

Около половины поселенцев, чье здоровье было подорвано долгим плаванием и тяготами новоанглийской жизни, умерло в течение первой суровой зимы. Остальные же продолжали трудиться во славу Божию, обустроивая свое крошечное поселение Плимут [1].

Сооружая временные "английские вигвамы" (несколько шестов, воткнутых в землю, связанных сверху вместе и обтянутых одеялами) или всей общиной возводя бревенчатые срубы, отвоевывая жизненное пространство у леса и обороняясь от диких зверей и индейцев, эти несгибаемые люди видели духовным взором будущие "плодородные земли, величественные здания, добрые сады и деревья в цвету".

Небольшая и обособленная плимутская колония могла бы так и остаться колоритным пятном в истории страны и американской литературы, если бы не массовая (20 тысяч человек) эмиграция в Массачусетс, последовавшая в 1628-1643 годах, так называемое "Великое Переселение" [1].

Пилигримы считали дом главным местом обучения. Они считали, что если ребенок растет в неблагополучной семье, то даже если он будет посещать лучшую церковь и школу, то все равно не вырастет образованным человеком. Колонисты утверждали, что дом был местом, где дети в повседневной жизни проявляли свои моральные качества, привитые им в церкви, и применяли знания, полученные в школе. Итак, детский опыт дома был разнообразностью духовной, научной и рабочей подготовки. Согласно этой концепции в центре домашнего обучения всегда был ребенок. В колониальный период, особенно среди пилигримов, отец играл гораздо большую роль в воспитании детей, чем это обычно происходит на сегодняшний день. Многие колонисты считали, что ребенок формирует образ Бога-отца на основе своих отношений с отцом. Они верили, что ребенок может получить представление о любви и святости Небесного Отца только изучая жизнь своего земного отца. Важная роль главы семьи была особенно заметной в воспитании мальчиков.

Колонисты понимали, что мальчики становятся благочестивыми людьми, беря пример со своих родителей. Поэтому, в глазах колонистов, чем мальчик больше проводил времени с отцом, тем лучше было для него [4]. Когда пуританский мальчик достигал школьного возраста, то большинство внешкольного времени он проводил со своим отцом. Девочки также, как правило, во многом следовали своим матерям. Так девушки учились готовить, шить и быть благочестивыми.

В большинстве колониальных семей были так называемые «семейные религиозные часы», когда члены семьи вместе изучали Библию и молились. Такой семейный досуг сплачивал семью, способствовал ее духовному росту,

развитию у детей навыков чтения, а в их души закладывалась духовная мудрость.

Для колонистов было важно расширять свои знания. Впрочем, они считали, что если человек не имел высоких моральных качеств, то знания могли быть использованы им безрассудно и нанести много вреда.

В действительности, пуритане ожидали большего от своих детей больше, чем это обычно наблюдается в современном американском обществе, но это было жизненной необходимостью.

Семьи были большими, поэтому родителям необходима была помощь старших детей, чтобы заботиться о младших. Для пилигримов в воспитании детей была важна дисциплина, но они также часто хвалили их.

В культуре пилигримов школа была ответственной за развитие умственных способностей ребенка. Также пуритане утверждали, что важнейшая функция школы – помогать воспитывать добродетельных людей [3]. Что касается учебной программы, то основной упор делался на чтение, чтобы дети могли начать читать Библию, как можно скорее. В колониальной школе ребенок не был в центре внимания. Колонисты считали, что дети должны были тщательно усваивать знания в школе, а затем применить их дома. Школы рассматривались пилигримами как учреждения, имеющие стабилизирующее влияние на общество, приближая детей к Богу. Однако, в одном отношении в пилигримском образовании отдельному ребенку уделялось больше внимания, чем это было в 1800-х годах. С началом интенсивного разделения труда, индустриализации и урбанизации, роль дома в образовании со временем значительно уменьшилась. В результате, большинство американцев стали уделять детям дома меньше внимания в 1800-х годах, по сравнению с колониальными временами [3]. Мужчины начали находить работу вдали от дома, и их дети только в редких случаях работали вместе с ними.

Список литературы

1. Ульрике Мозер. С Богом в Америку – GEO, февраль 2009.
2. Философская Энциклопедия. В 5 т. – М.: Советская энциклопедия; Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960-1970.
3. Eavey, 1964; McClellan & Reese, 1988; Willison, 1966.
4. Hiner, 1988; McClellan & Reese, 1988.

УЧАСТИЕ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР В ОТРАЖЕНИИ ШВЕДСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1615 ГОДУ

Торопицын И.В.

доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматриваются события периода Смутного времени на Руси, связанные со шведской агрессией и шагами, предпринятыми в 1615 г. московскими властями для помощи защитникам Пскова. Особое внимание уделяется составу войск, посланных на

помощь осажденному гарнизону города, в том числе участию в этих событиях астраханских юртовских татар.

Ключевые слова: Смутное время, русско-шведская война, Псков, юртовские татары, 1615 год.

Русско-шведской войне 1610-1617 гг. посвящено немало исторических исследований, в которых рассмотрены самые разные стороны данного конфликта [2, 3, 4, 5, 7, 8, 13]. С точки зрения региональной истории данная война имеет прямое отношение к Северо-западу России. Однако в период Смутного времени в конфликт со Швецией были вовлечены не только жители Северо-запада, но и других частей Московского государства [10], в том числе и из тех территорий, которые находились на значительном удалении от театра военных действий, например с Нижнего Поволжья. Но об этом обстоятельных исторических исследований не имеется. В результате в региональной историографии, не связанной непосредственно с событиями русско-шведской войны 1610-1617 гг., об участии местного населения в борьбе со шведской агрессией в период Смутного времени практически ничего не известно, хотя исторические источники позволяют пролить свет на этот вопрос.

Сложная внутривосточная ситуация, сложившаяся в Московском государстве в начале XVII в., вошедшее в историю России как Смутное время, создала условия, при которых стало возможно вмешательство в русско-польский конфликт Швеции. Царь Василий Шуйский обратился к шведскому королю за военной помощью против Лжедмитрия II и поляков, обещав ему отдать часть русских земель (в частности крепость Корелу). В 1610 г. русские и шведские отряды вместе сражались против поляков при Клушине, но потерпели поражение. Вскоре после этого отряды шведских наемников захватывают Старую Ладугу. В феврале 1611 г. отряд князя Г.К. Волконского вынудил шведов покинуть этот город, но в том же году шведы начинают планомерно захватывать новые русские земли. В середине 1611 г. ими был взят Новгород. Посланное спустя два года на его освобождение московское войско во главе с князем Д.Т. Трубецким из-за внутренних противоречий между казаками и дворянским ополчением оказалось не боеспособным. Казаки покинули в 1614 г. расположение русских сил, а оставшиеся с князем Д.Т. Трубецким отряды были разбиты шведами под Бронницей. В начале 1615 г. шведы осадили Псков.

В связи с дальнейшими событиями в поле наше зрения оказываются астраханские юртовские татары. Они и раньше привлекались московскими властями к боевым действиям против внешних врагов [11], однако в период Смутного времени Нижнее Поволжье выпадает из орбиты влияния центральных властей, что делало затруднительным широкое привлечение местного населения на военную службу [12]. Тем не менее, уже в 1613 г. отряды астраханских юртовских татар во главе с табунными головами вызываются с Нижнего Поволжья в Москву и направляются на службу в различные русские города [9, л. 1-4; 6, с. 331].

30 августа 1615 г. царь Михаил Федорович приказал «по псковским вестем, что свийской король идет подо Псков», направить с Москвы на помощь

псковичам своих воевод. Передовой отряд приказано было возглавить воеводе И.Д. Плещееву, стольнику С.С. Собакину и голове А.Ю. Кукарину. В него были включены 344 человека, преимущественно казаки и татары. Среди последних отмечены новгородские новокрещены и татары (26 человек), а также трое юртовских табунных голов и 51 рядовой юртовский татарин [1, с. 42].

«И воеводам Ивану Дмитриевичу Плещееву да стольнику Сергею Степановичу Собакину с товарищи итти во Псков не мешкая нигде ни часу; – отмечалось в царском наказе, – а дворяном и детем боярским и юртовским и новгородским татаром велети быть с собою». Из Москвы этому отряду приказано было двигаться в город Ржев, где к нему должны были присоединиться воевода Д. Погожей с дворянами и детьми боярскими «со ржевичи и з зубчаны» со стрельцами. Достигнув Торопец или Невль воевода И.Д. Плещеева должен был послать весть в Псков о своем движении, а главное сообщить, что за ними идут бояре и воеводы Ф.И. Шереметев «с товарищи со многими ратьми с рускими и с татарскими и с иноземцы» [1, с. 42].

Наказ предписывал воеводе И.Д. Плещееву «итти во Пскове дорогою бережно и усторожливо, и ставитца в крепких местех, и посылати перед собою проезды и станицы, и сторожи б у них были денные и ночные крепкие, чтоб на них безвесно немецкие люди не пришли и дурна какова не учинили; а будет где придут на них немецкие люди, а им будет в силу, и им, прося у Бога милости, над ними промышлять, сколко Бог помочи подаст, смотря во тамошнему делу, и как их Бог вразумит, чтоб над ними поиск учинить, а себя уберечи; а будет неметцкие люди многие, а им не в силу, и им от неметцких людей отходить и промышлять всякими обычаи, чтоб им во Псков пройти со всеми людьми здорово» [1, с. 43].

В Пскове присланный отряд должен был действовать совместно с местным гарнизоном и жителями, которым командовал воевода В.П. Морозов.

Наряду с этим в состав войска, подчиненного боярину и воеводе Ф.И. Шереметеву, стольнику князю В.П. Черкасскому и дьяку Ч. Оботурову, насчитывавшему немногим более 4800 человек из числа дворян и детей боярских различных русских городов («володимирцом, суздальцом, юрьевцом, муромцом, нижегородцом, арземасцом, зубчаном, ржевичам, которые в Погорелом Городище, торопчаном, лучаном, невельским помещиком» и т.д.), служилых татар, стрельцов и казаков, вошли еще 75 юртовских татар, которые находились на тот момент в Ярославле и в Москве [1, с. 45].

Поход этого войска в Псков приказано было осуществлять со всякими предосторожностями, но в случае встречи неприятеля от боя не уклоняться и «уредя полки и устроя людей по сотням против неметцких людей итти на прямое дело» [1, с. 48]. Главная задача, которая была поставлена перед воеводой Ф.И. Шереметевым, заключалась в том, чтобы совместными усилиями с псковским гарнизоном «неметцких людей ото Пскова отбить и стоять не дать и Псков и псковские пригороды от неметцких людей очистить». В случае невозможности быстро снять осаду войска Ф.И. Шереметева должны были принять меры к тому, чтобы обеспечить снабжение Пскова продовольствием на период осады [1, с. 48-49].

Насколько эффективными оказались меры военного характера, принятые московским правительством? Сбор военных сил у Ф.И. Шереметева занял продолжительное время и дальше города Ржева его полки не двинулись, так как в середине октября 1615 г. осада Пскова была снята шведами. В связи с этим боярину Ф.И. Шереметеву и стольнику князю В. Черкасскому приказано было ехать к Москве, а ратных людей распустить по домам [1, с. 50]. «Иное дело отряд И.Д. Плещеева, – пишет Г.А. Замятин. – В.П. Морозов и другие воеводы Пскова писали в Москву, что ратные люди, которые сидели в Пскове и «которые пришли ко Пскову... на помощь с воеводою с Иваном Плещеевым, свейского короля подо Псковом побили..., многих людей взяли, наряд поймали». Из чего автор делает вывод, что, «очевидно, отряд И. Плещеева пробрался к Пскову и принял участие в обороне крепости» [4, с. 195].

Отметим, что астраханские юртовские татары присутствовали в составе отряда И.Д. Плещеева, направленного на помощь осажденному Пскову. При этом для нас важен сам факт того, что они вместе с казаками из своего сводного отряда и защитниками Пскова участвовали в боях со шведами в 1615 г. под стенами города, с честью выполнив свой долг по защите отечества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Список литературы

1. Беляев И.Д. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. Кн. 1. 1849.
2. Бочкарев В.А. Шведско-русские отношения в смутное время и осада Пскова 1615 г. // Сборник Псковской губернской архивной комиссии. 1916. Вып. 1. Псков, 1916.
3. Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М.: Российская академия наук, 2000.
4. Замятин Г.А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Исторические записки. Т. 40. 1952. С. 186-213.
5. Кирпичников А.Н. Оборона Пскова в 1615 (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. Отв. ред. В.М. Воробьев. СПб., 1996. С. 424-450.
6. Корецкий В.И. Новый документ по истории русского города времени крестьянской войны и польско-шведской интервенции // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965.
7. Лыжин Н. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. 1857.
8. Окулич-Казарин Н.Ф. Осада Пскова Густавом Адольфом в 1615 г. // Труды Псковского археографического общества 1915-16 гг. Псков, 1916. Вып. XII.
9. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1613 г. Ед. хр. 1.
10. Рабинович Я.Н. Кормленные книги об участии служилых людей в боевых действиях под Псковом в Смутное время // Псков. № 36. 2012. С. 86-101.
11. Торопицын И.В. Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 246-250.

12. Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары в период Смутного времени на Руси (1605-1614 гг.) // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции 31 декабря 2015 г.: в 8 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. № 9. Ч. IV. С. 142-150.

13. Фигаровский В. Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. VI. Новгород, 1939. Стр. 34-60.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПАМЯТНИКИ АБАЗИН XVI – НАЧАЛА XX в.)

Фоменко В.А.

ст. научный сотрудник сектора древней истории и археологии, канд. ист. наук,
доцент, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований,
Россия, г. Нальчик

Цель проводимой работы – охарактеризовать старинные погребальные памятники населения Верхнего Прикубанья (Карачаево-Черкесской республики). В публикуемой части работы речь пойдет о памятниках непосредственных предков современных абазин. Впервые материал был опубликован в статье [18, с. 298-305].

Ключевые слова и фразы: Северо-Западный Кавказ, Верхнее Прикубанье, Карачаево-Черкесская республика, XVI – начало XX в., абазины, историко-археологические памятники.

Появление абазинского населения прежде всего его равнинной части (тапанта) в Верхнем Прикубанье обычно относится исследователями к XIII-XV в. [1, с. 14, 16]. Однако есть все основания считать абазин наряду с адыгами потомками древнейшего населения Западного и Центрального Предкавказья. И если в ранних этапах этнической истории абазин имеются отдельные мало освещенные в науке вопросы, то памятники XVI – начала XX в., связанные с абазинами, широко представлены на Западном Кавказе в т.ч. и в Верхнем Прикубанье.

Известный краевед М.Н. Ложкин опубликовал несколько фотографий старинных памятников, располагавшихся в Приурупье (в т.ч. в западной части современной Карачаево-Черкесии) и в 80-х гг. XIX в. отснятых другим кубанским краеведом Е.Д. Фелицыным. Таким образом стало известно, что в окрестностях нынешней станицы Преградской в то время находились два мавзолея. На фотографиях сохранились подписи Е.Д. Фелицына:

1. «Развалины старого черкесского (башильбаевского) намогильного памятника при реке Псекенчь (соврем. Псемен, Апсемен) в 6 верстах к югу от ст. Преградской».

2. «Старый черкесский (башильбаевский) намогильный памятник, находящийся при реке Гиче в 4 верстах к югу от ст. Преградской».

М.Н. Ложкин не соглашается с Е.Д. Фелицыным, что на первом снимке изображен мавзолей и считает эту постройку средневековой христианской церковью. Он указывает также, что башильбаевцы – одно из абазинских пле-

мен, а не черкесы (адыги). По поводу второго снимка Михаил Николаевич пишет: «Это типичный купольный мавзолей со стрельчатым оконным проемом, сложенный из плиток, очевидно, песчаника. Видны следы штукатурки, на значительной части наружной поверхности стен уже отслоившейся. Облицовка купола на большой площади утрачена. Находился памятник на возвышенном месте и в настоящее время, к сожалению, полностью разрушен. Предположительно он мог быть построен в первой половине XIX в. для захоронения высокопоставленного лица, жившего в одном из четырех абазинских аулов недалеко от современной станицы Преградской. Постоянный уход за зданием мог прекратиться вскоре после переселения урупских абазинцев на равнину» [10, с. 133, 135-136]. От себя добавлю, что обе названные выше постройки видимо являются мавзолеями и более типичны для XVIII в., хотя здешние мусульманские кладбища, часто возникавшие возле захоронений знати, могли функционировать и в первой половине XIX столетия.

В 1911 году в одном документе сообщалось: «В юрте станицы Преградской ... на правом берегу речки Апсекенки на небольшом кургане имеется каменный памятник с турецкой надписью, относящейся к 1205 гиджири, т.е. к 1790 г.». Л.И. Лавров, опубликовавший эти сведения, указывает, что дата памятника соответствует 10.09.1790-30.08.1791 [9, с. 75].

В своде эпиграфических памятников Л.И. Лаврова содержатся данные о старинном кладбище, располагавшемся близ устья реки Теберды в окрестностях современного Карачаевска. Об этом памятнике упоминали, открывшие его для науки, участники экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г. Так один из них писал: «... встретились у реки несколько мусульманских могил, из них некоторые были каменные в виде небольших домов с отверстием в шесть футов высотой, ведущим в склеп. Самая примечательная из этих могил ... имеет надпись ...». Рисунок этого каменного девятигранного мавзолея (рис. 1) и арабской надписи на нем сохранился в архиве академика П.И. Кеппена. Надпись и более точный перевод опубликованы Л.И. Лавровым: «От посещающего [требуется] только одна молитва. / Если сегодня [это случилось] со мной, то завтра [это случится] с тобой. Владелец / умерший Ахмад-бек сын Каджа. Душе его – Фатиху! / Год / 1163». 1163 г.х. = 11.12.1749-29.11.1750 [9, с. 58-59]. Л.И. Лавров считал, что мавзолей принадлежал абазинскому князю Ахмад-беку Кячеву [9, с. 136-137]. Каменные мавзолеи различной конструкции в конце XVII – XVIII в. были распространены в Кабардино-Пятигорье [19, с. 125-127].

В окрестностях современной станицы Зеленчукской ботаник Ф.А. Колленати в 1843 году упоминает: «... памятник целиком из дубового бревна, на насыпанном холме на левом берегу Большого Зеленчука ... недалеко от так называемого естественного каменного моста». На памятнике две эпитафии, написанные на двух (правой и левой) половинах лицевой стороны памятника. Л.И. Лавров опубликовал две турецкие надписи 1806/1807 гг. с этого памятника. Судя по тексту здесь был погребен «... убитый рукою тирана Мирза-бек, сын эмира Кан-Мухаммед-бека, сына эмира Мансур-бека» [9, с. 90-91]. Леонид Иванович отмечает здесь же наличие второй турецко-арабской эпитафии 1837-1838 гг. ал-Хадджи Мухаммада б. Дарумуджа [9, с. 113] и пред-

полагает, что памятник скорее всего принадлежал представителям абазинской знати [9, с. 161].

На р. Кяфар или Бижгон близ современной станицы Сторожевой неизвестный топограф зафиксировал арабскую надпись-эпитафию «... убитый Шака б. Тарши». Дата надписи по Л.И. Лаврову не ранее XVIII в. и не позже 30-х гг. XIX в. [9, с. 99]. Поскольку на р. Кяфар несколько ниже места слияния с р. Кривой в это время существовал абазинский аул Сидов, а балка Кривой и позже называлась балкой Сидова [2, с. 39], можно предположить абазинскую принадлежность памятника.

Ценный историко-археологический материал был собран геологом П.Н. Шишкиным в 1933-1934 гг. Он кратко описал могильник в урочище «Мечеть», расположенный на левом берегу реки Бижгон в 12-15 км. к югу от станицы Сторожевой. Погребения – невысокие холмики с каменными плитками, поставленными возле этих холмиков. Очевидно поздний мусульманский могильник. Тут же отмечены остатки двух «турб» (наземных склепов – мавзолеев – В.Ф.). Остатки одной «турбы» вскрыты. «Турба» имела форму восьмигранника с сторонами длиной 1,2 x 1,9 x 1,95 x 2 x 2,1 x 2 x 0,4 м и от восьмой грани сохранился лишь незначительный выступ, т.к. здесь по видимому была дверь (окно – В.Ф.). Внутренняя часть «турбы» овальной формы. Диаметр ее 3,35-3,2 м. В центре вырублена могила в форме трапеции. Могила разграблена. «Турба» имеет следы штукатурки [22, л. 46-47].

Наземные каменные гробницы встретились археологу Т.М. Минаевой в верхнем течении р. Бижгон, в том месте, где Бижгон круто поворачивает к западу. На возвышенном плато по левую сторону реки находилось кладбище из нескольких каменных гробниц или склепов, совершенно разрушенных. Гробницы сложены из тесаного камня, по форме прямоугольные, покрывались, очевидно, плитами. В северо-восточном углу плато – остатки какого-то четырехугольного строения, может быть мечети. В центре плато – круглый в плане колодец с водой [11, с. 275; 12, с. 46-47, 66].

К югу от возвышенности Пикет (южная окраина станицы Сторожевой) на склонах этой же возвышенности находились поздние (мусульманские) погребения под небольшими насыпями. Эти могилы связываются казачьим населением станицы с боевыми действиями российских войск против Мухамед-Амина (середина XIX в.) [18, с. 300, 303 прим. 14].

Несколько абазинских селений и две мечети были отмечены к востоку, юго-востоку и югу от современного Черкесска на «Плане воинских действий и расположения турецких войск и соединенных с ними горских народов под верховным начальством трехбунчужного Батал паши и императорских российских под командою генерал-майора Германа от 25 до 30 сентября с показанием случившегося между ними сражения 30-го и после совершенного разбития турок и горских народов, взятия турецкого лагеря со всею артиллерией, воинскими и другими припасами того же числа 1790 г. (копия карты Военно-ученого архива Главного штаба № 1098, отд. 2)» [4, с. 204-217]. Вероятно в междуречье Кубани и Кумы в конце XVIII в. функционировали мусульманские кладбища связанные с этими селениями.

При обследовании комплекса раннесредневековых археологических памятников в 60-70-х гг. XX в. в верховьях реки Подкумок у слияния ее с ручьем Большая Корсунка были обнаружены развалины оставленного селения Абукова (рис. 3), при нем: «На одной из возвышенностей находится огороженное кладбище с характерными мусульманскими надгробиями» [14, с. 56, 60, 64]. Время его возникновения – не позднее конца XVIII века. Населяли аул абазины часть которых в 1860-х годах переселилась в Кабарду (селения Верхний и Нижний Куркужин) [1, с. 33]. Часть населения этого аула осталась в долине Подкумка, основав к середине XIX в. ближе к Кисловодской станции селение Абыкъухъэблежь (на месте современного селения Первомайское в Малокарачаевском районе). В 1904 году абазины из Абукова-аула близ Кисловодской станции в основном переселились на границу с Большой Кабардой на реку Золка, где основали селение Залукокоаже (современный центр Зольского района Кабардино-Балкарии) [8, с. 50; 20, с. 25].

Вероятно вблизи сегодняшнего селения Первомайское сохранилось старинное мусульманское кладбище Абукова-аула середины XVIII – начала XX в. Сведений у меня об этом памятнике нет, но известно, что сегодня возле селения Первомайское существует христианское кладбище приблизительно того времени с несколькими надгробиями Тамбиевых – кабардинцев армяно-григорианского вероисповедания [21, с. 190-193].

В начале 60-х гг. XIX века в верховьях р. Кумы был основан аул Кумско-Абазинский (позднее Кумско-Лоовский, на абазнском – Гвымлокт, современный Красный Восток Малокарачаевского района). Селение это образовалось в результате слияния двух абазинских аулов тапантской ветви – Лоова и Трамва [1, с. 91, 92] и состояло из основных кварталов – Трамкт и Локт. Вероятно, что и часть родственного племени джантемировцев в ходе реформы 1865 года по укрупнению горских аулов временно поселилась в верховьях реки Кумы при образовании Кумско-Лоовского аула [17, с. 123]. В окрестностях современного аула Красный Восток сохранился топоним Джъантемыркт – бывшее место расположения селения Джантемирова [5, с. 109]. Позже, во второй половине 1860-х годов, джантемировцы получили разрешение переселиться в Кабарду на реку Малку [1, с. 33].

По сведениям краеведа И.В. Михайлова в конце XVIII – середине XIX века разместились на нынешних местах следующие абазинские селения:

1790 г. – Дударуковское (современное название Псыж) [13, с. 91].

1860 г. – Старо-Кувинск (по-абазински Кува). Основан переселенцами из селения Псху в Абхазии [13, с. 98-99].

1861 г. – Зеленчукско-Лоовское (с 1925 г. Инжиччукун) [13, с. 48].

1861 г. – Кумско-Лоовское (современный Красный Восток) [13, с. 59-60].

1862 г. – Абуково (современное название Хумара) [13, с. 113-114].

1862 г. – Клычевский (по-абазински Клычкт). С 1926 г. носит название Псучье-дахе [13, с. 90].

1862 г. – Кубанско-Лоовское. Современное название Кубина [13, с. 63].

1862 г. – Егибоковское (с 1929 г. Абзакт) [13, с. 15].

1863 г. – Шахгиреевское (современное название Апсуа) [13, с. 19].

1865 г. – Бибердовское (по-абазински – Бибаркт). Современный Эльбурган [13, с. 122].

Какими именно источниками пользовался И.В. Михайлов при установлении дат основания вышеперечисленных селений, к сожалению, не известно. Однако можно предположить, что здесь сохранились старинные погребальные памятники конца XVIII в. и в основном второй половины XIX – начала XX в.

Сплошного выявления и фиксации памятников XVI – начала XX в. в Карачаево-Черкесии не проводилось. К сожалению, эта работа осуществлялась эпизодически. Так в абазинском селении Красный Восток в 1973 году археологической экспедицией Карачаево-Черкесского областного музея краеведения под руководством Г.Х.-У. Текеева были выявлены каменные надгробия, датируемые вероятно XVIII или XIX в. Одно из них, судя по оформлению верхней части, возможно представляет собой вторично использованное и покрытое орнаментом или надписью антропоморфное скифское изваяние (рис. 2). Оно изготовлено из песчаника и имеет высоту 2 м. Два других надгробия были расположены на северной окраине селения. Они также имели высоту около 2 м и арабские надписи. Со слов местного жителя это надгробия двух братьев табунщиков убитых конокрадами [16, с. 4-5. рис. 17].

Следует сказать, что не все историко-археологические памятники Верхнего Прикубанья культурно-этнически четко различимы. Это касается прежде всего памятников оставленных предками черкесов (адыгов) и абазин. Так сложно выделить абазинские памятники среди позднесредневековых курганных могильников XV-XVII вв. Верхнего Прикубанья и Закубанья. Хотя видимо у абазин все же преобладал бескурганный обряд погребения.

Не всегда вполне различимы адыгские и абазинские мусульманские памятники XVIII – начала XX в. (каменные надгробия-плиты, мавзолеи и т.д.). Это вполне объяснимо тем, что часть абазин издавна наряду с собственными князьями и дворянством управлялась адыгскими князьями, а абазинская знать в значительной степени входила в восточноадыгскую сословно-иерархическую структуру [7]. В абазинских селах в XIX в. проживали представители адыгской знати [15, с. 84-86, 92-93, 102-105, 112]. Характерно, что и в XVIII-XX вв. процессы интеграции абазин (тапанта и шкарауа) в состав восточно-адыгского этноса (бесленевцы (черкесы) и кабардинцы) проходил довольно интенсивно. Абазинское население в Кабарде к середине XX в. было полностью ассимилировано [6]. В Карачаево-Черкесии несколько абазинских сел в течении XX в. стали в основном черкесскими (адыгскими) (Абуково (Хумара и Первомайское), Псучье-дахе, Абазакт) [3, с. 420-424]. Большинство абазинского населения Карачаево-Черкесии владеет черкесским (адыгским) языком. Однако тенденция интеграции абазин в восточноадыгский этнос во второй половине XX и начале XXI в. заметно ослабла, при том, что влияние карачаевского этноса среди абазин продолжает усиливаться.

Таким образом, перечисление историко-археологических памятников абазин XVI – начала XX в. на территории современной Карачаево-Черкесии показывает, что эти объекты историко-культурного наследия выявлены, описаны и изучены фрагментарно, многие из них безвозвратно утрачены. Необходимы проведение большой работы по учету и сохранению существующих, а также поиск документальных свидетельств о ранее существовавших памятниках.

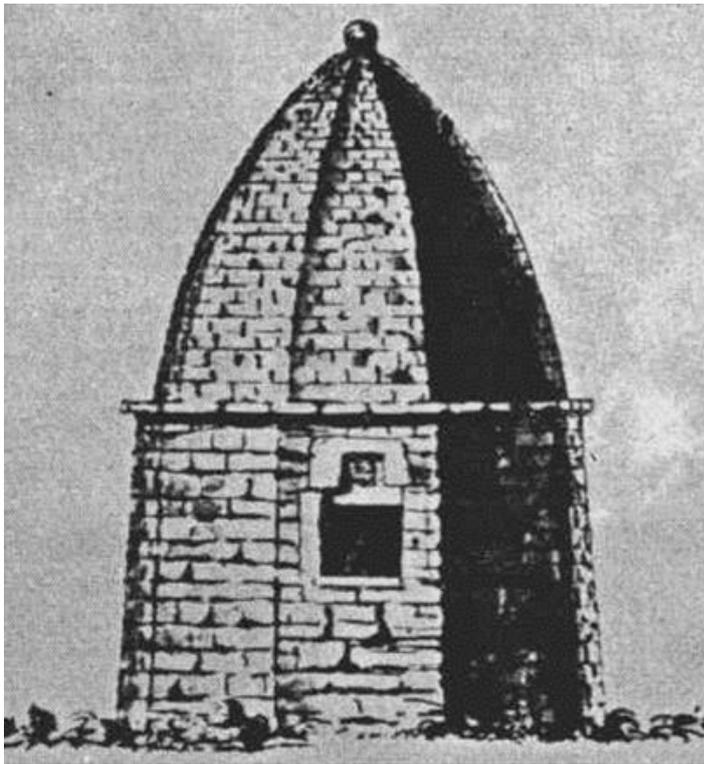

Рис. 1. Мавзолей А. Кячева (по И. Бернардацци)

Рис. 2. Надгробие в селении Красный Восток (по Г.Х.-У. Текееву)

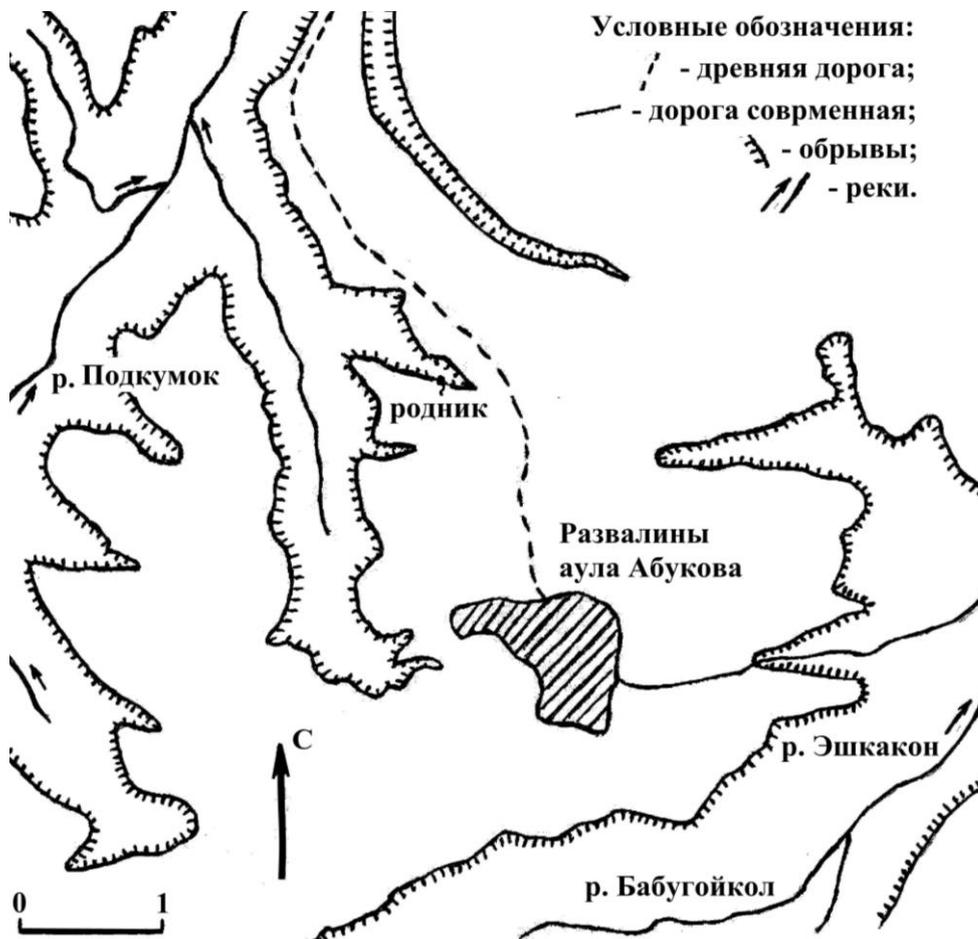

Рис. 3. Схема расположения селения Абуково в верховьях р. Подкумок

Список литературы

1. Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989.
2. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.
3. Багов П.М. Некоторые фонетические особенности речи кабардинцев села Первомайское Карачаево-Черкесской автономной области // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1958. Т. 14.
4. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 гг. СПб., 2002.
5. Ионова С.Х. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993.
6. Кожев З.А. Абазины в Кабарде // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 1997. № 3.
7. Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVIII в.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.
8. Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
9. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII-XX вв. М., 1968. Часть 2.
10. Ложкин М.Н. Фотографии утраченных памятников кубанской старины // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Вып. 2.
11. Минаева Т.М. Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2.
12. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
13. Михайлов И.В. Территория проживания: Карачаево-Черкесская республика. Ставрополь-Черкесск, 2004.
14. Рунич А.П., Березин Я.Б., Савенко С.Н. Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1983. В. 2.
15. См. например: Сословное право горцев Кубанской области (1872-1903 гг.). Генезис Северного Кавказа. Нальчик, 2008. Вып. 19.
16. Текеев Г.Х.-У. Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесского областного музея краеведения с 13 по 23 апреля 1973 г. Черкесск, 1973. Отчет хранится в архиве Института археологии РАН. Фонд Р-1, д. 5777.
17. Фоменко В.А. Из истории адыгского и абазинского населения Пятигорья // Архивы и общество. Нальчик, 2008. Вып. 4.
18. Фоменко В.А. Историко-археологические памятники абазин XVI – начала XX в. на территории КЧР // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2010.
19. Фоменко В.А. О мавзолеях XVIII в. в долине реки Подкумок // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 17.
20. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002.
21. Фоменко В.А. Селения Тамбиевых близ Пятигорска и Кисловодска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50). Ч. I.
22. Шишкин П.Н. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Рукопись хранится в Институте истории материальной культуры РАН. Ф. 2. О. 2. Д. 1406.

**ПАРАДИГМА НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ЭЛЕМЕНТ
ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Зайцева О.А.

старший преподаватель, НФ «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», Россия, г. Новороссийск

В данной статье рассматривается парадигма, как образующий элемент научной картины мира. Показана динамичность, видоизменяемость научной картины мира как части эволюции. Научная картина мира меняется в зависимости от составляющих ее установок и перетекает в новое направление научной теории. Показана взаимосвязь научной картины мира и философского мировоззрения как двух дополняющих друг друга элементов научной и философской области.

Ключевые слова: парадигма, научная картина мира, синергетика, мировоззрение, философское мировоззрение.

В научном мире существует довольно большое количество парадигм, которые признаны современным научным обществом. В общем понимании парадигма – это начало всякой науки, она обеспечивает возможность целенаправленного отбора фактов и их интерпретации. Парадигма, по Т.Куну, или «дисциплинарная матрица», как он предложил называть ее в дальнейшем, включает в свой состав четыре типа наиболее важных компонентов:

- 1) «символические обобщения» – те выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий;
- 2) «метафизические части парадигм» типа «теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело»;
- 3) ценности, например, касающиеся предсказаний, количественные предсказания должны быть предпочтительнее качественных;
- 4) общепризнанные образцы [1, с. 32-33].

Парадигмы в философии формируются исходя из определенной установки научности и временных рамок. Парадигма для научной картины мира есть. С течением времени парадигмы могут сменять друг друга, вследствие накопления новых компонентов, которые могут послужить началом нового научного направления, а также выступят первоначалом к переменам в философском мировоззрении. Таким образом, представляется необходимым выявить степень влияние парадигм научной картины мира на формирование основных устоев философского взгляда на окружающий мир.

Научная картина мира рассматривается как необходимое и неотъемлемое условие существования научной реальности, так как именно особым образом структурированные знания образуют тот дискурс, или область конечного смысла, который определяет движение и развитие научной мысли [3, с.184]. Научная картина мира понятие динамичное, синтезирующее, так как происходит постоянная смена основных научных теорий, систем. Ее можно систематизировать от начала истоков философии, (например, античная кар-

тина мира) до постнеклассической научной картины мира (эпоха материализма, космоцентризма). Научная картина мира представляет собой образ реальности в конкретных областях фундаментального знания. Она образуется путем синтеза отдельных наук, содержит общие представления о мире, которые вырабатываются на определенных стадиях развития науки, включает в себя представления, как о природе, так и о жизни общества [4, с. 99].

Современная научная картина мира довольно тесно связана с синергетическими основами, так как мир есть самоорганизующаяся сложная и открытая система, которая не нуждается во внешней помощи. Представляясь независимым предметом, имеющим центральное ядро, она видоизменяется и пополняется теоретическими научными основами, беря этот импульс из своих же основ. Основы синергетики обеспечивают научной картине мира систематическое обновление фундаментальных вопросов философии и соответствие их с требованиями современного времени.

При смене картины мира, когда новое знание выходит за рамки научной области смысла, происходит переход всей структуры на новый уровень. При этом теоретическое ядро картины мира (константы, общие для всех теорий) остается неизменным, фундаментальные допущения слегка модифицируются с точки зрения их абсолютной истинности. Наиболее подверженной изменениям в научной практике является область дополнительных моделей, которые адаптируются к новому знанию и представляют собой внешние границы, очерчивающие границы и свободу мыслительной деятельности ученого. Построение научной картины мира происходит, в основном, в области научных теорий, однако, она является первоначалом для других картин мира (философской, религиозной) и служит двигателем разработки новых идей и расширении области знаний.

Научная картина мира есть неотъемлемая часть мировоззрения и миропознания. Если это религиозная картина мира, то это часть религиозного мировоззрения; мифологическая картина мира – мифологическое мировоззрение. В данном случае рассматривается философское мировоззрение и его точки соприкосновения с научной картиной мира. Казалось бы, где философия и где научные, фундаментальные теории? Однако, связь между этими элементами имеется.

Понятие «мировоззрение», как известно, впервые начинает использоваться в немецкой философской литературе конца XVIII-начала XIX вв. [2, с. 223]. Данное определение прошло через некоторые этапы своего становления и, в конце концов, достигло своего современного субъективного смысла. Мировоззрение – это та часть действительности, которая окружает индивида вне его физического состояния, это то, что образует вокруг него смысл его существования. Философское мировоззрение представляет собой самый систематизированный вид мировоззрения, заключающий в себе наиболее рационализированные установки о себе, об окружающем мире. Пройдя через этап мифологии, сквозь основы религии, мировоззрение превратилось в часть философского категориального аппарата. Философское мировоззрение как часть философии рассматривает обширные вопросы он-

тологии, гносеологии, находит частично ответ на извечный вопрос философии: что первичнее: дух или материя?

Научная картина мира является одним из ведущих элементов философского мировоззрения, отражая современные теоретические основы наук, систематизируя новые теории, воплощая их в парадигмальные установки. Формирование научной реальности происходит благодаря накопленным теоретическим знаниям в области философии, которые модифицируются из целевой научной деятельности общества. На каждом этапе эволюции научная картина мира усложняет свою организацию, меняются методы изучения научных объектов, рамки исследования. Картина мира призвана объяснять структуру и процессы физической реальности, а также определять границы разумного понимания на определенном этапе развития общества. Философское мировоззрение раскрывает теоретические основы научной картины мира через совокупность парадигм научной реальности; при смене парадигм происходит смена оснований теоретических основ картины мира, а значит, изменение в направлении философского мировоззрения.

Список литературы

1. Даниелян Н.В. Проблема ценностного статуса истины в научной картине мира. // Ценности и смыслы. 2011. №5. С. 32-45.
2. Колесников. М.А. Философское понятие «мировоззрение»: исторический анализ эволюции. //Фундаментальная наука вузам.2010. №4. С. 222-227.
3. Молчанова Н.С. Философское обоснование научной реальности и значения научной картины мира в ней. //Научные ведомости. 2010. №2(73). С. 182-186.
4. Яковлева Е.А. Проблема единства научной, религиозной и философской картин мира. //Известия ИГЭА. 2006. №4(49). С. 98-101.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ТЕХНОЛОГИЙ

Петров П.Ю.

ведущий инженер, канд. техн. наук, доцент,
Ярославский филиал Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II»,
Россия, г. Ярославль

В статье показано, что термин «технология» связан с базовым термином «информация» и функционально с термином «технологический процесс», дано авторское определение термина «технология». Предложена классификация технологий по степени подробности (полноты) описания технологического процесса.

Ключевые слова: термин, определение, технология, информация, технологический процесс.

В философии познания важнейшее место занимает научная деятельность, связанная со структурированием и развитием понятийного аппарата.

Опыт современной общественной деятельности свидетельствует о неуклонном совершенствовании технологий, применение которых приводит к небывалому росту количества номенклатуры производимой продукции и предоставляемых услуг. Вполне очевидно, что общество, обладающее технологиями более цельными и адекватными реальным условиям его бытия, будет наиболее эффективно удовлетворять свои потребности и обеспечивать стратегические преимущества по сравнению с другими обществами. Поэтому вопрос технологической обеспеченности жизнедеятельности общества – это, помимо прочего, всегда еще и вопрос власти.

Отметим, что слово «технология» является одним из широко применяемых. Например, в поисковой системе Яндекс на это слово находится 765 миллионов результатов поиска. Для сравнения: «Россия» – 1 108 млн., «человек» – 1 053 млн., «техника» – 565 млн., «любовь» – 333 млн., «воздух» – 238 млн., «земля» – 158 млн. То есть по лексической востребованности слово «технология» стоит между словами «техника» и «человек».

Несмотря на высокую частоту употребления этого слова и его социальную значимость, единое определение термина «технология» отсутствует. Такое положение вещей может быть при условии, что применяемый термин имеет единственное общепринятое толкование и нет необходимости каждый раз приводить его определение. Или термин не является жизненно важным и каждый может трактовать его как угодно. Или термин применяется в различных видах (отраслях) человеческой жизнедеятельности и в каждой из них имеет свое понимание. В отношении термина «технология» сложилась третья ситуация: единого определения этого термина нет, при этом большее внимание уделяется определениям функциональных видов технологии («технологии переработки пластмасс», «биотехнологии» и т.д.) – базовых для той или иной области деятельности.

Целью статьи является выделение единой лексической базы в понимании термина «технология» и базовых видов технологии.

Был проведен контент-анализ более чем в восьмидесяти словарях, энциклопедиях, учебниках и учебных пособиях различных видов деятельности (социальная политика, сварочное производство, живопись и т.д). Наиболее часто слово «технология» встречается в названии книг по химическим технологиям и нанотехнологиям. Так, в 32 книгах по нанотехнологиям (14 монографий, 18 учебных пособий) определение термина «нанотехнология» встречается 18 раз, «технология» – 3 раза, «нанобиотехнология» – 3 раза, «бионанотехнология» – 1 раз. Такой высокий процент наличия определений (56,2%) объясняется тем, что это относительно новый вид деятельности и авторы стремятся объяснить, чем он отличается от других технологий.

Термин «технология» имеет неоднозначное толкование, которое раскрывается через ряд других терминов. Базовые термины, которые позволяют уяснить к чему относится технология, можно свести к одной из следующих групп:

- методы, правила действия, приёмы и способы;
- наука, научная дисциплина;

- знания, сведения; научно-технические знания;
- учебный предмет;
- технологические процессы, операции.

Чаще всего технология определяется как методы, приёмы и способы, т.е. как достаточно определенная последовательность действий. В двух из найденных определений указано, что целью таких действий является получение необходимой или готовой продукции. Как правило, методы, приёмы и способы – это не только сами действия, но и информация о том, как эти действия совершать.

Известно, что наука – это система общепринятых знаний о различных аспектах (сторонах) окружающей действительности и специфическая область деятельности человека по выделению и систематизации этих знаний. Под знаниями понимается информация, готовая в определенных условиях к применению на практике. Определенная технология может быть также предметом учебных дисциплин в системе образования, т.е. в системе устойчивой передачи знаний (информации) от поколения к поколению.

Таким образом, давая определение технологии через проанализированные базовые термины, неизбежно приходим к основополагающему термину – «информация» (рис. 1). Как и любая информация, технология может содержаться в сознании отдельного человека и / или отражаться на определенных носителях.

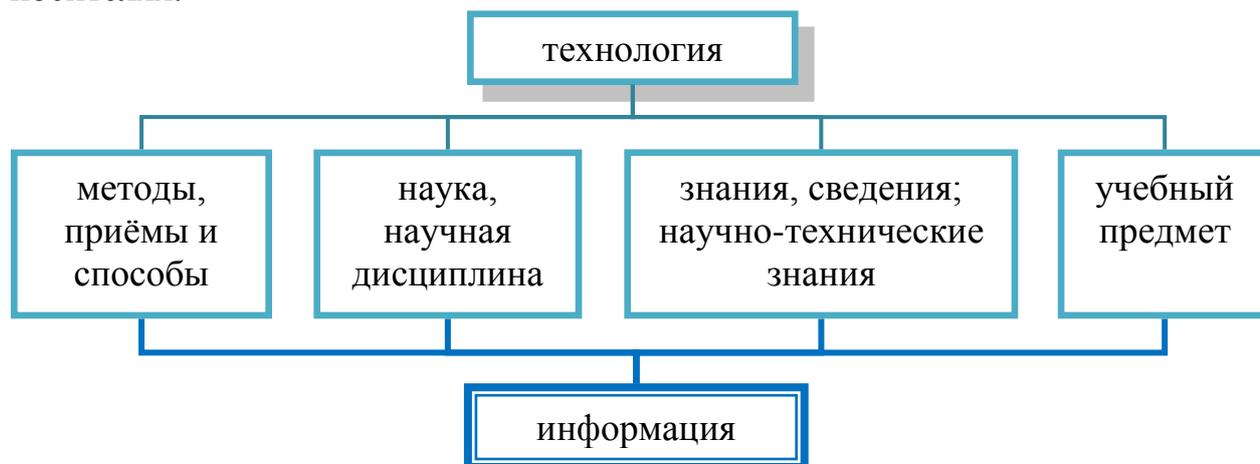

Рис. 1. Иерархия терминов, определяющих технологию

Иногда технология определяется также как технологические процессы и операции. Так, в учебнике по технологии горючих ископаемых в одном абзаце читаем: «Технология гидрогенизации углей складывается из нескольких стадий... Технологический процесс гидрогенизации бурых углей был разработан в ИГИ» [1, с. 241]. То есть термины «технология» и «технологический процесс» применяются как синонимы.

Рассмотрим это отождествление подробнее. Для того, чтобы возник и существовал технологический процесс необходимо наличие определенных ресурсов. Под ресурсами следует понимать материальные и нематериальные средства, которые используются в человеческой деятельности. Такими ресурсами могут быть: территориальные ресурсы (земля); воздушные ресурсы;

полезные ископаемые, сырье и полуфабрикаты; энергетические ресурсы; недвижимость (здания и сооружения); оборудование и инструменты; трудовые ресурсы; финансовые ресурсы; информационные ресурсы.

Однако механическая совокупность необходимых ресурсов не является достаточным условием возникновения технологического процесса. Для того, чтобы существовал такой процесс необходимо наличие управления. Поскольку управление также является процессом, то в определенном смысле можно утверждать, что технологический процесс – это реализованное на практике (осуществленное), ресурсно обеспеченное управление. С ресурсной точки зрения, технология – это информация о ресурсах и порядке их использования. В свою очередь сама технология также выбирается в процессе управления, в соответствии с поставленными целями (рис. 2).

Рис. 2. Схема обеспечения технологического процесса

Следовательно, технологический процесс строится в соответствии с технологией, но технологией не является, эти два понятия структурно-логически связаны, но отождествлять или приравнивать их один к одному не корректно.

Итак, технология есть информация, но что есть информация? В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" содержится определение информации: «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (п.1 ст.2 149-ФЗ). В одном из учебников дается такое определение: «Информация – это сведения о значимых фактах (лицах, действиях, организациях, событиях), которые служат основой для принятия решений о проведении административных, организационных мероприятий, а также для подготовки предложений и рекомендаций. В философском понимании информация обеспечивает уменьшение или снятие неопределенности наших представлений об изучаемых явлениях (процессах) в результате получения сообщения (знака)» [2, с. 17].

Следовательно: **технология** (в общем смысле) – это информация об определенной результативной последовательности действий и необходимых для них ресурсов. Такие действия могут осуществляться как людьми, так и техникой в автоматическом режиме. Если рассматривать определение через три базовых философских понятия (мера, информация, материя), то можно

сказать, что технология – это информация о мерной (упорядоченной) трансформации материи.

Тем не менее, возникает вопрос: почему так много точек зрения на понимание сущности технологии. Возможно, ответ следует искать в том, что разные объекты называются одним словом. Как было установлено, технология – это информация о реальных процессах или процессах, которые могут (должны) быть осуществлены. Но эта информация может в разной степени отражать эти процессы, если так можно сказать, иметь разный масштаб приближения к этим процессам. По степени этого приближения (детализировки) можно выделить два основных вида технологий: типовые технологии и прикладные технологии.

Типовые технологии – это информация об общей последовательности выполнения технологического процесса, наиболее важных операциях (группах операций) и основных ресурсах. Типовая технология отражает общую методологию и основные методы осуществления (реализации) технологического процесса, которые отражаются в принципиальном алгоритме или базовой схеме этой реализации.

Прикладные технологии – это информация о технологическом процессе, технологических операциях и необходимых для каждой операции ресурсах, в объеме, достаточном для субъектов, осуществляющих технологический процесс получения конкретной продукции и / или услуги заданного качества. Технология, как правило, создается, хранится и используется в виде нормативно определенной технической документации (например, техкарт). Прикладные технологии содержат методики, описывающие методы (способы) осуществления некоторой практической деятельности. Хорошим примером прикладных технологий являются кулинарные рецепты.

С позиции анализируемой терминологии, роль науки заключается в совершенствовании методологии, разработке и апробации новых методов (способов, приемов) познания и преобразования окружающего мира. Наука должна генерировать новые типовые технологии. А образование должно обеспечивать подготовку трудовых ресурсов, владеющих набором определенных, как правило, родственных, прикладных технологий. Именно поэтому в программах учебных дисциплин (предметов) определяются конкретные знания и навыки по определенным технологиям.

Список литературы

1. Глушенко И.М. Теоретические основы технологии горючих ископаемых: Учебник для вузов. / И.М. Глушенко. – М.: Металлургия, 1990. – 296 с.
2. Кузнецов И.Н. Информация: сбор, защита, анализ Учебник по информационно-аналитической работе. / И.Н. Кузнецов. – М.: ООО «Изд-во «Яуза», 2001. – 318 с.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Хотеева М.С.

доцент кафедры философии, канд. филос. наук, доцент,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, г. Москва

В статье рассмотрены вопросы возникшие в следствие развития новых форм научного знания. Речь идет об этических проблемах, которые влекут за собой открытия в различных областях знания. Отражены подходы к перспективам развития науки. Обозначена необходимость корреляции научных достижений с требованиями гуманизма и современными общественными стандартами. В статье дан анализ преобразования этических ценностей в аспекте их нового осмысления. Изложены современные принципы научной этики XXI века.

Ключевые слова: этика, этические проблемы, наука, общество, познание, подходы, оценки.

Этика (греч. – обычай, нрав, характер) как отдельная наука начала разрабатываться в Древней Греции, термин был введен Аристотелем (384-322 г. до н.э.). Если в обычной жизни под этикой понимают принципы поведения человека в обществе, понимание конкретным индивидом добра и зла, то научная этика представляет собой моральные основы отношений в научном сообществе, а также взаимоотношения между наукой и обществом в целом.

Этические проблемы науки – это последствия, которые могут возникнуть в обществе в связи с применением нового научного открытия. Эти последствия могут распространяться в области политики, права, экологии, здравоохранения, культуры.

Данная статья анализирует различные подходы к пониманию роли науки в условиях новых общественных запросов, рассматривает современные этические требования, предъявляемые к научному знанию сегодня.

Методологические принципы изучения этики науки

Методология научного исследования, применяемая в области этики, имеет те же характерные черты, как и для других гуманитарных наук. Она не сводится только к описанию набора исследовательских операций. Эти методы могут быть специфичны для данного явления и быть применимы в контексте исследуемого объекта, целей и установок познающего субъекта, культурных и ценностных ориентиров современного общества. Но есть и общие методологические принципы, помогающие изучению социальной сущности любого научного открытия. В целом исследование этики научного познания происходит на теоретическом уровне, невозможно без общественного осмысления проблем и перспектив.

Многообразие оценок роли науки

В современном научном, да и общественном сознании существуют различные нравственные оценки роли науки в развитии человечества и ее собственных перспектив. Можно выделить три основных подхода к науке.

Нейтральность научного знания

Этот подход к науке состоит в том, что она воспринимается обществом безотносительно таких этических категорий как "добро" и "зло". Наука представляется как система знаний, отделенных от общественной жизни, не имеющая непосредственного отношения к политическим, экономическим, социальным процессам. Этот подход идеализирует науку. «Иными словами, идея нейтральности предполагает, в некотором смысле, убеждение в том, что наука и технология не имеют собственных интересов, мотивов, понятий о мире, не содержат в себе правил человеческого поведения и структур поведения и жизни вообще, но что они могут быть доступны и полезны в рамках самых различных композиций этих элементов» [1, с. 100].

Пессимистичный подход к науке

Представители данного подхода оценивают науку негативно, видят в ней разрушительные тенденции, способствующие регрессу в отношениях между человеком и природой, человеком и обществом, между самими людьми. Они обвиняют науку в постоянно возрастающей технократической зависимости человека, ухудшении экологии, в падении духовности, в сужении рамок образования чисто профессиональными потребностями, ухудшении здоровья населения, появлении новых болезней и вредных привычек. «Пессимисты склонны видеть в науке и технике некую «демоническую силу», вырвавшуюся из-под контроля человека и способную принести человечеству неисчислимы бедствия. Они обвиняют науку и технический прогресс в разрушении окружающей среды, деградации культуры и нравственности» [6, с. 71].

Оптимистический подход к науке

Защитники оптимистического подхода считают, что наука как социокультурный феномен, напротив, является фактором, влияющим на развитие здравоохранения, образования, благосостояния людей. Они утверждают, что научно-технический прогресс способен преодолеть противоречия современного мира, ликвидировать социальную напряженность, создать единое мировое пространство, наладить контакты между различными культурами и цивилизациями. С ними можно было бы согласиться, если бы наука была способна сама себя контролировать и прогнозировать последствия своего развития. Наука не может, например, учитывать человеческий фактор. Она не может сама выработать механизмы защиты своих результатов от недобросовестного использования. Она не всегда способна предусмотреть возможность внедрения технологий в тех сферах, где не предполагалось их применение.

Представленные три противоположных подхода по-разному оценивают общественную роль науки и заслуживают внимания. В рамках этих подходов неоднозначно трактуется научная деятельность. И в связи с этим еще острее стоит вопрос – в чем заключается моральная ответственность ученого перед обществом за результаты научных исследований и их дальнейшее использование во благо или во вред человеку.

Преобразование научных ценностей как особенность научного познания XXI века

На протяжении длительного периода существования науки представлялось, что она служит познавательным и технологическим целям человека и общества, способствует их развитию и совершенствованию. В научном сообществе это не подвергалось сомнению, любые открытия прошлого в истории науки трактовались как этапы прогресса.

XX век – время крупнейших научных открытий в области физики, биологии, генной инженерии (и генетики вообще). Во второй половине XX века особенно остро встают вопросы ответственности ученых за свои изобретения. Повышение ответственности ученого явилось обратной стороной его научной свободы, сделав его в некоторых вопросах несвободным. Сохранились воспоминания академика П.Л. Капицы о Резерфорде: «Резерфорд хорошо знал, какая опасность таится в необъективности интерпретации экспериментальных данных, имеющих статистический характер, когда ученому хочется получить желаемый результат» [5, с. 297]. Можем ли мы говорить о сужении границ свободы в научной деятельности и не станет ли это препятствием дальнейшему развитию науки. В современной научной литературе признается, что наука без свободы невозможна. Автор статьи «Этические проблемы науки» Н.Н. Габдулова пишет: «Одним из необходимых условий и особенностей развития науки является свобода научного творчества. Во всех своих аспектах – в психологическом (свобода воли), гносеологическом (свобода как познанная необходимость), социально-политическом (свобода действий), связанных между собой, свобода в области науки проявляется в особых конкретных формах и выступает, как необходимое основание ответственности не только ученого, но и человечества в целом» [4, с. 33].

В науке существуют объективные моральные ограничения, которые были присущи ей всегда. Они проявляются в критичности и объективности по отношению к истине, результатам коллег, в отношениях между устоявшейся теорией и новыми научными фактами, в корректности цитирования, запрете экспериментов, способных повлиять на здоровье людей. Теперь же речь идет об исследованиях, которые могут принципиально изменить положение дел на планете, например, поставить мир перед глобальной катастрофой, нанести непоправимый экологический ущерб, влиять на изменение биологической среды, генетику живых организмов. Соответственно требования к науке в этическом отношении возрастают.

Принципы научной этики XXI века

Исходя из современных общественных задач, нам представляется, что общие этические требования к науке XXI века могут дополниться следующими.

1. Информирование общества о результатах научных открытий.
2. Мониторинг научных достижений со стороны общества.
3. Нравственно-этические ограничения научных разработок.
4. Гуманизация научных открытий.
5. Необходимость наработки новых моральных ценностей всеми уче-

ными независимо от рода их научной деятельности.

6. Свобода от политики и идеологии.

«Для каждой области науки они индивидуальны и споры о них в научных кругах продолжаются» [3, с. 112].

Таким образом, формирование новых принципов этики научного познания является комплексной, многоаспектной проблемой, которая самым тесным образом связана с вопросами обеспечения безопасности стран, а также всего мирового сообщества, которое уже сегодня существует в принципиально новой социальной реальности.

Список литературы

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. – М.: 1998. 344 с.
2. Богатов В.В. Этика в научной деятельности. // Вестник ДВО РАН. 2008. №1. С. 144-157.
3. Визгин В.П. Нравственный выбор и ответственность ученого-ядерщика в истории Советского атомного проекта. // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1998. Вып. 3. С. 104-114.
4. Габдулова Н.Н. Труды псковского политехнического института. №12.1. Изд. Псков, 2008. С. 31-36.
5. Капица П.Л. Мои воспоминания о Резерфорде // Эксперимент, теория, практика. Статьи, выступления. М.: Наука, 1981. С. 288-316.
6. Яскевич Я.С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности: учебно-метод. Пособие. Минск: БГЭУ, 2007. 186 с.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Душина Е.С.

Оренбургский институт (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г.Оренбург

В данной статье рассматривается проблема влияния процесса глобализации на суверенитет государства.

Ключевые слова: суверенитет, глобализация, транснациональные корпорации, надгосударственные международные организации.

Стремительные изменения в мире в конце XX века – начале XXI, связанные прежде всего с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему государственного суверенитета.

Перед каждым государством встал вопрос его суверенитета. Государственный суверенитет представляет собой независимость и самостоятельность государства в проведении как внутренней, так и внешней политики. Верховенство государственной власти внутри страны проявляется прежде всего в способности государственной власти самостоятельно устанавливать общеобязательные для всех членов общества правила поведения, и обеспечить единый правопорядок, а также определять права и обязанности граждан.

В современную эпоху на государственный суверенитет оказывают большое влияние процессы глобализации.

Под глобализацией большинство ученых подразумевают процесс, обусловленный объективными факторами интенсивного сближения и взаимодействия различных частей целого мира. Но как уже говорилось, нет единого понятия термина глобализация. Например, М. Уотерс в своей книге "Глобализация" дает следующее изложение термина: "...ключевой идеей 90-х гг. может стать глобализация, под которой мы понимаем переход человечества в третье тысячелетие" [2, с. 32]. В это же время английский ученый Р. Робертсон воспринимает глобализацию как «сжатие» мира и усиление взаимозависимости всех его частей, что сопровождается осознанием целостности, единства мира.

Изучение влияния глобализации на суверенитет государства стоит рассматривать с точек зрения разных ученых-правоведов.

Ряд современных ученых утверждает, что глобализация способствует сближению различных государств и регионов мира, снижает международную напряжённость. Так, можно полагать, что эпоха глобализации – это период существенных преобразований в первую очередь правовых систем всех государств, активного восприятия в них общепризнанных правовых принципов и норм международного характера, позитивных, апробированных на многолетней практике юридических образцов других стран и на этой основе сближе-

ния систем права всех цивилизованных государств. Эту точку зрения может продемонстрировать такой процесс как демократизация.

Известный немецкий социолог Ульрих Бек в своём труде "Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию" подразумевает под глобализацией процессы, в которых национальные государства и их суверенитет переплетаются в паутину транснациональных актёров и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности [1, с. 33]. Чтобы проследить влияние глобализации на суверенитет государства, Ульрих Бек рассматривает прежде всего её влияние на экономику государства. Таким образом, автор делает вывод, что нормальное развитие национальных экономик в условиях глобализации становится возможным только на пути использования преимуществ мирового разделения труда. Это приводит к возрастанию экспорт ориентированности отраслей производства. На фоне этого начинаются активные вливания различных инвестиций. На общем фоне возрастает и значение транснациональных корпораций, а также и транснациональных банков. Такого же мнения придерживается и американский политический теоретик Дэвид Хелд. В своей работе "Глобальные трансформации" он показывает, как национально-государственная политика благодаря международным соглашениям, интернационализации процессов принятия политических решений, благодаря растущим зависимостям в обеспечении безопасности, а также благодаря международному обращению товаров и разделению труда теряет то, что составляет ядро её власти – свой суверенитет [3, с. 367].

Нельзя не поддержать мнение уважаемых учёных, так как влияние ТНК и ТНБ очевидно. Например, американская политика по отношению к Кубе при Феделе Кастро или к Чили при Алленде была сформирована, почти исключительно основываясь на воле экономической элиты страны, которую представляют владельцы самых больших американских компаний. Кроме того, ТНК настолько мощны, что в ряде стран по их инициативе и с их участием ведутся локальные войны и реакционные перевороты.

Деятельность транснациональных корпораций приводит к образованию целого ряда надгосударственных международных организаций. Примером таких организаций является создание ВТО, главной задачей которой является либерализация международной экономики. Вступая в ВТО, страна начинает перестройку национальной экономики, изменять её в соответствии с запросами современного мира.

Подводя итог данного исследования, стоит отметить, что влияние глобализации на суверенитет государства неоднозначен: можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны этого процесса. С одной стороны, глобализация способствует установлению единой политики демократии, с другой – возросшая на основе глобализации роль ТНК и ТНБ позволяет оказывать существенное влияние на политику государства, то есть на её суверенитет.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 103.
2. Waters M. Globalization. London; N. Y.: Routledge, 1995.
3. Хелд Д., Макгрю Э. Глобальные трансформации. М.: Праксис, 2004. С. 213.

Подписано в печать 11.10.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 246
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а